

У Р А Л Ь С К И Й № 4, 2007
Следопыт

«Уральский следопыт» № 4, 2007, (№598)

**апрель
2007 (№598)**

**как
сварить
обед
в одном
полене**

СЕРДЦЕ-ОЗЕРО

Перед нами – мощная горная цепь Южного Урала. Ее вершины-великаны словно бы шагают с северо-востока от озера Зюраткуль на юго-запад к устью реки Березьяк – осматривают и сторожат природную невидаль Зюраткульского национального парка

– Да-а, задачка! Пока же на сон грядущий вспомним заповедь одного восточного мудреца. Он говорил: «Того, кто не знает своих предков до седьмого колена, считать безродным бродягой»...

Сентябрь 2006, Бавария.

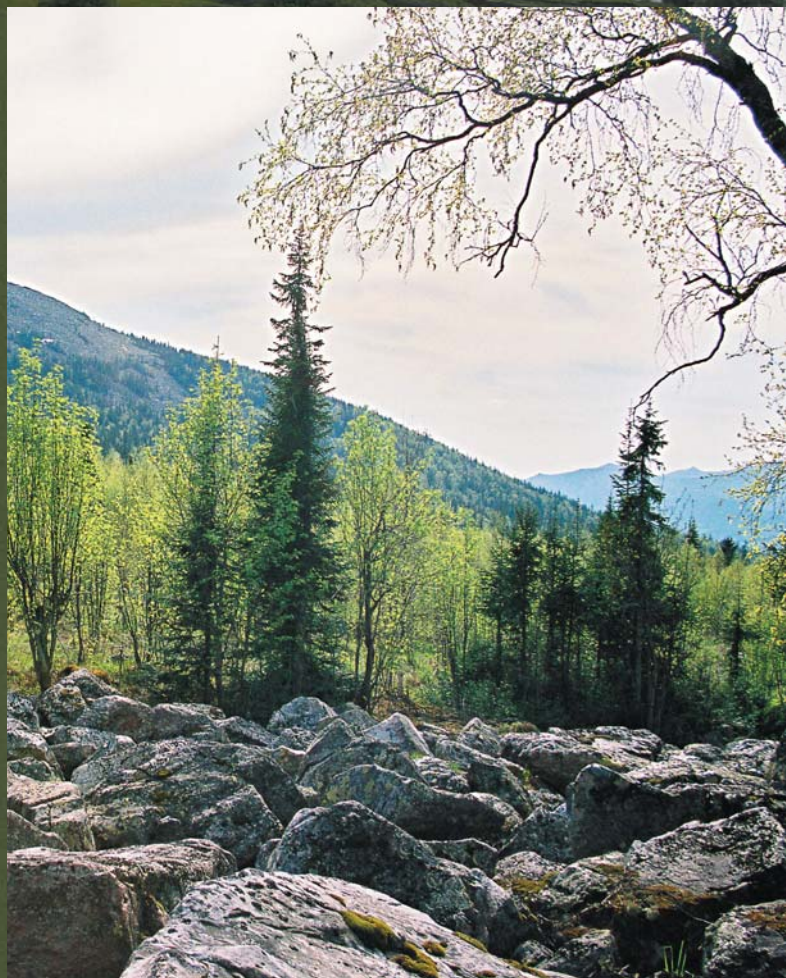

Иллюстрации Э. Андриолли к произведениям польских и русских писателей

Юрий СЕНТЯБРЕВ,
фото Владимира САДЫРИНА

Высокогорное озеро Зюраткуль бережно держат в своих каменных ладонях пять окрестных гор: Уреньга, Зюраткуль, Москаль, Нургуш и Лукаш.

Его питают своими прозрачными водами десятки речек, ручьев и родников – кылов. (Кыл в переводе на русский – «протока».) Только некоторые из них удостоились названий: Большой и Малый Кыл, Черный Кыл, Девятый Кыл, Ратуев Ключ... Прочие отдают озеру свои воды бескорыстно и безмянно. А оно, в свою очередь, руслом реки Большой Сатки питает теми водами город Сатку и его окрестности. Зюраткуль – «Сердце-озеро». В облике и нраве Зюраткуля много уникально и неповторимо. Оно единственное в области лежит на европейской стороне Уральского хребта. Оно поднялось в горы выше всех других озер Урала (724 м над уровнем моря). Влага зюраткульского водоема по своим качествам не уступает байкальской; он – самый пресный водоем в области. Целебны донные грязи Зюраткуля – его глинистый ил. Он использовался для лечения больных и раненых в госпиталях Великой Отечественной. Климат Зюраткульской котловины суров. Зима приходит сюда раньше и раньше уходит. Летом и осенью

наплывают туманы и ветры и озеро штормит. И то сказать: есть за что ему негодовать на человека. Его первичные темнохвойные леса подчас варварски вырублены – на мысу «Долгий ельник» сохранилась одна-единственная елово-пихтовая роща. А как безжалостно обошелся человек с лесным массивом (6 кв. км), подлежащим затоплению при сооружении недолго поработавшей Зюраткульской ГЭС – он превратил его в лесное кладбище на дне озера! Есть к нам у озера суровые и нежные слова. Их передает в своей поэме поэтесса Нина Кондратковская:

*То вполголоса, украдкой,
То разливом, то вразлет
Сердце-озеро Зюраткуль
Песню вечную поет.
Поднимись к нему в молчанье,
Как в величественный храм,
Просветленными очами
Прикоснись к его дарам.*

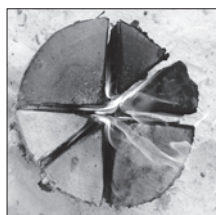

Инна ГЛАДКОВА

«...Выставка Андриолли очень типична: этот полуполяк, полуйтальянец очень выразителен. Он храбр и благороден, как польский рыцарь, страстен и кипуч, как итальянец. Его энергичные фигуры постоянно переплетаются то польскими, то итальянскими типами».

Герман ДРОБИЗ

— Ну, вот, представьте. Лезет он в форточку. Трясется от страха. Потому что никогда не воровал. И думает только об одном: пробыть здесь как можно меньше... Но что-то взять надо. Что он берет? То, что видит. А что можно увидеть, если свет на кухне не горит и включить, конечно, нельзя, ведь вы рядом, в комнате? Видит то, что отражает лунный свет...

Не всегда условия позволяют разжигать костер прямо на земле. Мы представляем вариант, с помощью которого можно приготовить пищу и на снегу, и на плоту...

апрель 2007

РЕКА ВРЕМЕНИЗаповедные земли

Ю. СЕНТЯБРЕВ, В. САДЫРИН

Сердце-озеро 1

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ

Писательницы России 13

Память

В. МИХАЙЛОВ

Памятники Свердловска—Екатеринбурга 22

Уральская кладовая

О. ЩЕТИНИН, Ю. ПЕТРОВ

На Парнук за «стрелами Амура» 40

Клуб собирателей

В. ПУРОНЕН

Белый раджа Саравака. (Рассказы филателиста)
Трансвааль, Трансвааль, ты горишь в огне 54Портреты

И. ГЛАДКОВА

Ночной роман по телефону 72

АЭЛИТАВремя мастера

Г. ДРОБИЗ

В лунном сиянии 4

Ищи сестрицу 7

Слева, где «Компашки» 9

Глухонемой грабитель 31

Стихи 43

Молодые имена

Е. ЧЕМЯКИН

Стихи 12

Фантастика

Т. ТОМАХ

Ловчий тумана 25

И. ЖИВЕТЬЕВА

Дверка 46

М. УСАЧЕВ

Пища богов 62

А. ФЕДОТОВ

Финальные строчки 66

С. ТУМАНОВ

Звездные корабли 68

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕРПутешествие

М. БУЛАНОВ

Коварный Вижай 14

Маршруты «УС»

Сплав по реке Вижай 18

Советы специалиста

Налобные фонари специального назначения 37

Как сварить обед в одном полене 59

Заповедные земли

Я. ВОРОНИНА

Пещера «Дружба» 38

Записки очевидца

А. ГРАФФ

Чертово городище 60

Главный редактор — Максим Фирсов.**Редакторы разделов** — Юний Горбунов, Борис Долинго, Светлана Надь, Евгений Русяев. **Худ. редактор, верстка** — Юлия Ульянова. **Художник** — Ирина Овсянникова. **Набор** — Валентина Кадочникова. **Корректор** — Татьяна Сергеевко.**Учредитель** — общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».**Издатель** — ООО «Уральский следопыт».**Редакционный совет** — Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Станислав Мешавкин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.**Наблюдательный совет** — Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»; Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России; Семен Спектор, заслуженный врач России.Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке **Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям** при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области**.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.**Тел. редакции:** (343) 257-45-01, 257-36-62.**E-mail:** info@uralstalker.ru www.uralstalker.ru**Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г. Министерством печати и массовой информации РСФСР**ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD). **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.**По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 257-36-62.****Вы также можете оформить подписку через агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА-2003», агентство «Урал-Пресс», Почта России**

Подписано к печати 04.04.2007 года. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии ООО ПТЦ «ЯСА», г. Красноуральск, ул. Чкалова, 4. Заказ №

В лунном сиянии

Юному коллекционеру-филателисту Вове Петушкову очень повезло: в доме жил старик Марк Григорьевич, один из самых известных в городе собирателей марок. Узнав о Вовином увлечении, он иногда дарил ему интереснейшие марки. А иногда они обменивались. У коллекционеров принято обмениваться, исходя из условной ценности марок, в зависимости от их редкости. При этих обменах мальчик и старик представляли собой две высокие договаривающиеся стороны. Впрочем, Вова понимал: нередко старик уступал ему марку значительно ниже ее настоящей цены.

Как ни странно, иногда труднее, чем старую марку, было приобрести новехонькую. Среди городских коллекционеров существовали ушлые люди: едва появлялась новая марка, они стремительно пробегали по всем почтовым отделениям, скупали тираж, а потом перепродавали и хорошо, если по тройной цене.

Из-за этих корыстолюбцев Вова не успел прикупить к своей «космической» части коллекции марку, посвященную юбилею гагаринского полета. И пошел попросить ее у Марка Григорьевича. Старик массовой скупкой не занимался, но, как всякий профессиональный коллекционер, покупал два-три экземпляра.

Жил Марк Григорьевич в соседнем подъезде на первом этаже. Окна его однокомнатной квартиры выделялись на фасаде дома: на них единственных не было решеток. Решетки, считал старик, унижают. Да и красть у него в доме, кроме марок и книг, нечего. А это не те ценности, которые привлекают охотников за дорогой аппаратурой, ювелирными штучками, мехами и деньгами.

Обычно, открывая дверь, Марк Григорьевич встречал Вову чем-нибудь вроде:

— А, мой юный коллега! Проходите! Посмотрим, что у вас. А у меня появилась любопытная марочка, сейчас покажу. Думаю, тебе будет интересно узнать, чему она посвящена.

Обращаясь к Вове, старик называл его то на «вы», то на «ты», и Вова к этому привык.

На этот раз старик открыл дверь молча, молча же кивнул: заходи. Не говоря ни слова, вернулся в комнату, с кряхтением сел в продавленное кресло. Вид его был печален.

— Вам плохо, Марк Григорьевич? Вызвать врача?

— Врач не поможет, — не сразу ответил старый коллекционер. — Теоретически могла бы милиция... Но, думаю, они не станут заниматься такой ерундой. Для них ерундой! — вдруг сердито добавил он и ударил сухоньким кулачком в подлокотник кресла. — Представьте, коллега: ночью меня ограбили. Действовал необычайно ловкий вор. Вообрази: я спал вот здесь, на кушетке. И у нас, стариков, чуткий сон. Тем не менее я не слышал, как он проник в кухню. Ясно, что влез в форточку. Поразительно ловкий! Но при этом весьма странный: взял всякую дребедень. Дребедень, которую мне ничуть не жаль. За исключением, как пелось когда-то, пустяка... Загадочный, загадочный воришка! Сам подумай: на столе в кухне лежал альбом с марками, которым цена — ого-го. Одни только чкаловские перелеты... Ну, вам их цена известна. Нет, не взял. Но, к сожалению, взял вещицу, относительно которой в милиции только пожмут плечами — нам бы ваши заботы. Он унес мой любимый пинцет. Да что значит — любимый?! Это реликвия! Он перешел ко мне от покойного отца, а отцу его подарил мой дедушка, когда папа был мальчиком. Этому пинцету сто с лишним лет. Вы скажете: пойдите и купите другой. Разумеется. Но тебе, в силу возраста, не понять, какое значение в мои годы имеют такого рода предметы: пинцет или лупа, тоже подарок отца, слава богу, она лежала в комнате. Они напоминают мне то, во что все труднее поверить: что я тоже был когда-то мальчишкой, начал собирать марки и папа подарил мне часть своей коллекции, кляссеры, лупу и этот пинцет...

Марк Григорьевич не без усилия вылез из кресла, прошел в кухню. Вова последовал за ним.

— Между прочим, если бы он открыл шкафчик, то увидел бы единственную более или менее ценную вещицу — старинную вазочку, серебро с позолотой. Подарок от моей лаборатории, когда провожали на пенсию. Станный, странный вор!

Герман Дробиз родился 4 августа 1938 года в г. Свердловске. Закончил УПИ. Работал инженером-проектировщиком, литературным сотрудником ряда газет.

Автор десяти сборников иронической прозы, шести сборников стихотворений и книги избранной прозы «Свидетель».

Лауреат ряда литературных премий. Член Союза российских писателей.

— А как он открыл форточку? — полюбопытствовал Вова, видя, что стекла в створках целы.

— Я ее иногда не закрываю на ночь. В моем возрасте для хотя бы относительно долгого сна нужен свежий воздух.

— Понятно... А что он все-таки взял, кроме пинцета?

— Говорю же: всякую ерунду. Удивительный чудак. Слушайте, что он унес: чайничек для заварки, чайную ложечку, ножницы — я перед сном вырезал из газет кое-какие заметки. Да, еще снял со стены фотографию. Помните, зимний пейзаж. Тоже, конечно, жаль, но не так.

— Ложечка серебряная?

— Нет, мельхиор.

— А чайничек? Тоже старинный?

— Да какой старинный? Обычный никелированный чайник, цена ему рубль в базарный день.

Немного поразмыслив, Вова заметил:

— Кажется, фотография была в металлической рамке. Тоже в никелированной.

— Да, — подтвердил Марк Григорьевич. — Погоди, что ты хочешь сказать? Может, никель объявили драгоценным металлом? Но это чушь, согласись. Чушь!

Немного успокоившись, старик, наконец, поинтересовался, зачем пришел юный коллега. Узнав, щедро подарил ему марку с Гагариным. А прощаясь, вдруг сказал:

— А может, повесить во двор объявление: «Уважаемый вор! Остальное оставьте себе, но верните пинцет. За хорошее вознаграждение». Глупо, — тут же перерешил он. — Во-первых, не факт, что он живет неподалеку и увидит объявление. И потом, судя по взятому, это, может быть, вообще был не вор, а хулиган. Утащил и выбросил. С пьяных, извините, глаз...

Вова вышел во двор. Вечерело. Сгущались сумерки. Небо уже несколько дней было чистым от облаков и к вечеру радовало взгляд необъятной синевой. Слева, над крышами соседних домов, выплыла и наливалась желтизной полная луна. Она начинала сиять, как усердно начищенный медный таз.

Вова прошел в отдаленную часть двора. Здесь, за мусорными баками и за полуразваленным забором, стояло некое строение — кирпичная будка. Когда и зачем ее построили? Внутри давно ничего не было. В цементном полу торчали ржавые болты, говорящие, что когда-то здесь находилось какое-то оборудование. Иногда в будке обосновывались бомжи. А сейчас, весной, ее заняли юные картежники во главе с Толькой Резаным. Никто его никогда не резал, просто фамилия его была Резаным. Но он требовал от мальчишек, чтоб его звали Резаным и считали местным криминальным авторитетом. Тольке было пятнадцать лет, он имел уже несколько приводов в милицию, чем очень гордился. Именно он вовлек в карточные игры пацанов из окрестных дворов. Затащил как-то и Вову Петушкова. Вове не понравилось. В играх было больше случайной удачи, чем следствий искусного расчета. Кроме того, Резаный явно мухлевал — слишком

часто выигрывал. Почти всегда. Мальчишки понимали, что Толька, как говорят у картежников, держит в рукаве туз, но помалкивали, боясь его кулаков и отдаваясь азарту игры на деньги — вечному человеческому пороку.

Но больше всего Вове не понравилось, что в собранной Резаным компании принята игра на интерес. Игрок, проигравший последние деньги, мог продолжать при условии, что если снова проиграет, будет обязан выполнить любое желание победителя. Победителем почти всегда оказывался Толька. Его желания либо унижали проигравшего, либо заставляли что-нибудь тайком притащить из дому. Особенно страдал одноклассник Вовы, тихий тощенький Гоша. Игра ему не давалась, решения он принимал глупые, но втянулся, как в наркотик. Все вечера он проводил в будке. И что уж только не приказывал ему, проигравшемуся в пух и прах, жестокий и наглый Толян. Залезть в мусорный бак и кукарекать. Догнать на улице проходящую женщину и шлепнуть по попе. Принести на всю компанию пива, для чего стибрить деньги у родителей...

Вова вошел в будку. На самодельном, сбитом из досок столе стоял электрический фонарь. По стенам двигались тени. Пацаны были похожи на заговорщиков. Игра была в разгаре.

— О! Кто пришел... — Толян изобразил приятное удивление. — Ну, садись. Бери карты, ставь на кон. Или вали отсюда. Не в театре.

Вова взял карты. Поставил на кон найденную в куртке мелочь. В торговле участия не принимал. Банк поднимался. Гоша пошел на половину.

— Гошка, — насмешливо протянул Толян. — Опять рискуешь? Или вчерашний интерес понравился?

Но Гошу перебил паренек из соседнего двора. Он пошел во весь банк. И проиграл. Тут же выяснилось, что платить ему нечем. Толян послал его за пивом. Игра прервалась.

— Гоша, выйдем, — тронул его за плечо Вова. — Есть разговор.

Они вышли из будки.

— Гоша... Чайник, ложка, ножницы он тебе прощает. Но пинцет для Марка Григорьевича — это... Как это называется... Реликвия. Память от отца. Понял? Верни.

— Какой еще Марк Григорьевич? Кто такой? — мрачно откликнулся Гоша. — Ты о чем?

— Гоша. Если ты его не выбросил — верни пинцет.

— Че это такое — пинцет? Че ты мне туфту гонишь?

— Щипчики такие. Маленькие, плоские. Ими марки берут, чтоб не помять.

Гоша помолчал. Потом, не поднимая глаз, спросил:

— Ты меня видел, что ли?

— Видел, Гоша, — соврал Вова. — Видел, как ты в форточку лез.

— Врешь. Это ночью было.

Теперь замолчал Вова. Так они стояли молча — преступник и сыщик. Во дворе, густо залитом медвяным сиянием луны.

— Ведь знаешь: Толян мухлюет. Внаглую. А ходишь. Он жулик, а ты дурак.

— Я его все равно обыграю!

— Никогда.

Гоша поник и засопел, как младенец.

— Гоша, — Вова приобнял несчастного вора. — Про отпечатки пальцев слышал? Была милиция. По всей кухне твои отпечатки. На форточке, на подоконнике, на столе. Они, конечно, не знают, чьи. Но если узнают... Верни пинцет. Слово даю: не скажу ни милиции, ни Марку Григорьевичу. Что-нибудь придумаю. Скажу: вор его обронил, когда вылезал.

Вдруг Гоша расплылся в идиотской улыбке.

— А так и вышло! Ножницы Толян забрал, чайник отдал матери, сказал, будто нашел. Фотку выкинул, на фиг сдалась. А щипчики эти, гадам буду, не вру: выронил, когда вылезал. Там и должны валяться... Вовка! Ну, что было делать? На интерес проигрался. Это же закон. Толян вывел во двор: видишь, форточка на первом этаже открыта? Залезь и возьми хоть что...

— Господи! — воскликнул Марк Григорьевич, беря пинцет и любовно разглядывая его. — Откуда он у тебя? Ты что, нашел вора?!

— Нет, Марк Григорьевич, вора я не нашел. Да это и не вор был. Это... Он интерес выполнял.

— Не понимаю. Что за интерес?

— Тут в одном месте ребята играют в карты. На деньги. А если деньги кончились — на интерес. На желание победителя. Вот проигравшему и приказали: залезть в вашу форточку и хоть что-нибудь взять. А он, когда вылезал, пинцет обронил. Так что реликвия ваша до сих пор валялась у стены под окном вашей кухни.

— Но как ты обо всем этом догадался?!

Вова указал на окно, за которым ярко светила луна.

— Ну, вот, представьте. Лезет он в форточку. Трясется от страха. Потому что никогда не воровал. И думает только об одном: пробыть здесь как можно меньше. Несколько секунд. Но что-то взять надо. Что он берет? То, что видит. А что можно увидеть, если свет на кухне не горит и включить, конечно, нельзя, ведь вы рядом, в комнате? Видит то, что отражает лунный свет. Посмотрите: сейчас луна почти заглядывает в окно, а позже она будет как раз напротив. А что отражает лунный свет? Все металлическое. Вон он и хватает: чайничек, ложку, фото в никелированной рамке, ножницы и пинцет.

— Поразительный ход мысли! — воскликнул Марк Григорьевич. — Ты просто настоящий сыщик? — Но — логично. Весьма логично. Одно мне непонятно: как тебе стало известно, что пинцет он выронил здесь, под окном? Прости, я все же предполагаю, что ты знаешь вора и говорил с ним.

— Вы хотите, чтоб его посадили?

— Ни в коем случае! — замахал руками старик. — Несчастный мальчик. Мне его очень жаль...

«Ищи сестрицу!»

Все люди к чему-нибудь да способны. Чаще всего способности до поры до времени дремлют. И человек понятия не имеет, что он будущий умелый водитель автобуса или искусный лесоруб. Или симпатичный артист. Или ловкий жулик. Но рано или поздно природное дарование просыпается и дает знать о себе. И человек, думавший до этого, что ничего особенного из себя не представляет, с приятным удивлением обнаруживает, что в нем таился дар замечательного врача. Или виртуозного официанта. Или не менее виртуозного политического деятеля.

Вова Петушков и в мыслях не держал, что способен быть сыщиком, отыскивателем сокровищ, раскрывателем преступлений. Среди прочих его увлечений числилось собирание почтовых марок — что и послужило появлению конкретной мечты: заново открыть Антарктиду. Марки Вова собирал про разное, в том числе — про путешественников. Марка, посвященная Беллинсгаузену и Лазареву, двум русским мореплавателям, открывшим Антарктиду, почему-то сильно подействовала на него. Так совпало, что в тот же день, когда он обрел эту марку, он прочитал в газете (а Вова под влиянием папы с детства был читателем газет) статью, где говорилось, что человечество в не таком уж отдаленном будущем может остаться без тепла, света и многого чего еще: нефти и газа на Земле осталось лет на триста, угля — вообще на сто двадцать. Вот тут Вова и подумал: а Антарктида? Кто знает, что скрывается в ее недрах? Чтобы узнать, надо просверлить два километра льда. Или растопить его. Он еще не решил, как именно поступит с загадочным материком, понимая, что сначала надо вырасти, закончить школу, потом — институт, и уж тогда напасть на Антарктиду во всеоружии полученных знаний. И что будет это не скоро, учитывая, что он еще только перешел из пятого в шестой класс.

Прекрасным летним утром находящийся на каникулах шестиклассник Вова Петушков отправился по поручению мамы за хлебом и шагал, привычно размышляя над тем, как будет искать в глубинах Антарктиды нефть, уголь, а может, золото. Недавно он впервые прочитал роман писателя Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». И принял решение впоследствии запустить космический корабль с прикрепленным к нему гигантским вогнутым зеркалом. Зеркало будет ловить лучи нашего светила и мощным солнечным зайчиком лупить по антарктическим льдам и растапливать их до появления земной поверхности. Но нужно было найти материал для зеркала, чтобы оно не треснуло от жуткой температуры...

Улица от его дома к проспекту, где находился хлебный, шла довольно круто в гору. На середине пути сто-

яла маленькая девочка. Она плакала. Вова узнал ее: это была первоклашка Зина из соседнего дома.

Отношения к существам противоположного пола у Вовы в последнее время начали складываться непросто. Он вдруг обнаружил, что к некоторым девочкам в классе ему нравится нечаянно прикасаться. И что от них, от девочек, особенно от их волос, исходит, оказывается, странный приятный запах. Но первоклашка этих загадочных и немного стыдных чувств, конечно, не вызывала. Вызывала она своими всхлипываниями жалость и желание помочь, свойственное всякому порядочному мужчине, каковым, разумеется, был Вова Петушков.

— Чего реवेशь? — ласково и грубо спросил он.

Первоклашка ответила не сразу. Ей понадобилось утереть нос кулачком, затем указательными пальчиками выжать из глаз по крохотной слезке на обе щеки. После этого она оказалась готовой дать показания.

— Пять рублей потеряла...

— За хлебом послали?

— Ага... — Зина разжала кулачок, внутри таилась пятирублевая монета. — Вот. А было две...

Из дальнейших объяснений, перемежаемых судорожными всхлипываниями и повторными выжиманиями слезок, выявилась следующая картина. Зина, пребывая в отличном расположении духа, шла, на ходу подбрасывая две врученные ей монеты. Накануне дедушка сводил ее в цирк, после чего она решила стать жонглершей. Жонглер в цирке швырял, перебрасывал из руки в руку шесть шариков, похожих на апельсины. Зина скромно начала тренироваться с двумя предметами. Поначалу получалось здорово: она подбрасывала сверкающие на солнце два серебряных кругляшка и ловко ловила их. И подбрасывала снова. Но в очередной раз поймала только одну монету. А вторая...

Вова произвел осмотр местности, где свершилось таинственное исчезновение монеты. Асфальтовая дорожка тротуара, ведущая в гору, была отделена от газона узенькими, вкопанными в землю досками. Трава на газоне была недавно скошена, увидеть монету было нетрудно.

— Да я уж тут все обыскала, — всхлипнула девочка.

— Не мешай работать. Дай-ка мне вторую монету.

— Зачем?

— Дай, я сказал. — Вова выцарапал из ладошки оставшийся пятирублевик. — Ты где была, когда не поймала?

— Вот здесь и была.

— На этом самом месте? Точно?

— Да.

— Понятно. Ну, ищи свою сестрицу! — приказал Вова монете и высоко подбросил ее.

Пятирублевик сверкнул на солнце, упал, подскочил и улегся у ног поисковика. Вова поднял его и повторил приказание:

— Тебе что сказано? Ищи!

Подбросил снова. Монета, упав, неожиданно прокатилась поперек тротуара. Вова бросал и бросал. Зина молча наблюдала за его действиями. Опухшее от слез личико выражало полное непонимание.

— Теория вероятности, — снисходительно объяснил Вова. — Если бросить много-много раз, эта монета укатится в точности туда же, куда и первая. Поняла?

— Поняла, — покорно ответила Зина, которая, конечно, ничего не поняла. — А много-много — это сколько?

— Ну... Много.

О теории вероятности Вова услышал месяц назад от папы, при немного необычных обстоятельствах. Теплым душным вечером балконная дверь была открыта настежь, что никакого облегчения обитателям квартиры не приносило. Единственное, что приносило — стайки нахальных мух. Папа и мама сидели на тахте, уставясь в телевизор, сообщавший новости. Папа при этом обнимал маму за плечи. Вова терпеть не мог этого его поведения: ну, что он пристаёт к маме, как парни к девчонкам на улицах? Кроме того, в одно время с дурацкими новостями по другому каналу шел класный американский боевик. Вова ходил по комнате и намекал, что пора переключить. Заодно он сопровождал новости справедливыми замечаниями вроде: «Об этом уже сто раз говорили».

— Вовка, — сказал папа, — чем канючить, сделай что-нибудь полезное. Побей мух. — И он протянул сыну газету, сложенную так, что она превратилась в ударный снаряд для истребления противных насекомых.

— Мухи не виноваты, что они мухи, — отказался стать убийцей Вова, воспитанный гуманистом усилиями этого же самого папы.

Но тут раздалось гнусное жужжание: в комнату влетела оса.

Мама взвизгнула.

— Укус осы опасен для жизни, — сообщил папа. — Если ты любишь маму, ты не дашь ей погибнуть.

Оса совершила ряд искусных перелетов и уселась на бордовую подзасохшую розу, торчавшую из узкой хрустальной вазы. Ваза стояла на журнальном столике. Вова подкрался и хлестнул по осе и розе ударным снарядом. Ваза опрокинулась. Выплеснулась лужица. В ней, рядом с лепестком розы, барахталась оса. Вова ударил еще раз.

Удар возымел невероятное последствие: под потолком раздался взрыв и на пол с тихим шорохом посыпались осколки стекла. С этими звуками трагически погибла одна из пяти лампочек, вкрученных в люстру.

— Мхатовская пауза, — произнес нечто непонятно обрадованный папа после нескольких секунд тишины — тишины, если не считать, что телевизор продолжал сообщать про ураган в Мексике. — А что со зверьком?

Названная зверьком оса медленно, но упорно выползала из лужицы на сушу, потряхивая увлажненными крылышками.

— Поразительная живучесть, нам бы такую, — сказал папа. — Она заслужила жизнь. — Он осторожно ухватил осу за ее изящную талию, вышел на балкон и уронил зверька в растущие внизу кусты шиповника. А вернувшись, сказал:

— Ты шваркнул по лужице, одна из брызг попала в раскаленную лампочку. Думаю, по теории вероятности — один случай на миллион.

— Что это за теория?

— Речь о вероятности, с какой может повториться любое событие. К примеру, такое: ты проспал и опаздываешь в школу. Оно может повториться каждую неделю. Или такое: если мама не проследит, ты не вымоешь ноги перед сном. Это может повторяться ежедневно. Но вот более редкое: ты вдруг получаешь пятерку по математике. Это может повториться, хорошо бы, раза три за учебный год.

— А это? — Вова показал на люстру, где из одного рожка торчали зазубренные края лопнувшего стеклянного сосуда.

— Это... Думаю, по лужице, вылившейся из вазы, нужно ударить миллион раз, чтобы еще одна брызга попала в еще одну лампочку. Миллион. А может, миллиард...

Очередные подбрасывания приносили разные результаты. Чаще всего монета кружилась на месте падения и шлепалась тут же. Несколько раз катилась наискось и замирала возле доски.

— Ты высоко кидаешь, — сказала девочка. — Я кидала не так.

— А как? На. Покажи.

Зина подбросила монету. Пятирублевик покружился в воздухе и прилетел на асфальт ребром. Но не опрокинулся, а как заводной, покатился вниз. На взгляд людей асфальт был довольно ровен. Но если бы они превратились в человечков размером с монету, перед ними предстала бы местность, состоявшая из возвышенностей и впадин, из оврагов и холмов.

Вова и Зина шагали за катящейся монетой. Она въезжала на едва заметный бугорок, скатывалась в крохотную долину, поворачивала влево, вправо... И исчезла.

Вова встал на колени. Досочка, служившая границей между тротуаром и газоном, в этом месте чуть прогнулась и образовала узкую глубокую щель. В щели рядышком лежали два серебристых пятирублевика.

— Вот это и называется — теория вероятности, — сообщил Вова малообразованной растеряхе. — Держи. Жонглерша...

Устами маленькой девочки весть о выдающемся следственном эксперименте Вовы Петушкова в несколько дней разносилась по всему детскому населению двора.

Но этот успех еще не принес Петушкову почетное прозвище маленького сыщика. Оно пришло к нему после того, как он вернул Марку Григорьевичу его любимые щипчики, которыми старый коллекционер привык доставать из альбомов или засовывать обратно свои драгоценные марки.

Слева, где «Компашки»

Ходить в магазин Вова не то чтобы не любит... Магазины теперь — как музеи. Так обычно шутит сосед-пенсционер, бывший машинист тепловоза Валентин Федорыч. Встретишь его в подъезде выходящим с мятой кошелкой, он непременно скажет:

— Вот, собрался пройтись по музеям. Купить не куплю, так хоть полюбуюсь.

Вове тоже нравится глазеть на магазинное изобилие. Чего только нет! Пирожные и отдельные, и в коробках, торты, разрисованные кремом так и сяк, мороженого двадцать сортов, творожные сырки, печенье, конфеты в плоских коробках и в коробках как игрушечный домик. Можно ходить и любоваться целый день. А еще и колбасы, и сыры, и соки, и здоровенные замороженные рыбы в огромном ящике, из которого веет холодом. Даже не верится, что на все это богатство находятся покупатели. Нет, бродить по магазину просто здорово. Но не любит Вова, когда мама посылает его вечером. Спихватится: «Ох, у нас хлеб кончился! Вова, сбегай. Да, и к чаю возьми что-нибудь сладенькое. Но не дорогое. Вафли. Найди «Степашинские», они самые вкусные. И еще баночку сметаны. И пакетик черного перца...»

Магазин недалеко, в двух кварталах. Называется «супермаркет». Хотя папа, однажды счастливым образом побывавший в Лондоне, иногда иронически говорит: «Ну, для настоящего супермаркета ему надо бы быть больше раз в десять». Но Вова считает, их супермаркет не такой уж маленький. Длинный и с закулками. Продукты лежат открыто — ходи, бери, чего и сколько душе угодно. Пока ходишь и выбираешь — одно удовольствие. Можешь взять в руки, прочесть, что написано на упаковке. И спокойно положить обратно. Никто не скажет: «Ну, бери уж или уходи».

Но вот кассы вечером. Очереди выстраиваются длиннющие. Стоишь в узеньком проходе, носом в чье-то пальто. У Вовы от нетерпения ноги сами начинают скакать. Притопывают, будто он бегун или лошадка на старте забега. Взрослые любят вспоминать, что когда-то они стояли еще и не в таких очередях. Причем за сливочным маслом одного названия или за колбасой одного сорта. С криками, скандалами: «Вы тут не стояли!», «Ты куда прешь без очереди?», «По одному давайте!».

Вова сочувствует взрослым, терпевшим такие лишения. Хотя и не понимает, что за странная была жизнь, почему не хватало самой простой еды. Не говоря уж: как это колбаса была одного сорта? Он однажды в супермаркете для интереса подсчитал: вареных колбас — тридцать семь названий, копченых — дюжина, да еще ветчины, закопченное мясо, сосиски, сардельки... Словом, магазины теперь замечательные, но из-за очередей по вечерам Вова в них ходить не любит.

И вдруг напросился сам.

А произошло это после того, как папа, вернувшись с работы, раскрыл газету, что-то там увидел и стал кому-то звонить. Нет, сначала он взорвался:

— Что за бред?! Не может быть! Наверняка фотомонтаж. Какая гнусность!

Навыкрикивав все это, он в гневе швырнул газету на пол и взялся за телефон.

Вова, конечно, тут же поднял газету. На первой странице под крупным заголовком: «КАНДИДАТ В ДЕПУТАТЫ СТРАДАЕТ КЛЕПТОМАНИЕЙ!» была помещена большущая фотография. Сделана она была на выходе из касс супермаркета. Узнать было нетрудно, на стене висел знакомый рекламный плакат: млеющая от счастья красавица надкусывала плитку шоколада. На заднем плане фотографии виднелась очередь. Лица у всех любопытствующие. И кассирша тоже обернулась, встав со стула. Куда они все смотрели? А вот куда. Под фотовспышкой стоял растерянный мужчина в длинном пальто, а перед ним — магазинный охранник и тетка в белом халате. Тетка держала на ладонях и показывала мужчине какие-то пакетики. Лицо мужчины показалось очень знакомым. Да, несомненно, это был давний папин приятель Игорь Сергеевич Ксенофонов!

Содержание фотографии было более чем ясным: пойман покупатель, который что-то пытался вынести, не заплатив. После кассы все проходят через узкие стенки, а в них спрятано хитрое устройство. Если в карманах покупателя таится украденное, раздастся громкий противный писк. Видимо, так и был разоблачен Игорь Сергеевич.

Вслед за папой Вова невольно произнес: «Не может быть!»

Что знает Вова о дяде Игоре? Он приходит к ним в гости на папин и мамин дни рождения, перед Новым годом, иногда — просто так. Но редко. Раньше бывал чаще. Теперь он очень занят. Когда-то они с папой вместе учились в институте. И он, как Вовин папа, был обычным преподавателем. Но стал бизнесменом. Образовал что-то такое, что называется словом «холдинг». Теперь в ведении или во владении Игоря Сергеевича — несколько заводов. Он очень богат. Объездил весь мир. По делам летает в Европу и Японию. Отдыхает в Испании, Таиланде, Малайзии. В гости приезжает на темносиней «вольво» с шофером и охранником. Живет дядя Игорь на соседней улице, в новом элитном доме. Папа и мама были у него в гостях и вернулись слегка подавленными. «У богатых свои причуды — сказал папа, пытаясь быть добродушно насмешливым. — Одна прихожая как вся наша квартира». Но в целом папа говорит о нем уважительно. Считает, что дядя Игорь разбогател справедливо, поскольку он очень талантливый... как это... менеджер.

И дядя Игорь по-прежнему дружит с папой, хоть и Вове понятно, какие они разные люди. Да, могущес-

твенный владелец заводов уважает скромного преподавателя и даже советуется с ним. Месяц назад он заезжал к папе. Они выпивали французский коньяк из очень красивой бутылки, привезенной дядей Игорем. Вова слышал их разговор. Они обсуждали решение Игоря Сергеевича пойти депутатом в областную думу.

— Неприкосновенности захотелось, Игорек? — Вова понимал, что папа все-таки удручен разницей их положений и нарочно называет приятеля «Игорьком», как будто ничего не изменилось с тех пор, как они были студентами.

— И она не помешает, — спокойно признал дядя Игорь. — Но главное, нам, бизнесменам, пора начать реально влиять на экономическую политику. Ставить чиновников на место. Надоело давать откаты всякому дерьму.

Что такое откаты, Вова не понял, но догадался, что это что-то унижительное.

Итак, фамилия Ксенофонтова появилась среди кандидатов в депутаты. На улицах, рядом с агитационными плакатами других кандидатов, возник и дядя Игорь. Строгий и спокойный, он глядел прохожим прямо в глаза. Под портретом был напечатан его предвыборный лозунг: «Здоровая экономика — достойная жизнь людей».

На днях папа сказал, что по опросам дядя Игорь стоит первым, но против него идет густой черный пиар. Исходит он от конкурента, которого поддерживает власть.

— Что это — черный пиар? — спросил Вова.

— Наглая клевета, подлейшее вранье. Очернение порядочного человека. Цель — снизить рейтинг. Рейтинг в данном случае — уровень доверия избирателей.

Сейчас Вова разглядывал фотографию и начинал понимать, что такое «черный пиар». Представить себе, что Игорь Сергеевич Ксенофонтов, миллионер в долларах, украл в супермаркете какую-то ерунду... Правда, газета обозвала его незнакомым Вове словом.

— Игорь, — донесся папин голос. — Передо мной эта газетенка. Ты, конечно, уже видел? Это монтаж?... Нет? Но тогда просто идиотская провокация! Они что, дебилы? Кто поверит?... Хотя, да... Да... Ну, расскажи, как было?

После чего папа надолго замолчал: дядя Игорь, видимо, рассказывал о случившемся в магазине очень подробно.

— Папа, что такое — «клептомания»? — спросил Вова, когда отец, наконец, закончил разговор.

— Клептомания — душевное расстройство. Влечение к воровству. Клептоман ворует не потому, что, допустим, нуждается, а для удовольствия. Для острых ощущений. Клептоманами бывают очень богатые люди. Помню, как-то писали: в Германии поймали миллиардершу, которая украла в магазине, прошу прощения, пару дамских трусов. Но Игорь — душевно абсолютный здоровый человек. И это, конечно, провокация. Посуди сам: откуда взялся фотограф? Можно подумать, он с утра до вечера дежурил в магазине, ожидая, что здесь поймут вора. Ах, подлецы!

— Но ведь у него что-то нашли, раз поймали.

— Подсунули, сын, подсунули! Причем такое, знаешь ли, легонькое, буквально невесомое — чтоб человек не почувствовал, что ему что-то кладут в карман. Видишь ли, Игорь вообще-то редко заглядывает в магазин, посылает прислугу. Но по субботам, перед тем, как уехать за город, на дачу, заходит сам. Естественно, с охранником. Набирают две полных корзины. Представь, человек набрал гору дорогих продуктов и закусок: копченые колбаски, сыр, икра, балык, оливки плюс коньяки и шампанское. И все это, разумеется, оплатил в кассе. Но при этом, оказывается, утаил. Что бы ты думал? Пару упаковок сухариков «Компашки», несколько приправ к супам и самое смешное: два пакетика «Быстросупа» — попросту говоря, лапши. То есть уплатил тысяч пять, а украл на сорок рублей.

— Пап... А вдруг дядя Игорь тоже... клептоман?

— Абсолютно исключено. Повторяю: никогда у него не было никаких бзиков. Никаких отклонений.

— Ладно, но если подсунули — кто? Ведь за ним в очереди стоял его охранник, так?

— Так, так. И кто подсунул — ясно. Женщина. Да ее не найдешь. Вот как было: вечер, очередь в кассу выстроилась довольно длинная. В очереди Игорь, за ним охранник. Игорь выкладывает перед кассиршей, что набрал. То же самое за ним готовится сделать охранник. Вдруг вдоль очереди протискивается женщина. Влезает перед охранником: «Извините, ради бога, — кричит, — я очень спешу, маленький ребенок один дома, а у меня, вот, только пакет молока!» И действительно, у нее в корзине только молоко. Ну, охранник говорит: «Ладно, пропущу». Игорь расплывается, идет через контроль, раздается писк. Подбегает магазинный охранник, потом возникает завзлом. Женщина в это время быстренько платит за молоко и исчезает. Ясно, это она насовала Игорю пакетики в карман пальто. Но, сам понимаешь: шум, скандал, фотограф со вспышкой — кто же будет следить за этой женщиной? Убежала. Охранник толком ее не запомнил, а Игорь вообще не видал.

— Но как же охранник не видел, как она пакетики дяде Игорю сует?

— Ловкачка. Видимо, пока причитала про своего будто бы оставленного ребенка, все это и провернула. Да и что сложного? Вспомни: все эти пакетики лежат на стеллажах по обе стороны очереди. Только руку протяни. Несколько секунд... Да, удар по Игорю мощнейший. Найти бы эту мерзавку. Да как?

Выслушав папин рассказ, Вова затих. Он представил себе зал супермаркета, крайнюю кассу, возле которой, судя по снимку, произошло печальное для дяди Игоря событие. Попытался вспомнить, что и где лежит на стеллажах, на подходе к месту оплаты. Что-то тут нужно проверить...

— Mam, можно я куплю мороженку? А может, что-то еще надо? Я в супермаркет.

— Надо же, — удивилась мама. — То тебя туда силой гонишь, а то вдруг доброволец нашелся. Сейчас подумай. Так. Вот деньги. Возьми пачку сливочного масла. И, пожалуй, пачку пельменей. «Сибирских».

— Как же, доброволец, — откликнулся папа. — По-дозреваю, наш маленький сыщик решил заняться исследованием. Так?

Вова ничего не ответил и ушел. Отсутствовал довольно долго. А когда вернулся и выложил покупки, попросил папу:

— Ты не мог бы еще раз позвонить дяде Игорю и спросить, в какой карман ему подсунули пакетики: в правый или в левый?

— А какая разница, товарищ Шерлок Холмс?

— Ну... Тебе трудно?

Папа позвонил.

— Так. Дядя Игорь благодарит тебя за попытку раскрыть эту провокацию. Правда, тоже не понимает, при чем тут тот или иной карман. Ну, в левый.

— Так я и думал. Тогда позвони еще раз и спроси про охранника, который его сопровождал: не левша ли этот охранник?

— Ты подозреваешь охранника?! Извини, глупо. Ведь женщина была? Была. Вела себя более чем странно, да? А охранники у него проверенные-перепроверенные, почти члены семьи. Ладно. Изложи свои аргументы.

— Это долгий разговор, — важно сказал Вова.

— Ничего я послушаю.

— Тогда так. Вспомни, как выглядят в супермаркете подходы к кассам. Узенькие коридорчики. По обе стороны — наклонные стеллажи со всякой мелкой всячиной. Вдоль стеллажей еще — выступы, такие небольшие прилавки. Но у крайней кассы наклонные стеллажи с выступом только слева. А справа — вертикальные и без выступа. Потому что дальше уже стена и не хватило места. Что же получается? Покупатели с корзинками в руках стоят в очереди. И многие берут что-нибудь со стеллажей: приправы, бульонные кубики, шоколадки, сигареты. Теперь представь, мы, как дядя Игорь, стоим в проходе к крайней кассе. Чтобы взять что-нибудь слева, нужно перегнуться через прилавок и вытянуть руку. А справа — не то что не надо вытягивать руку. А как бы локтем не задеть все эти маленькие штучки. В общем, если человек берет что-то из левых стеллажей, тем более несколько упаковок — те, кто стоят за ним, наверняка это видят. А справа можно взять незаметно. Значит, если цель — взять тайком, справа брать много безопаснее. Но если тот, кто хотел опозорить дядю Игоря, брал бы пакетики справа, он и положил бы их, недолго думая, в правый карман его пальто. А они оказались в левом. Да тут и гадать нечего. Все, что он тебе назвал: «Компашки», «Быстросуп», приправы для супов — все они лежат в стеллажах слева. Справа их нет.

— Ох, Вова, я уже немного устал, — вздохнул папа. — Ну, слева. Ну, в левом. Что из этого следует?

— Папа, потерпи. Слушай дальше. Представим, что злоумышленница — та самая женщина. Стоит очередь, заслоняет стеллажи. Причем очередь стоит впритирку с левым прилавком. Пройти можно только справа. Значит, она протискивается вдоль очереди. Чтобы взять что-то слева, ей надо сказать что-нибудь

вроде: «Разрешите...» Раздвинуть стоящих в очереди, набрать пакетики. Целую кучу. При этом у нее в одной руке, скорее всего, в правой — корзинка с пакетом молока. Значит, пакетики берет одной левой. Они целлофановые, скользкие. Вот попробуй удержать пять или семь пакетиков в руке. И с этим делом она втискивается между дядей Игорем и охранником. Как охранник может не увидеть пакетики в ее руке? И не обратить внимание, что при том она кричит: «У меня только молоко?»

— Минутку, — прервал Вову отец. — Ты мудришь. Зачем ей что-то брать в начале очереди и действительно с этой пачкой пакетиков лезть вдоль очереди? Она втиснулась между дядей Игорем и охранником и только тут схватила, что ближе лежало. Вот и все!

— Ага! — закричал Вова, поскольку приблизился к главному в своем сыщицком открытии. — Вот и не все! Этого не могло быть!

— Да почему?

— Да потому, папа, что все перечисленное, я проверил, лежит на первом стеллаже, шагах в семи-восьми от кассы. А там, где она встряла перед охранником, ничего этого нет. Там шоколадные плитки, коробки с конфетами и сигареты. Значит — не она!

— Черт возьми! — воскликнул папа. — Довольно убедительно. И все же — чтобы охранник...

— Теперь о нем. Как я уже сказал, взять что-нибудь справа гораздо удобнее, если хочешь сделать это незаметно для других. Но взято слева. И положено в левый карман. Ты знаешь моего дружка Валерку. Он левша. Играем в снежки — бросает только левой. В волейбол — бьет только левой. Даже играем в шахматы — двигает фигуры только левой. Ладья стоит на крайней правой вертикали, под правой рукой. Нет, он ее двигает левой. Я как-то спросил, почему. Он говорит: «Ну, ты же не думаешь, когда действуешь правой рукой. Вот и я не думаю. Левая сама идет в ход». Вот почему я и подумал, не левша ли охранник.

— А если дядя Игорь не знает? Извини, но в снежки они не играют.

— Да, но они играют на бильярде. Помнишь, он звал тебя в гости на дачу, соблазнял бильярдом. А то, сказал, охранник его все время обыгрывает. Позвони и спроси, тот ли охранник, с которым он играет на бильярде, был с ним в магазине. И если тот, в какой руке он держит кий.

— Да! — загорелся папа. — Любопытно! Сейчас...

— Игорь... Ну, извини, мой Шерлок Холмс не дает покоя. Вот такой странный вопрос: охранник, который был с тобой в магазине — это тот, с которым ты играешь на бильярде?.. А он, случайно, не левша?.. Подумай. В какой руке он держит кий?.. В какой?

Не отнимая трубки от уха, папа повернулся к Вове:

— Ты угадал. Левша!

— Тогда скажи дяде Игорю, что его предал охранник, а женщина была для прикрытия. Теперь надо этого охранника разоблачить, узнать, кто его подкупил и кто нанял фотографа. Но это уже не в моих силах, — скромно признал Вова.

* * *

Зима еще бредовой, чем во сне,
А сны и без того морозят душу.
Рука моя потянется к весне,
Я выбегу из комнаты наружу,
Где снег еще заметней, холодней,
Где я еще ничтожней, неприметней.
Лопата дворника остатки наших дней
Скребет. Но соскребает только сплетни.
Я руку положу на скользкий лед,
И засмеется девушка в берете,
Которой посвящу весну.
И лед сойдет.
И мы останемся за все в ответе.

* * *

Я приду, растворюсь в темноте.
Здесь так пахнет подвалами! Скука
По медвежьей своей доброте
Мне протянет замерзшую руку.
За стеной триста лет тишина.
Не нарушив ее постоянства,
Я пройду от окна до окна,
Измеряя шагами пространство.
И в углу я к стене прислонюсь.
Я закрою глаза, я закрою...
В этой темной дыре растворюсь.
Я сегодня ни капли не стою.

* * *

Какие странные обрывки недо-писем,
Какая странная любовь со знаком минус,
И все так стянуто больной зависим –
Остью, что как бы ни хотел – не сдвинусь.
И это «недо», это «полу», это «вроде»
Границы делает размытее, тусклее,
И даже если Мысль где-то бродит,
То мало кто торопится за нею.

* * *

Промолчи мне самое главное,
Как дыхание по стеклу плавное,
Как щекою к плечу нежное,
Как святое, но все же грешное.

Прибывает дождем все ненужное.
Чей-то голос хрипло-простуженный.
Промолчи мне своим настроением.
Без пяти минут воскресение.

* * *

Зеркала отражают дом,
Дом, завешенный тихим светом.
Ты разбудишь меня потом,
Улыбнешься и скажешь: «Лето».
Я пойду босиком, как есть,
На балконе присяду с краю.
Это чувство – благая весть,
Будто нас изгнали из рая.
И отныне наш мир – у ног,
На втором этаже, в квартире.
И, наверное, если б смог,
Я бы жил в этом грешном мире.

* * *

Счищаю пальцем пленку льда
С холодного стекла трамвая.
Я точно еду... Но куда –
Не понимаю...

Нарушив целостный узор,
Гляжу на подступивший вечер.
Читаю в вечере: «Все вздор!»
Ответить нечем...

И маленький квадрат тепла,
В котором отраженье взгляда,
Вечерний мир из-за стекла
Почти что рядом.
Мутнеет на глазах окно,
Смотрю, пока еще не поздно,
Пройдет минута, и оно
Опять замерзнет...

АВТОР

Евгений Чемякин родился в 1986 году в Свердловске. В 2003 году поступил в Уральский государственный университет на исторический факультет, где сейчас и учится на IV курсе. В 2006 году участвовал в «Поэтическом марафоне». В декабре того же года вышла книга «Стихотворения» (Издательский дом «Поэтический марафон»).

Две церкви

В. Грязнову

Будет вечер знобить,
Никогда не забыть
Церковь, ставшую коммуналкой.
И еще одну –
Тишины в плену
Со старинной кирпичной аркой.
Мне бы взгляд отвести,
Как дурную весть,
Только весть нам дана небесами.
Впрочем, здесь нет небес,
И – ни ангел, ни бес –
Я стою, окруженный лесами.
В тишине дворов
Деревянных слов
Потерялось предназначенье;
И из ста невест
Сколотили крест –
Золотое мое сеченье.
Но ты знай, мой друг,
Даже крест есть круг –
Это знали еще Перуны.
Так что кто распят,
Возвернется вспять,
Чтоб рукой приласкать струны.

* * *

Восемь часов беззвучно,
Восемь часов р.т.
Я разминаю поштучно
Вторую пачку ЛМ.
Смятые сигареты
Целятся мне в висок.
С того света на этот
Я совершаю бросок.
Хлопнула дверь входная –
Ветер, а может, друг.
Что ты грустишь, родная?
Я повторяю вслух:
Люди второго сорта
Не попадают в Эдем.
Восемь часов post mortem,
Восемь часов р.т.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для библиографического словаря)

Б

БЫКОВА Фекла Ивановна (1879 — 1970), сказительница, песенница, вопленица.

Жила с пос. Беломорск в Карелии. С детства слышала и запоминала песни и сказы, плачи и причитания и сама стала сказительницей. Фольклорист К.В.Чистов записал от Б. свыше 100 старинных плачей и песен. Создавала она и собственные песни и сказы. Неграмотная поморка (Б. только в 40 лет научилась читать и писать) стала признанной народной поэтессой. Лучшие из ее песен: «Ох ты, Дуношка!», «У нас во деревне». Ею созданы также произв. на совр. темы: сказ о В.И.Ленине, плачи о летчиках В.П.Чкалове и М.С.Бабушкине. О ней: Русские плачи Карелии. Петро-заводск, 1940. С.21–50. Писатели Карелии (портр). КЛЭ.

БЫКОВСКАЯ Е.Л.

Стр. газ. «Р. вед.» (1890–е гг.). См. «Р. вед» 1887. № 25 – Б-ская; «Р. вед» 1890. № 67 – Бык-я, Е.; «Р. вед.» 1887. № 310 – Б-я, Е.
Масанов.

БЫЛИНСКАЯ Н.

(См. Постникова Н.А.)

БЫСТРИЦКАЯ

(См. Торсуева Е.В.)

БЫСТРОВА Л.М., авт. воспоминаний.

Ее воспоминания напечатаны в сб. «Марксисты-ленинцы в вологодской ссылке: (Из истории вологодской полит. ссылки, 1893–1914 гг.): Сб. документов и материалов». Архангельск, 1977. С. 109–110.
ИДРДВ. Т. 5. Ч. 2.. № 1219.

БЫСТРОВА Ольга Васильевна (псевд. Бова, О.; ок. 1873 (1878) — 1928), дет. писательница.

Авт. педагогич. статей и детских рассказов. См. «Свобод. воспит.» (1912), «Маяк» (с марта 1910), «Тропинка», «Игрушечка», «Красные зори». «Воспитание и обучение» (с 1912), «Семейное воспит.». Масанов; Венгеров. Источ.; Автобиогр.

БЫСТРОУМОВА Павла. Врач (1874).

Венгеров. Источ.

БЫХОВЕЦ Мария Егоровна, авт записок.

«Путевые записки от Москвы до Неаполя (1838 мая 21 – ноября 20)» – рукопись. РГБ ОР. ф.218. № 1347.7; 1347.8.
ВД. Указ. рук. (указ. имен).

БЫЧИХИНА Татьяна Степановна (псевд. Сулима, Т.С.), драм. писательница.

Авт. ком. «Дьячиха». Киев, 1908, изд. 2–е 1910.
Масанов; Венгеров. Источ.

(Продолжение на стр. 53)

Коварный Вижай

Лешка Шорин, студент механического техникума, худошавый подвижный парнишка, с недавнего времени увлекся водным туризмом. На первом курсе он с группой, руководимой физруком Геннадием Николаевичем, сплавлился летом по реке Чусовой на катамаранах. Как там было здорово! Какие необычайные красоты. Нависшие над речными плесами скалы, уральская тайга, отличная рыбалка, дымящийся костерок... Все это крепко врезалось в память, разбудило романтический дух, дремавший доселе.

А сейчас, в 17 лет, Лешка, раздобыв руководство по местным водным маршрутам, грезил очередным сплавом, уже весной, в весенний паводок, начитавшись о бешеной скорости, с которой можно лететь по горной реке, о том, как мужественно преодолевать препятствия, как разбивать лагерь и так далее. О серьезных же опасностях, подстерегающих туриста в паводье, — тем более неопытного, — он, естественно, представления не имел. Но молодость жаждала приключений и впечатлений, и Лешка с нетерпением ждал вскрытия рек, чтобы чуть позже, осуществить свое авантюрное намерение...

— Да соглашайся ты, Виталик! Знаешь, как будет клево! — жарко убеждал он своего друга. — Всего ведь три дня, — в майские праздники поплывем. Там на Вижае скалы кругом, пещеры есть. А скорость воды 2—3 метра в секунду! По сорок километров в день делать будем. От Саран до Чусового живо домчимся!

— Так значит, Вижай? Опасно там, наверно... Да и холодновато еще в мае... — сомневался Виталик.

— Дак ведь у нас резиновая лодка будет, спасжилеты! Такая лодка практически непотопляема! А насчет погоды, — оденем телогрейки. Не замерзнем! Водки возьмем...

Виталию, невысокому темноволосому парню, — не в пример Лешке, было уже 24 года. Он был старше всех на курсе. До учебы служил в армии, работал на заводе токарем. Но решил все ж таки поступить в техникум, повысить квалификацию. Учиться пришлось с салагами, но это его не смущало. А с Лешкой они даже подружились. И вот тот его звал в тайгу плыть в паводье по горной реке, да еще вдвоем, что Виталия немало беспокоило. Тем более что раньше он в водных весенних походах никогда не участвовал.

— А, ладно! Была не была! Три дня быстро пролетит. Но все равно, по-моему, это опасно...

— Люди-то ведь каждый год сплавливаются. И ничего! Потом сам будешь мне говорить спасибо. Значит, решено?

— Решено.

И они лихорадочно стали готовиться к своему безумному предприятию. До 1-го мая оставалось два дня.

Взяли в прокате выдавшую виды надувную резиновую лодку с небольшими веселками, спасжилеты, спальники, палатку и котелки. Закупили продуктов, хлеба, спичек и водки. Из личного снаряжения обязательно нужны были сапоги — бахилы. У Лешки они были, — отец в них рыбачил, а у Виталия нет. Неискушенный напарник приготовил... короткие полусапожки.

Вообще, в водном походе все быстропромокаемые вещи типа спальников или хлеба нужно складывать в специальные водонепроницаемые мешки, но горе-туристам было не до этого. Они как попало рассовали весь багаж в огромные рюкзаки и в канун 1-го мая поздно вечером, навьюченные как верблюды, были уже на железнодорожном вокзале...

***

В электричке, следующей до Комарихи, друзья, разложив на скамье закуску, отметили начало похода. Настроение было более чем приподнятым.

— Там, на Вижае, пещера большущая есть. Пашийская. Был я там со спелеологической группой, — рассказывал окосевший Лешка, — такие внутри сталактиты, — красота! А попасть в гроты можно только с помощью веревки. Мы вот лазили...

— А если бы пещера обрушилась?

— Да ты че! Там столько туристов со всего Урала, — никого ведь еще не завалило!

— Ладно, герой... Пойдем покурим.

Электричка мчалась в темноте среди тайги, сильно кренясь и погромыхивая на перегонах. В три часа ночи она прибывала к пункту назначения. Потом, утром, нужно было делать пересадку.

... В небольшом зале ожидания станции Комарихинская яблоку некуда было упасть. Транзитные пассажиры ждали утреннего поезда. Среди них была группа туристов. Мужики и молодые ребята в штормовках, — человек десять, — сидели на рюкзаках, пили водку

и приглушенно разговаривали. Лешка с Виталиком расположились в углу возле бачка с кипяченой водой. К ним подошел один из компании — парень лет 25 с бородкой, — с любопытством стал расспрашивать.

— Значит, на Вижай? На резинке? Да, мужики... Замахнулись вы, однако! Нынче, говорят, паводок очень сильный, — снега много в тайге. А у вас как спички весла... И двое всего вас. Трудновато будет. Более того, опасно! Раньше-то весной сплавлялись?

— А как же! — соврал Лешка. — По Чусовой, по Ирени... Опыт есть! Чего бояться-то?

— Ну-ну... Смотрите, конечно, сами... Кого-то хоть предупредили, где будете? — парень смотрел серьезно. — Вообще нужно регистрировать свою группу в КСС. Мало ли что может случиться...

— Предупредили, конечно, что по Вижаю плывем. А про регистрацию не слышали. А что такое КСС?

— Контрольно-спасательная служба от клуба «Компас»...

— А-а...

Парень ушел к своим. Что-то сказал им. Те оценивающе оглядели «группу» из двоих человек. Покачали головами. Потом отвернулись...

Утром была пересадка, а к 13.00 поезд уже подошел к станции Сараны. От нее на автобусе Лешка с Виталием и, как оказалось, туристы с Комарихи (вернее — тоже из Перми) приехали в небольшой шахтерский поселок. До реки под горку было рукой подать. Светило яркое солнце. Небо радовало синевой. Спустились по склону и, наконец, увидели Вижай.

От открывшейся взору картины Виталию стало не по себе. Коричневая талая вода, ревя, неслась с огромной скоростью. Аж обдувала холодом! Тут и там плыли коряги. Еловый лес на другой стороне стоял «по колено» в воде и снегу. Виталий еще в поезде обратил внимание, что снег в тайге отнюдь не растаял, как это было в городе. А насчет нынешнего паводка, выяснилось, — он услышал из разговоров попутчиков, — что вода поднялась чуть ли не на четыре метра! Э, да здесь жареным пахнет! Но виду, что всерьез испугался, парень не подал.

Лешка же заворожено, с восхищением смотрел на дикую стихию. Вот это да! Эх, и полетим сейчас! Будет что рассказать пацанам в техникуме!

Разложили и надули лодку, вдели весла и опустили суденышко на воду. Нацепили спасжилеты. Потом разместили груз, уселись в «резинку». Туристы с Комарихи, что расположились неподалеку, поглядывали на них с тревогой.

— Ну, с Богом! — оттолкнулся Лешка веслом от берега. И их понесло...

* * *

Очень скоро взгорok с домами поселка и туристами внизу оказался далеко позади. Можно было видеть маленькие движущиеся точки — людей. Покрытые ольховым и елово-пихтовым лесом берега быстро сменялись по обеим сторонам русла. Казалось, какая-

то неведомая сила двигала с головокружительной скоростью всю массу воды, которая несла, как щепку, лодку. Лешка почти и не греб, — нужды в этом не было. На повороте струя выбросила парней на огромные темно-зеленые подтопленные елки. Резиновая лодка ударила о ствол одной на них и, отпружинив развернулась, двигаясь вперед кормой.

— Осторожно, ты! — крикнул перепуганный Виталик напарнику. — Неужели не видишь?! А вон коряга! Греби почаще! Поворачивай, поворачивай!

Лешка налег на весла, чтобы обойти вывороченные корни, плывущие от них в трех метрах. Благополучно преодолел преграду. Но это потребовало значительных усилий. Маленькие весла с трудом управляли суденышком в сплошном потоке рвущейся вперед реки.

Через некоторое время началась шивера, о которой предупреждалось в туристическом справочнике. Но то, что писалось о ней, совсем не соответствовало реальности. Скорость ревущего Вижая вдруг резко увеличилась. Река оказалась зажатой с двух сторон невысокими скальными породами. Можно на глаз было увидеть уклон русла вниз — как бы «под гору». Поднялись волны в метр вышины. Лодку стало захлестывать водой. Тут-то Лешка и Виталик по-настоящему испугались, оказавшись во власти безудержной стихии. Казалось, что их ненадежное судно вот-вот перевернется и пойдет ко дну! Друзья уже сидели по пояс в ледяной воде и не тонули только потому, что «резинка» была надувной, — гондолы держали ее на плаву.

— Выгребай, выгребай к берегу! — орал в ужасе Виталик. — Смотри, впереди скалы! Врежемся ведь!

— Весла не слушаются! Ничего сделать не могу! — Лешка бесполезно шлепал «спичками» по волнам. — Река-то нас не выпускает!

— Ну, сделай что-нибудь! Погибнем ведь!

— Что я сделаю-то?! Видишь, по середине несет!

Проскочили какой-то узкий мосток. Скалы приближались... Но река проволокла «резинку» дальше, мимо них, без столкновения.

К счастью, на повороте парней немного отнесло к правому берегу, на краю которого прилепились ивовые кусты. За них-то еле-еле и зацепились, подтянув лодку к спасительной суше.

— Фу-у! — облегченно выдохнул Виталий. — Еще бы немного, и крышка нам! Считаю, что повезло... Давай, что ли, выгружаться.

Лешка еще был взвинчен.

— Если бы нас не залило, можно было плыть дальше!

— Ты че, рехнулся? Погибнуть хочешь? Я дак пас. Надо в поселок возвращаться. Помнишь, мост проплыли? По нему в Сараны путь один...

— Да, пожалуй... Не повезло нам с походом... Завтра уж тронемся, — сырые ведь. Ну, поволокли, что ли, хозяйство?

Они вытащили на берег переполненную водой лодку. Опрокинув, вылили все из нее, перемазавшись глиной, смешанной с мокрым снегом. Тяжеленные

рюкзак, естественно, все промокли и стали еще тяжелее. Нужно было подниматься по крутому склону. Там, наверху, оказалась прогретая солнцем поляна, окруженная лесом. На ней и решили разбить лагерь.

Пока доставали из рюкзаков абсолютно мокрую палатку, никуда не годный, развалившийся хлеб и все прочее; пока развели костер и немного подсушились, наступил вечер, начало смеркаться.

— Ладно, хоть телогрейки сухие! — заметил Виталик, держа штаны над пламенем. — А из продуктов крупа еще сгодится, да консервы с водкой сохранились... А ночевать-то прохладно будет! Спальники совсем сырые!

— Не стоит, наверно, палатку ставить? Закроемся так ею... — с грустью в голосе отозвался Лешка. — Давай хоть водки тяпнем.

Раскрыли консерву, разлили водку по кружкам.

— Как бы не простыть... Ну да утро вечера мудренее...

— Да... Жалко, не удалось наше предприятие...

Они еще немного посидели у костра. Потом закутались влажной палаткой и заснули мертвым сном, не предполагая, что на следующий день их ждут новые тяжелые испытания уже здесь, в таежном «капканице»...

* * *

Проснулись друзья от яркого солнечного света. Было 10 часов утра, достаточно прохладно. Костер разводить не стали. Быстро закусили консервой, рассчитывая в скором времени перебраться через мост и попасть днем в Сараны.

Вещи и рюкзаки были полусырыми. Лодку спустили и все тяжеленное снаряжение загрузили на себя, решив двигаться вдоль берега по кромке.

Пройдя метров сто по глубокому снегу, под которым оказалась вода, выдохлись.

— Че делать-то будем, Виталик? Такими темпами мы к вечеру только до моста допррем! — Лешка еле переводил дух.

— У меня идея. Пойдем поверху, где скалы. Там снег под солнцем вытаял...

Задыхаясь, вскарабкались метров на тридцать вверх. И действительно, идти между скальными камнями стало намного легче. Но отдыхали часто. Через 40 минут пути возвышенный берег стал постепенно понижаться. Спустились в лощину с прошлогодней травой, покрытой кое-где небольшим снежным покровом. Впереди, — еще ниже, — шел подпаленный лес.

Парни сделали большой привал.

— Странно, — сказал Виталий, прикуривая сигарету, — где же мост? Порядочно ведь прошли.

— Да там, наверно, дальше, — кивнул в сторону леса Лешка, — думаю, немного осталось.

— Сомневаюсь... Впрочем, посмотрим. Ноги у меня что-то немного мерзнут, — вчера-то промочили.

— Да не переживай, скоро в поселке будем!

— А мне кажется, что мы от него порядочно уплыли. Скорость ведь у реки приличная!..

Они еще какое-то время сидели. Наконец, подняли рюкзаки и, поправив лямки, двинулись к лесу. Река шумела в тридцати метрах.

Среди обгорелых стволов, посверкивая на солнце, лежал снег. Сначала идти было довольно сносно, но вскоре наст под тяжестью тел и груза стал проваливаться, и глубоко. Приходилось постоянно из снега выбираться.

Так углубились вперед метров на триста, но дальше двигаться стало почти невозможно, — проваливались уже буквально на каждом шагу. Тогда Лешка предложил вытащить спасжилеты и накачать лодку, чтобы по ним можно было проползти вперед. Что и сделали. Теперь скорость передвижения немного увеличилась, но перебираться на карачках по «мостику» и заново класть его оказалось совсем нелегким занятием. Бедняги вынуждены были часто отдыхать.

— Как маресьевы, блин! — вытирал текущий градом пот Лешка. — А моста-то через реку не видно!

Виталий сидел мрачный как туча. Сняв свои коротенькие сапожки, начал растирать ноги.

— Надо дальше ползти! Что нам еще остается делать!

И они поползли... Горелый лес уступил место высоким елкам и пихтам.

Минут через тридцать на пути встала непредвиденная преграда, — полузамерзший ручей шириной в два с половиной метра. Долго ломали голову, как через него перебраться, чтобы не вымочиться. Длины резиновой лодки для переправы явно не хватало. Однако вышли из положения: один забрался в лодку, — другой сзади толкнул; потом перебравшийся, на вытянутых руках, провел ее назад и помог переправиться товарищу. Радоваться, собственно, было нечему, но бедолаги немного повеселели.

Теперь они, усталые, передвигались почти рядом с ревушим Вижаем.

— Смотри-ка, Лешка, а ведь здесь шивера пошла, которою мы тогда проплыли. Видишь волны? А моста все нет. Но не могли же мы его не увидеть!

— Значит, видимо, еще дальше...

— Да не может быть! Вон мы уже сколько протопали да проползли. Три часа прошло! Что-то здесь не так...

— Дак че нам, обратно, что ли, двинуться?

— Вперед пойдем... Но как хочешь, Лешка, а я уже ноги свои почти не чувствую, — с тревогой в голосе проговорил Виталий.

Его замешательство передалось другу. Однако тот виду не подал.

— Давай, еще растирай! Может быть, до моста совсем немного осталось...

Они проползли еще 400 метров и ахнули. Впереди виднелась широченная бурная протока! Вода, пенясь, неслась между деревьев, делая полукруг, и впадала в основное русло. Преодолеть такую преграду не представлялось возможным.

Тут только друзья осознали всю безвыходность положения. Вперед — не пройти, а назад возвращаться по глубокому снегу в ложину, притом усталыми, — это, как минимум, 3—4 часа! К тому же ноги Виталия в легких сапожках совсем замерзли... Ловушка!

— Че делать-то будем, Витя? — испуганно спросил Лешка.

— Не знаю... Доставай водку, — ноги мне растирай! — мрачный товарищ стал снимать сапоги. — И зачем я только согласился с тобой поехать! Вот дурак!..

...Они, растерянные, в оцепенении сидели среди леса рядом с грохотавшим Вижаем, не представляя, что предпринять, ибо впервые столкнулись с такой непредвиденной ситуацией. Только солнце, как в насмешку, ярко светило, поблескивая на голубоватом снегу, — холодное весеннее солнце... Так прошел целый час.

* * *

Неожиданно слух уловил какие-то ритмичные удары, глухо раздававшиеся на противоположном берегу. Ну, конечно же! Это, едва перекрывая шум реки, кто-то рубил топором лесину! Послышался и приглушенный лай собаки.

Лешка с Виталиком обрадовано переглянулись.

— Кто-то лес рубит! Как быть-то?

— Кричать нужно. Ничего больше не остается... — Виталий выразительно посмотрел на друга, — кричи, зови на помощь! Может, услышат.

Лешка неуверенно встал, сделал ладони рупором и заорал:

— Эй, на том берегу! Слышите?! Помогите нам!

Но безрезультатно. Топор продолжал стучать.

Тогда они закричали вдвоем, что есть мочи: «Помогите!!!»

Но в ответ им была уже тишина, нарушаемая только грохотом реки.

— Неужели ушли?! Не услышали нас?! Не может быть! — Друзья были на грани отчаяния. — Точно, надеяться больше не на что! Вот беда-то!

Ударов топора больше не раздавалось. Лешка с Виталиком, понутив головы, опять сели на рюкзаки. Что же делать?!

— Надо костер разжечь. Ног не чувствую. А потом... Потом поплывем по Вижаю! Выхода нет... — обронил Виталий, не смотря на друга.

— Куда поплывем-то? Ближайший населенный пункт только через 40 километров! Здесь же тайга! Опять ведь по пояс будем в холодной воде сидеть... — Лешка чуть не заплакал, — а дров здесь и нет, — одни толстые елки!

— Ищи, где хочешь. Я обезножил почти...

И Лешка вынужден был, проваливаясь чуть ли не по пояс в снег, искать топливо для костра.

Через некоторое время вернулся ни с чем.

— Нету ничего! Если бы снега не было, может быть, и нашел.

Виталик ничего не сказал, только еще ниже склонил голову.

Прошел еще час. Они сами не знали, чего ждали, ничего практически не пытаясь изменить.

И тут Лешка вдруг увидел несущийся по Вижаю... плот! А затем второй. На них были люди!

Второй плот мчался метрах в двадцати от пацанов. Естественно, заорали благим матом: «Эй, эй! Мы здесь! Помогите!» Но их не слышали среди рева реки.

Неожиданно на всей скорости плот наскочил на огромную подтопленную ель. Раздался жуткий треск. Парень в штормовке, который стоял на кормовой подгребнице, от мощного удара не удержался и вылетел прямо в бурлящую воду! Торчала лишь голова. Тут же товарищи протянули ему какую-то палку, он зацепился и был поднят обратно на плот. Все это происходило в несколько секунд. Туристы скрылись за поворотом.

— Не заметили нас! Теперь все... — пацанами овладело непереносимое отчаяние. У Лешки слезы брызнули из глаз. Виталий угрюмо молчал.

Но не прошло и получаса, как услышали крики и мат. Кто-то ломился сквозь бурелом. И вскоре несколько мужиков в штормовых костюмах и бахилах выскочили прямо на них, от неожиданности перетрусивших, потерявших дар речи. Лешка сразу узнал спасателей, — тех туристов, которые ждали поезда в Комарихе.

— Ну, вот и встретились, черт бы вас побрал! Сплавщики хреновы! — тяжело дыша, проговорил бородач с дядькой. — Идти-то можете?

— У него вон ноги замерзли страшно, не чувствует! — кивнул на друга Лешка. — А я могу.

В это время, пробравшись по злосчастной протоке, к берегу причалила байдарка. Закоченевшего Виталия погрузили на нее.

— Ну, пошли, что ли? — бородач с двумя другими мужиками двинулся вперед, вниз по реке по кромке берега. Лешка поплелся зади.

Они продирались, не разбирая дороги, прямо по подтопленному снегу, поминутно проваливаясь, кое-где и по пояс. Лешка тут же набрал в бахилы ледяной воды. Ноги вскоре стали как деревянные от жуткого холода, но он, не замечая этого, шел, радуясь неожиданному спасению. Еще бы! Что б они делали, если б их не нашли! Крышка бы была!

Впереди среди елок неожиданно показался про свет, и спасатели с Лешкой выбрались в ту самую ложину, откуда незадачливые герои отправились прямо в лесной «капкан». На поляне горел большущий жаркий костер, возле которого отогрелись Виталик и тот самый парень, упавший в Вижай с плота. Рядом стояли другие спасатели.

«Слава Богу!» — сказал себе Лешка, и ноги его подкосились.

* * *

— Значит, вы и есть та самая КСС — контрольно-спасательная служба? — разомлевший от тепла Леш-

ка о восхищении смотрел на своих избавителей, но, главным образом, на парня, который, идя на помощь, чуть не утонул.

— Ну, конечно! Таких, как вы, дуриков, вызволяем! Много в последнее время вас развелось. Если бы не тот местный мужик, что услышал крики о помощи, не знаю, кто бы вас выручил! — парень весело подмигнул своим товарищам.

— А мост-то, — узкий такой, — который мы проплыли, где он? Так ведь и не нашли его!

— Немного ниже отсюда. Вы, видимо, шли по скалам, по верху, да и не заметили... Эх, вы! Ладно хоть сплав вовремя прекратили! Там дальше, ниже по течению, такая болтанка на порогах, — запросто бы могли погибнуть!

— Вы адрес свой оставите? Мы с «пузырем» придем. Пострадали ведь из-за нас... — смущенно попросил Виталий.

— Да ладно уж! Что там! Хотя пишите...

...Уже начало темнеть, когда друзья с сопровождающим спасателем не без труда перебрались через злосчастный мост, представляющий собой «нитку» скрепленных друг с другом бревен на бревенчатых же узких опорах. А потом по дороге шли до Саран четыре километра среди глубокой тайги.

Спустились к берегу, где стоял лагерь КСС с приготовленными для сплава плотами. Пацанов накормили и рассказали, как прибежавший из леса мужик сообщил о случившейся беде. Что-де недалеко от поселка, у шиверы, терпят бедствие туристы. Тут же спасатели спустили на воду два плота и поплыли на помощь...

К 23-00 автобус привез Виталия и Лешку на станцию. Они сели в поезд «Малахит» и всю ночь проспали на верхних полках как убитые. А уже утром были в Перми. И что интересно, ни простуды, ни боли друзья, выбравшись из смертельно опасной передрыги, так и не узнали.

На вокзале, прощаясь, Виталик уничтожающе посмотрел на неунывающего Лешку.

— Чтоб я еще раз с тобой куда-нибудь отправился! Никогда, ни за что, ни разу! Авантюрист! Балаболка!

— Да брось ты, Виталик! Теперь есть хоть о чем вспомнить!

— Пошел ты знаешь куда!...

— Не обижайся, дружище! Все ведь обошлось! А могло быть и хуже, верно?

Виталик ничего не ответил. Он только поправил рюкзак, развернулся и скрылся в толпе.

Сплав по реке Вижай

В предыдущем рассказе «Коварный Вижай» вы могли ознакомиться с тем, как некоторые неподготовленные новички ходят в поход. Читать об этом, возможно, и забавно, но в реальности неподготовленный сплав может обернуться бедой. Следующий материал рассказывает о том, как НАДО готовиться, что брать с собой, чтобы не чувствовать себя в походе, как минимум, не комфортно. Удачи!

Схема расположения маршрута

1. Перечень личного снаряжения:

а) общее			
№	Наименование	Количество	Вес, кг
1	Рюкзак	1 шт.	1,5
2	Пеноковрик	1 шт.	0,3
3	Спальный мешок	1 шт.	1,8
4	Штормовой костюм (брюки и куртка)	1 шт.	0,6
5	Костюм х/б (брюки и куртка)	1 шт.	0,4
6	Шапочка шерстяная	1 шт.	0,2
7	Свитер	1 шт.	0,6
8	Брюки шерстяные	1 шт.	0,4
9	Перчатки	2 пары	0,1
10	Носки х/б	2 пары	0,2
11	Носки шерстяные	1 пара	0,2
12	Ботинки туристические	1 пара	1,5
13	Личные документы	1 компл.	0,2
14	Часы наручные	1 шт.	0,01
15	Компас	2 кор.	0,01
16	Спички в непромокаемой упаковке	1 компл.	0,01
17	Кружка, чашка, ложка	1 компл.	0,4
18	Личная медицинская аптечка	1 компл.	0,4
19	Личный гигиенический набор	1 компл.	0,4
б) специальное			
№	Наименование	Количество	Вес, кг
1	Спасжилет	1 шт.	1,5
2	Гидрокостюм (по возможности)	1 шт.	2
3	Специальное весло	1 шт.	0,3
4	Каска	1 шт.	4
5	Репшнур	150 м	10

Итого общий вес личного снаряжения 14 кг

Сплав по реке – отличная форма проведения майских праздников. У Вижая, расположенного на границе Среднего и Северного Урала, есть несколько неоспоримых плюсов: удобная и быстрая заброска, кроме того, пожалуй, это самая дешевая «двойка» для екатеринбургских туристов.

Туда можно добраться так:

Поезд № 653 Свердловск – ст. Лаки (ходит ежедневно).

Отправление 04.05 в 17:55.

Прибытие: 05.05 в 00:54 (время московское).

Частная ГАЗель ст. Лаки – пос. Сараны – р. Вижая.

Но также до поселка Сараны от ст. Лаки ежедневно ходят автобусы (7:30 и во второй половине дня).

2. Перечень группового снаряжения:

а) общее			
№	Наименование	Количество	Вес, кг
1	Палатка	6 шт.	24
2	Котлы	5 шт.	4
3	Тросик	2 шт.	0,5
4	Поварешка	2 шт.	0,3
5	Топор	2 шт.	3
6	Пила	2 шт.	0,5
7	Горелка	1 шт.	0,2
8	Баллоны	3 шт.	1,5
9	Аптека	1 шт.	2
10	Ремнабор	1 шт.	2
б) специальное			
№	Наименование	Количество	Вес, кг
1	Катамаран 6-местный	3 шт.	54
2	Катамаран 4-местный	1 шт.	15
3	Алюминиевые рамы	4 шт.	48
4	Выброска	2 шт.	1
5	Репшнур	150 м	10

Итого общий вес группового снаряжения 165 кг

Обратно:

Электричка: ст. Лямино – Чусовская.

Отправление: в 19:30.

Прибытие: около 20:00 (время московское).

Поезд № 654 Чусовская – Свердловск.

Отправление: 09.05 в 21:47.

Прибытие: 10.05 в 6:39 (время московское).

Подробная нитка маршрута: ст. Лаки – пос. Сараны – р. Вижай – пос. Пашия – пор. Пашийский прижим (2 кат. сл-ти) – р. Вильва – р. Усьва – р. Чусовая – ст. Лимино – г. Чусовой.

Аварийные выходы с маршрута

Река Вижай характеризуется не сильной автономностью. На всем протяжении параллельно реке идет железная дорога. Расстояние до нее от 5–7 км до 15 км. Местами к реке подходят грунтовые дороги, по которым также можно сойти с маршрута. В его центральной части расположен крупный поселок Пашия. Здесь же находится главное припят-

ствие на реке Вижай – Пашийский прижим (порог 2 кат. сл-ти.).

Участок маршрута пос. Пашия – р. Вильва довольно глуховат. Здесь уже в 2–3 раза меньше туристских групп, так как многие завершают сплав в Пашии.

Общая протяженность маршрута: 150 км.

Продолжительность: 7, сплав 5.

Общее количество ходовых часов: ~22 часа.

Средняя скорость: 6,8 км/ч.

Средний дневной переход: 30 км/день.

Общий перепад высот: 240 метров.

Средний дневной перепад высот: 48 метров.

Финансовы затраты на 1 человека: ~800 руб.

Вижай – классная река, со своим характером, которая позволяет за короткий временной промежуток провести достаточно «спортивный» сплав. Ее не назовешь особенно живописной рекой, но и здесь можно разглядеть какую то свою прелесть.

*По материалам
Свердловского городского турклуба*

Верховье реки Вижай у поселка Сараны

Вячеслав МИХАЙЛОВ,
фото Ирины ПАШНИНОЙ

Памятник комсомолу
Урала установлен в 1959
году на Комсомольской
площади (бывшей площади
Народной мести), около
здания Дворца творчества
учащихся. Авторы
монумента — скульптор
П.А. Сажин (в соавт. с
В.М. Друзиным), архитектор
Г.И. Белянкин.

ПАМЯТНИКИ СВЕРДЛОВСКА- ЕКАТЕРИНБУРГА

Память

РЕКА ВРЕМЕНИ

Первый из памятников, существующих ныне, установлен в Свердловске Я.М. Свердлову (1885–1919), революционеру-большевику, известному государственному деятелю, члену РСДРП(б) с 1901 года. Памятник установлен на площади Парижской коммуны, на проспекте Ленина, у здания театра оперы и балета им. Луначарского и открыт 15 июля 1927 года. На постаменте высечена надпись: «Якову Михайловичу Свердлову (товарищу Андрею) — уральские рабочие». Авторы памятника — скульптор М.Я. Харламов, архитектор С.В. Домбровский. Памятник сооружен на добровольные пожертвования трудовых коллективов города.

В память о переименовании города Екатеринбурга в Свердловск на здании мэрии города (проспект Ленина, 24) установлена мемориальная доска с барельефом Я.М. Свердлова. Авторы — скульпторы В.З. Беляев и Л.Ф. Винкербец.

На ул. Челюскинцев, в месте пересечения ее с ул. Свердлова, установлена стела с барельефом Я.М. Свердлова. Памятник установлен в конце 70-х годов. Авторы неизвестны.

Памятник-бюст М.П.Одинцову (год рожд. 1921), прославленному летчику штурмовой авиации Советской армии, дважды Герою Советского Союза, генерал-полковнику, установлен на площади им. С.М. Кирова, напротив Екатеринбургского суворовского училища в 1953 году. Одинцов родился на Урале, в Пермской области, учился в 36-й школе Кировского района города Свердловска. Во время Великой Отечественной войны совершил 215 боевых вылетов. Авторы памятника — скульптор С.И.Фокин, архитектор Б.Столяров.

Памятник Г.К. (Серго) Орджоникидзе (1886–1937), советскому государственному и партийному деятелю, наркому тяжелой промышленности СССР, установлен на площади Первой пятилетки. Памятник открыт 24 июля 1955 года. Авторы – скульптор Г.В. Недора, архитектор А.А. Бойко.

Памятник В.И. Ленину (1870–1924), основателю Советского государства, установлен на площади 1905 года. Памятник открыт 5 ноября 1957 года. Авторы монумента – скульптор В.И. Ингал, архитекторы – А.И. Прибульский и П. Дёминцев. Автор сооружения трибуны – архитектор Г. Голубев.

Памятник-obelisk уральским коммунарам установлен в 1959 году, в 40-ю годовщину освобождения Урала от белогвардейцев адмирала Колчака. На обелиске надпись: «Вечная слава борцам революции, героям гражданской войны на Урале, отдавшим свою жизнь за светлое будущее человечества – коммунизм». У основания памятника зажжен Вечный огонь, который горит и поныне. Авторы памятника – архитекторы В.Ф. Потапов и Б.А. Измоденов.

Памятник студентам, преподавателям и сотрудникам УПИ, погибшим в годы Великой Отечественной войны, установлен на южной стороне площади им. С.М.Кирова, у третьего учебного корпуса УГТУ-УПИ. Памятник открыт в День Победы – 9 мая 1961 года. На гранитном пьедестале надпись: «Нашим товарищам, погибшим в боях за Родину». На обратной стороне пьедестала: «Память о героях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов не сотрут века. От комсомольцев Уральского политехнического института имени С.М. Кирова». Авторы памятника – скульптор В.М. Друзин, архитектор Г.И. Белянкин.

(Продолжение следует)

Татьяна ТОМАХ, С.-Петербург

Ловчий тумана

Староста с самого начала Грифу не понравился. На первый взгляд — вроде нормальный дед. В густой копне волос и длинной бороде — седина вперемешку с солнечной рыжиной. Пепел и огонь. В карих глазах за угодливой почтительностью — лисья хитринка. Только походка разве что неловкая, подпрыгивающая. Может, просто плохо гнутся старые суставы, измученные артритом. А может, прячутся в старых латаных валенках вместо человеческих ступней козлиные копыта?

— Туточки оно, господин старший очиститель. Извольте глянуть.

Узловатый палец деда указал вниз, под обрыв, край которого курчавился густой травой. Здесь, видно, не косили и скотину гнали подальше — чтобы не оступилась, вытягивая шею за сочной зеленью. Насколько глубок обрыв, было не разглядеть — внизу плавал туман, густая молочно-белая дымка, сквозь которую земля не просматривалась.

— Когда оно начало функционировать? Ну, когда первый раз это случилось? — хмуро спросил Гриф, избегая смотреть в заискивающие глаза деда. А может, это не горб бугрится на тощей спине под куцым тулупчиком — а третья рука, потихоньку кажущая кукиш господину старшему очистителю, пока сам дед почтительно мнетя, стараясь быстро и верно ответить на вопрос?

— Так это... Оно завсегда, если утром или к вечеру, особенно к дождю, с болот-то натягивает. А когда и до деревни доползает. Болота у нас туточки, господин старший...

— Я не про туман, — оборвал Гриф, досадливо морщась. Запоздало припомнил, что сквозь маску дед не разглядит его гримас — и в который раз подумал: «Интересно, а каким я кажусь ему — в этой маске и защитном костюме? Чудовищем — может, еще большим, чем он мне?»

***

Инга так и не смогла привыкнуть к его маске. Едва он заходил домой, замирала и зажимала глаза — до тех пор, пока он не снимал маску и форму.

— Дурочка, — ласково пробовал увещевать ее Гриф, — ну что в ней страшного, а? Вот, потрогай.

Затаив дыхание, Инга послушно, но гадливо, какдохлую крысу — уже не страшно, но по-прежнему противно — трогала студенистую шкурку маски.

— В ней — ничего, — соглашалась она с Грифом. — А вот под ней — да. Кажется... кажется, что ты когда-нибудь снимешь ее — а под ней уже не ты.

— А кто? — смеялся он, целуя ее висок — теплую впадинку с нежным завитком волос. — Ну, кто?

— Не знаю... — Ингины глаза темнели от страха, а горло срывалось, будто у нее перехватывало дыхание.

Она умела немного предвидеть будущее, маленькая тихая Инга — иногда ошибаясь, а иногда угадывая, с точностью до мелочей. Это свойство было единственным, отличавшим ее от остальных людей. От нормальных людей.

***

— Так это, господин старший очиститель, — дед растерянно хлопал бесцветными ресницами. — с Анькиной козы-то, верно, и началось. Потеряла она ее, да. Анька — козу то есть. И гори бы она пропадом, если бы не Анькина мачеха. Бесплезная животная была и дурная.

— Мачеха? — переспросил Гриф, увязая в дедовом путаном рассказе.

— Коза, господин старший очиститель. А мачеха как есть ведьма. То есть лупила Аньку за каждый пустяк. Потому девке ничего другого не оставалось, как найти эту клятую козу — или совсем домой не ходить. А тут как раз бабы за клюквой пошли...

«Интересно, — думал Гриф, сдерживая раздражение, он придурируется или на самом деле так косноязычен? Тогда что за староста из него? Или просто отчаянно меня боится?»

— ...и в один голос Аньке — мол, ускакала твоя коза в самую трясиину. Болота у нас туточки, господин старший очиститель.

Автор Татьяна Томах родилась и живет в С.-Петербурге. Образование — высшее техническое (С.-Петербургский государственный технический университет, факультет технической кибернетики). Работает в компании «ТРАНЗАС», принимает участие в разработке программного обеспечения для навигации. Пишет стихи и прозу. Занимается в литературных студиях — поэзии при СПбГТУ; прозы при ЦСЛИК (Центр современной литературы и книги). Участник, финалист, победитель некоторых сетевых литературных конкурсов. Есть публикации в сборниках и журналах («Порог», «Реальность фантастики», «Знание — сила», «Техника — молодежи»).

«...А если боится — значит, лжет. Или, по крайней мере, что-то скрывает. Что? Козлиные копыта в валенках?»

— А поутру Анька домой со своей козой вернулась.

— И что?

— Так это, козу-то она в этом тумане нашла, господин старший очиститель.

— Гм, — сказал Гриф и покосился на секретаря. Тот невозмутимо строчил в своем блокноте, не упуская ни слова. Под маской лица было не разглядеть, но Гриф мог поспорить, что секретарь веселится. Работнички. Только бы поржать, а потом потравить баек, невзирая на принципы неразглашения. Раньше достаточно было магнитофонной записи в процессе беседы со свидетелями, но когда выяснили, что техника иногда ведет себя странно рядом с аномальными пятнами, ввели правило обязательного присутствия секретаря с допотопным блокнотом.

— Так это, коза-то как есть потопла в болоте. Бабы, которые за клюквой...

— Понятно. Еще какие-нибудь случаи были?

— Как не быть? Как есть были. Аким телегу покраденную в прошлом году нашел; вдовая Фанька — свою дочку Марьяну, а Марьяна-то померла еще пять лет назад. Ну и по мелочам всяко.

— Так что, получается, в этом тумане можно найти все, что хочешь?

Староста помялся, пошаркал своими валенками. Его пристальный взгляд показался Грифу неприятным — будто белесая кожица маски неожиданно оказалась прозрачной и дед сумел разглядеть лицо Грифа и глаза.

— Я думаю — только то, что было когда-то потеряно, господин старший очиститель.

***

Он не смог простить, что Инга солгала. А она решила, что это Гриф ее предал.

«Я ведь предупреждал», — думал он потом, пытаясь разобраться с чувством вины, которое с тех пор не давало ему покоя. В конце концов, Ингу никто не заставлял бежать. Ее-то Гриф обещал защитить. Зачем было бежать — чтобы наткнуться на патруль, в обязанностях которого было уничтожить без предупреждения все и всех, кто пытается пересечь границу — неважно, изнутри или снаружи? Ведь Инга должна была понимать, чем это все закончится? Должна — даже если бы она вообще не умела предвидеть будущее. А может, как раз потому, что она умела иногда это делать...

Как бы то ни было, все вопросы, которые Гриф хотел бы задать Инге, навсегда теперь остались при нем. Как и чувство вины.

Безусловным, не подлежащим сомнению было одно. Инга солгала, а Гриф ее предал.

***

— Господин старший очиститель, — корявые пальцы старосты робко уцепили краешек рукава Грифа, взгляд

опять был прежним — испуганным и заискивающим: — будьте добреньки, не троньте деревню, а?

Гриф отвернулся; дедовы пальцы соскользнули с жесткого рукава защитного костюма. Повинуясь жесту Грифа, подскочил адъютант, подхватил старосту под локоть, повлек в сторону:

— Иди-иди, дедуля. Спасибо за сотрудничество. Управление тебя благодарит и отблагодарит при случае, не сомневайся. И не трясись. Кому она нужна, твоя деревня? Понял? И своим там передай, чтоб не боялись.

Гриф смотрел, как староста, сгибаясь все сильнее — отчего горб на его спине становится еще более очевиден и безобразен, медленно спускается вниз с холма по узкой тропинке. Наверное, деду хотелось обернуться, но он не смел.

— Деревню оцепили? — спросил Гриф у подскочившего адъютанта.

— Три часа назад. Сейчас старосту назад пустим и начнем. Аномальное пятно готовим к изоляции, как положено. На рассвете первая истребительная приедет.

— Вот и ладно, — Гриф кивнул; махнул рукой, отпуская адъютанта и секретаря, и побрел к лагерю.

— Ужин господин Наблюдатель велели в штабной палатке накрыть, — крикнул вдогонку адъютант.

***

Наблюдатель оказался розовощеким круглолицым крепышом с умильной улыбочкой, будто намертво приклеенной к пухлым губкам.

— Наконец-то, — воскликнул он, щурясь, разглядывая входящего Грифа и нетерпеливо потирая ладони, — я уж думал без вас начинать. Стынет.

Ловко спрятав в переносной сейф пачку мелко писанных бумаг — ишь, трудяга, ни минуты покоя — Наблюдатель жестом фокусника сдернул со столика салфетку. Под салфеткой обнаружилась кастрюлька с дымящейся разваренной картошкой, густо присыпанной укропом; миска с тугими, истекающими соком малосольными огурцами; горшочек с густой желтой сметаной и запотевшая бутылка, наполненная сомнительного вида мутноватой жидкостью. Стандартный паек — брикеты, упакованные в фольгу — был сиротливо сложен на краю стола. Наблюдатель выдернул из бутылки обмотанную тряпицей пробку, повел носом, с явным наслаждением вдыхая кисловатый хмельной запах.

— На меду и яблоках настаивают, негодяи, а? — восхищенно обратился он к Грифу.

— Местное? — с сомнением уточнил Гриф, оглядывая разложенное угощение.

— Да бросьте, — сморщился Наблюдатель. — Проверено все. Вы думаете, снаружи меньше заразы захватываете? Думаете, эти тряпки вас защитят? — он презрительно ткнул в защитный костюм Грифа; махнул рукой; уверенно ухватил в кулак узкое горлышко бутылки. — И потом, ну скажите честно, — глаза Наблюдателя, неожиданно цепкие для кукольно пухлого личика, уставились на Грифа, — вам не наплевать, годом больше или меньше этой паршивой стерилизованной жизни, а?

Раньше Гриф послал бы его подальше — хотя бы потому, что в обычае Наблюдателей было устраивать подобные проверки, а потом строчить длинные клеветы о несоблюдении устава в Управление. А теперь ему действительно было наплевать.

— Вы бы, господин Ловчий, чтоб тут какой грязи не натрясти, лучше верхнюю одежду сняли. Да и масочку тоже, — предложил Наблюдатель, осторожно расставляя доверху налитые стаканы. — Или что, уже не замечаете, второй кожей приросла?

Гриф вздрогнул — и заметил заинтересованный взгляд Наблюдателя, ухвативший его движение, как кошка — зазевавшуюся мышшь.

Именно так — слово в слово: «Второй кожей приросла?» — говорила Инга, когда он иногда забывал сразу снять маску.

А еще Гриф не любил, когда его называли Ловчим. Будто пса. Или охотничью птицу, приученную срываться в небо только по дозволению хозяина, бить указанную им добычу и послушно возвращаться на хозяйскую перчатку. Хотя кем они еще были, очистители, как не дрессированными псами и ловчими птицами Управления.

— Ну что, Ловчий, — Наблюдатель разглядывал Грифа, не то издеваясь, не то провоцируя. Гриф молчал. — Выпьем за будущее? За будущее для нормальных людей, а?

Гриф сдержанно кивнул, поднимая стакан. Тост был обычен, традиционен. На редких официальных

праздниках Управления президент поднимал первый бокал именно с этими словами.

Первый глоток жидкости, отдающей кисловатым духом перебродивших яблок, был прохладен и мягок, второй — неожиданно опалил глотку. Гриф медленно вдохнул, прислушиваясь, как внутри распускается огненный цветок, согревая усталое тело и сжигая дотла напряжение и тревогу. Во рту остался привкус горечи и меда.

— Что, хороша? — усмехнулся Наблюдатель, с хрустом впиваясь зубами в тугой бок огурчика. — А вы — местное, не местное... Тут вопрос, кто нормальные, а кто нет, — утерев ладонью рассол с подбородка, он выжидающе посмотрел на Грифа, и тот с запозданием понял, что вопрос относится к словам тоста. Попахивало провокацией.

— Хороша, — сказал Гриф, щедро плеща из бутылки в оба стакана. — На меду, значит?

— Ай да Ловчий, — рассмеялся собеседник. — Ай да... Да не проверяю я вас. Больно надо. Давно хотел на вас взглянуть, знаете. Ловчий, который настолько паталогически честен, что даже ни разу не солгал своим будущим жертвам. Некоторые говорят — псих. Ну да мы все тут немного психи. Ну давайте — за психов! Не чокаясь.

Наблюдатель выпил, склонился к Грифу:

— Знаете, почему? Потому что у нас нет будущего. У нас, элиты; золотого генофонда; драгоценным крупинкам, выбранным из миллиардов, тех миллиардов, которые без раздумий были брошены умирать... А теперь у нас нет будущего... Что, думаете, я псих?

— Да, — вздохнув, согласился Гриф. Кажется, этот Наблюдатель начинал ему нравиться.

—... Нормальность — что такое эта нормальность, а? — раскрасневшийся Наблюдатель — блестящие глаза, прядь волос липнет к вспотевшему лбу — размахивая руками, едва не смахнул со стола свой стакан.

Рассыпчатая, солнечного цвета, тающая во рту картошка с душистым укропом была давно съедена; на дне миски плавал один огурец; бутылка же казалась бездонной — или это Наблюдатель незаметно уже достал следующую?

— Нормальность — принадлежность к большинству. Не более того. А попытки определить эту нормальность искусственно — диктатурой меньшинства — обречены на неудачу, рано или поздно. Нас меньшинство, просто пока не все это понимают. Вот ты, Ловчий, скольких отправил на смерть — за последний год, а?

— Мальчика, — неохотно сказал Гриф. Вспоминать не хотелось. — И его мать. Из парижской деревни. Если бы не эта дурацкая псина...

* * *

...Собака кинулась из-за дома — огромная мохнатая зверюга метра полтора в холке — молча оскалив двойной ряд острых зубов. Гриф даже не успел ничего понять — среагировало тренированное тело. Отскочив в сторону, Гриф раскрыл собаку очередью из унистрела.

— Жулка! — срывая голос, к телу чудовища бросился щупленький белобрысый мальчишка лет семи.

— Ты убил мою Жулку.. Ты... — размазывая грязь и слезы по щекам, мальчик обернулся к Грифу.

— Извини, — сказал Гриф, забыв, что из-за маски ребенок не видит его виноватой улыбки.

— Тони! — истошно закричала высокая женщина, кидаясь между мальчиком и Ловчим. Не успела. С замурзаного пальчика ребенка, обвиняюще устремленного на Грифа, сорвался сгусток пламени. — Тони!! — трава у ног Грифа загорелась; унистрел, опять сам прыгнув в ладонь, отшвырнул мальчика назад тремя выстрелами. — Тони! Сыночек! — женщину Гриф успел застрелить до того, как с ее засиявших алым светом рук потек огонь...

* * *

— Ее потом Огнеметцами назвали, деревню. В отчетах.

— Да, брось, Ловчий. Мальчика и мать. А остальные? Все, кого твоими стараниями — в Изолятор, а? Думаешь, стерилизация и психологическая обработка это не смерть? Что, не видел, какими они безвольными куклами становятся после этого, а?

— Я не думал... — Гриф осекся. Как раз такие мысли иногда не давали ему спать — особенно с тех пор, как Инга...

— Все мы боимся думать, — вздохнул Наблюдатель. — Я сам недавно... Я читал отчеты. Знаешь, там наверху им уже все понятно, но они тоже психи, и они боятся... Они обрезают информацию, каждому — по кусочку, чтобы нельзя было сложить целое — и понять. Чтобы не было паники. Я читал очень много отчетов, Ловчий. Я складывал эти кусочки. Я тоже боялся, но когда я увидел целое — я испугался еще больше. Нас горстка, Ловчий, по сравнению с теми, кто снаружи. Наши деды думали отсидеться в защитных бункерах, пока гибнет мир. А мир не погиб. Он изменился. Обреченные миллиарды выжили, и теперь обречены мы. Теперь мы — двуногие, двурукие особи с убогой интуицией, не способные зажигать огонь на ладонях и двигать взглядом предметы — теперь мы ненормальные...

* * *

На границе лагеря из темноты выступили патрульные, посветили в глаза детектором, узнали Грифа и так же бесшумно исчезли.

Он брел по тропинке, указанной вчера старостой, через залитый лунным сиянием луг. Высокая трава, почти до плеч, колыхалась серебристыми волнами; огромные цветы сейчас казались черными — будто широко распахнутые глаза, уставившиеся на Грифа. Наверное, аромат этих цветов был головокружительно прекрасен; Грифу неожиданно захотелось сорвать с лица маску, чтобы почувствовать его. Впервые за много лет, с тех пор как он мальчишкой впервые вышел из бункера, кожа маски мешала, казалась чем-то чужеродным. Мы здесь чужие, подумал Гриф, вспоминая слова Наблюдателя. Мы

спрятались от мира, когда он погибал; и теперь это уже не наш мир.

Туман начинался постепенно — сперва молочные струйки вились у щиколоток, потом поднялись к коленям. Будто Гриф входил в призрачную реку. «Я пьян, — осознал он, замерев на середине очередного шага. — Что я здесь делаю?» И шагнул еще глубже. Туман накрыл его с головой.

* * *

Он шел минут десять — или несколько часов. А может, десятилетий. Остановился, поняв, что окончательно потерял ориентацию.

Вокруг был только плотный, мерцающий серебром туман, скрывший весь мир — или только пустоту, которая осталась от мира.

Спасаясь от гибели, их корабль покинул гавань — и заблудился. Теперь они бродили в тумане, пытаясь отыскать путь домой, но дома больше не было. Они были обречены блуждать вечно, пока корабль не развалится или последний его пассажир не умрет от жажды...

«Так что, получается, в этом тумане можно найти все, что хочешь?» — «Я думаю — только то, что было когда-то потеряно, господин старший очиститель...»

— Инга, — позвал Гриф, закрывая глаз. — Инга!

* * *

— Инга, ты понимаешь, что я обязан сдать в Изолятор это... этого... Как ты могла не сказать мне ни слова?! — взорвался он, не выдержав.

— Поэтому я тебе и не сказала, — тихо отозвалась Инга, так и не поднимая глаз. Не шевелясь, будто закаменев, она по-прежнему смотрела на ребенка в своих руках.

И как она умудрилась так долго скрывать?! Подгадала под полугодовую командировку Грифа, а перед этим еще выпросила пожить в Заповеднике — мол, голова все время болит от замкнутых пространств, и

спится плохо... Инга уже давно заводила разговоры о ребенке — Гриф сперва мягко отговаривал, потом вообще запретил заикаться на эту тему. «То, что ты выглядишь нормальной, ничего не значит, — объяснял он строптиво поджимающей губы Инге. — Мне удалось вытащить тебя из Изолятора, и начальство смотрит сквозь пальцы, что ты живешь со мной уже так долго, хотя у нас это не принято. Но твои гены, Инга! Почти стопроцентно ребенок родится с физическими отклонениями. Ты понимаешь, что его тогда ждет? И, боюсь, тебя в этом случае я тоже больше не смогу защитить...»

За полгода он соскучился. Даже не представлял, что Инга так много для него значит. С удовольствием, представляя, как Инга обрадуется, собирал подарки — забавные безделушки, сетку контрабандных яблок — выращенные в оранжерее Инге не нравились — мол, на вкус как бумага. Воспользовался попутным транспортом, приехал на день раньше.

Ингины глаза были испуганными и отчаянными.

— Я думала... ты завтра... — белые губы едва шевелились. Она прижимала к себе младенца, осторожно поддерживая его головку с редкими светлыми волосиками.

Приготовленные подарки высыпались у Грифа из рук. «Не может быть, — подумал он. — Не может...»

Младенец был нормальный. Гладенькая спинка, две ножки с розовыми пяточками, две ручки — на каждой по пять неправдоподобно маленьких пальчиков. Безумная надежда, что все обойдется и каким-нибудь невозможным образом получится уговорить начальство не трогать ребенка и Ингу, должно быть, отразилась на закаменевшем лице Грифа.

— Вот, твой сын, — пытаюсь улыбаться, сказала Инга, протягивая к нему ребенка. Небесно-голубые глазки посмотрели на Грифа с любопытством; но третий глаз, распахнувшийся между маленьких бровей, был ярко-синим и по-взрослому задумчивым...

* * *

— Инга!

— Гм, — сказал кто-то из тумана.

Гриф открыл глаза. Туман расступился, открыв полянку нежно-зеленого мха, усыпанного белыми цветами. Ночь закончилась, как и не было; солнечный свет заливал полянку, сидящего на пеньке седобородого старика и лукошко с грибами возле его ног.

— Потеряли кого, молодой человек? — поинтересовался старик, жмурясь на солнце, как сытый кот.

— Вы кто? — Гриф почувствовал, как остатки хмеля слетают с него, оставляя наедине с невозможной действительностью.

— А вы?

— Гриф, — растерявшись, представился он.

— Стервятник? — уточнил старик, пристально разглядывая Грифа — так, что тому почему-то захотелось поежиться. Гриф молчал. Взгляд старика будто снимал с него кожу, заглядывая внутрь — где метались потревоженные воспоминания, судорожно трепыхалось сердце, будто зашевелившееся только сейчас — заставляя

задышаться, чувствовать и бояться. — Что, маска-то уже второй кожей приросла?

Повторил слово в слово за Ингой и Наблюдателем — будто действительно залез в воспоминания Грифа и вынул оттуда тревожащий, жгущий кожу под треклятой маской вопрос.

— Или боишься, как бы лица не увидели те, кого ты рвешь, Ловчий? Или сам своего лица боишься, а?

— Вы кто? — цепenea от ужаса, выдавил Гриф.

— Вопрос, не кто я; вопрос — кто ты, — старик перестал разглядывать Грифа, с кряхтением поднялся с пенька. — Пойдем-ка, — велел, тяжело опираясь на локоть Грифа. — Пойдем. Да лукошко захвати — меньшей сынок-то у меня страсть как боровики в сметане уважает.

Тропинка вилась через луг, заросший высокой — до плеч, травой и огромными цветами. Вроде и та тропинка — и не та. Бабочки взлетали из-под ног, ласточки с суетливым чириканьем носились мимо; высоко в небе, неподвижно раскинув крылья, парила какая-то большая птица. Стервятник? «Может, я сплю?» — подумал Гриф. Снял перчатку, потрогал влажные лепестки огненно-алого цветка; дотронулся до лица и, поколебавшись, сорвал тонкую, плотно липнущую к коже защитную маску.

Аромат цветов и правда оказался чудесным. Гриф не мог надышаться, глотая воздух, как волшебный невероятно вкусный напиток. Голова кружилась. Ветерок щекотно покалывал кожу, непривычную к открытому воздуху.

— На солнце-то не обгори с первого разу, — старик усмехнулся, одобрительно косясь на Грифа, и нахлобучил ему на голову свою обтрепанную шляпу.

Деревня тоже была знакомой, но вроде не совсем такой, какой ее накануне увидел Гриф, отыскивая старосту.

Старик остановился возле первого дома.

— Ну проводил — и будет, — сказал он Грифу, отнимая лукошко. — На грибы не зову — все равно сейчас вкуса не поймешь. А на свадьбу заходи — попозже. Марьяну-то помнишь?

— Которая в тумане нашлась? — предположил Гриф.

— Она. Дочка ее замуж выходит за моего внука. Приходи, коли сможешь.

— Я... — замялся Гриф, пытаюсь разобраться, что не так. Деревня сейчас была больше, вместо покосившихся халупок — красивые дома с резными крылечками и ставнями, яркими цветастыми занавесками. Дочка Марьяны — которая еще сама ребенок?!

— Ну, а старшего сынка моего ты вроде тоже знаешь, — сказал старик, приветливо махая рукой человеку, вышедшему на крыльцо. Взгляд голубых глаз, остановившийся на Грифе, был приветлив и любопытен; а третий глаз — ярко-синий — взглянул на Грифа строго и будто с укором...

* * *

— Скорее, — негромко сказал Гриф в сумерки сарая. — Выходите все, только тихо.

Он бежал сквозь туман, не разбирая дороги, и уже думал, что будет бежать так вечно, навсегда заблудившись в молочно-белой пустоте. Но неожиданно вывалился обратно — в бледнеющую перед рассветом лунную ночь. Маску он так и не нашел и позабыл снять с головы драную старикову шляпу — потому патрульные сразу не узнали его. Потому, может, ему и не было так стыдно, укладывая их на землю точными выстрелами парализатора.

Первым высунулся староста.

— Благодарствуйте, господин старший очиститель. Я так и подумал, что ошибочка вышла — вы ведь велели деревню не трогать; то ваши подчиненные чего перепутали — но народ-то волнуется...

— Тихо, — сказал ему Гриф. — Выводи своих людей — и уходите. Быстрее. Утром приедет истребительная бригада, и я не смогу...

Староста нырнул в сарай, там забормотали торопливо и невнятно, кто-то ахнул, кто-то сердито буркнул: «Цыть, дура».

Отступив в сторону, Гриф смотрел, как они выходят — взрослые, дети, старики. Попытался угадать среди них Марьяну — но он никогда ее не видел, да и в предрассветных сумерках лиц было не разглядеть. На Грифа косились молча и в основном испуганно. Только одна женщина метнулась к нему, бухнулась на колени.

— Сыночек, спасибо тебе, милый, спасибо, — забормотала торопливо и горячо, ловя руку Грифа и пытаясь поцеловать.

— Иди, Василиса, — велел староста, поднимая ее. Хмуро пояснил: — Ей тут добрые люди сказали, что всех детей отберут, а грудных, мол, и вовсе усыпят... как больных псов... а у ней детей мал-мала, у Василисы... Иди, Василиса, господин старший очиститель говорит, торопиться надо.

— Как тебя звать-то, сыночек? За кого молиться мне теперь? Как звать?

— Гриф, — растерянно ответил он. Женщина кивнула и заторопилась догонять остальных.

— Детей в середину, — командовал староста, подталкивая отстающих. — Семен и Олаф замыкающими — если что, подхватите, кто падать будет...

— Про детей-то правда? — спросил он, обращаясь к Грифу. Теперь, перестав называть Грифа «господином старшим очистителем» и умильно улыбаться, он изменился. Стал строже и суше и даже вроде как чуть распрявился, будто уродливый горб перестал отягощать его. Словно принял Грифа в ряды своих, перед которыми не надо притворяться и надевать маску пугливого деревенского дурачка.

— Правда.

— Ну и как ты-то теперь?

— Не знаю, — Гриф пожал плечами.

— Может, с нами, а? Двух-трех крепких ребят отряжу, чтоб пособили...

— Куда они? — Гриф удивленно смотрел, как

люди бегут через луг — но даже не к туману, где можно было бы попытаться спрятаться; а наверх — к обрыву над бледной рекой тумана. — Куда? — он осекся, когда первый из бегущих шагнул в пропасть. На секунду он пропал из виду — Гриф успел с ужасом подумать: «Чокнутые — они все здесь чокнутые, во главе с этим рыжебородым. Массовое самоубийство?!» А потом фигурка, сорвавшаяся с обрыва, появилась снова, поднимаясь выше и выше, и наконец, поймав воздушный поток, заскользила, почти не двигая крыльями.

— Так что, — переспросил староста. — Может, с нами?

Он скинул тулуп, бывший горб вырвался в разрез рубахи на спине двумя большими серебристо-серыми крыльями.

— Я... — Гриф поперхнулся. Староста улыбался. Исчез горбатый уродливый старик; теперь перед Грифом стоял рыжебородый стройный крылатый бог, щедро и небрежно предлагающий: «Может, с нами?»...

— Я сам, — сказал Гриф, глядя на парящие над туманом человеческие фигурки. «Инга», — позвал он, будто она могла быть там, среди них; и будто теперь, наконец, было можно попросить у нее прощения. «Инга. Как получилось, что я искал тебя, а нашел себя? Себя — того, кем я мог бы быть? Или еще могу стать? Может, я еще сумею отыскать тебя — как та Фанька нашла свою Марьяну, несмотря на то, что это невозможно — может, просто потому, что очень хотела ее найти... Только теперь я должен больше не потерять самого себя, да?»

— ...Спасибо, я попробую сам.

— Это правильно, сынок, — одобрил бог, похлопав Грифа по плечу. — Митька! Ты чего тут застрял? — рявкнул он, заметив за дверью сарая мальчишку, подслушивающего разговор.

— Счас, счас, — недовольно сказал тот, вылезая из укрытия. Подошел к Грифу, с любопытством заглянул в его лицо. Спросил:

— Дяденька, а гриф — это птица?

Герман ДРОБИЗ

Глухонемой грабитель

из цикла «Маленький сыщик»

Вот уж третий вечер подряд Вовка Петушук встал в разных местах Андрея Степановича Чувилина, и каждый раз оказывалось: участковый чем-то сильно удручен. Первый раз встретились на улице — он вообще не ответил на приветствие. Это кому же не ответил: Вове Петушкову, который помог ему раскрыть несколько совершенно загадочных преступлений! Второй раз: Вова шел из магазина и застал участкового возле общежития глухонемых. Это общежитие пользовалось дурной славой. Нет, глухонемые парни, изъяснявшиеся друг с другом непонятными для остальных жестами, местных жителей не обижали. Но милиция наведывалась к ним нередко. Ходили слухи: то ли там приторговывали чем-то запретным, то ли там под видом глухонемых тайно проживали разные темные личности.

Чувилин стоял поодаль от входа и мрачно следил за входящими и выходящими.

— Кого ищем, дядя Андрей?

— Иди отсюда, не мешай, — не поворачиваясь, отмахнулся участковый.

Пойти Вова пошел, но понял: озабочен дядя Андрей нешуточно.

Следующим вечером, сделав уроки, он вышел поболтаться по родной местности и его потянуло во двор, где на первом этаже двенадцатиэтажки располагалась служебная комната участкового.

Чувилин сидел возле подъезда на скамейке и курил, уставясь в землю. Ничего интересного перед его взглядом не было — так, втопанные в землю окурки и крышки пивных бутылок.

Вова храбро уселся рядом:

— Дядя Андрей, что-то у вас... неприятности?

— А, Шерлок Холмс, — усмехнулся Чувилин. — Мне бы сейчас настоящего.

— А я что, не настоящий? — хвастливо возразил Вова. — Кто про черную церковь догадался? А кто Валентину Григорьевичу щипчики вернул? Вдруг помогу?

— Нет, брат, тут и ты не сможешь... — Участковый загасил окурки о подметку сапога и, как всегда, по своей аккуратной привычке, не имея рядом урны, сунул его в карман. — Племянника у меня, Вова, арестовали. А я не верю! — Андрей Степанович стукнул кулаком по скамейке. — Не верю! И никогда не поверю. Пашка — честный парень. Рос у меня на глазах. Не мог он на такую пакость пойти. Да все против него скрутилось. Как нарочно...

— Дядя Андрей... — осторожно начал Вова. Ему ужас как захотелось узнать, за что арестован племянник Пашка. — Дядя Андрей, а я вот читал: когда человеку тяжело на душе, он ни в коем случае не должен носить это в себе. Это как яд. Только травится не тело, а душа. В общем-то это все надо... выплеснуть. Рассказать кому-ни-

будь — и станет легче. Там еще говорилось: легче всего открываться незнакомым людям. Например, едет человек в поезде — и вдруг рассказывает попутчикам что-нибудь такое. От чего он страдает. Давайте, будто я попутчик. Между прочим, это не какой-нибудь вообще писал, а академик психологии.

— Академик, говоришь? — Чувилин задумался. — А может, и правда полегчает. Вот, слушай. Про ограбление на Некрасова, шесть слышал?

Еще бы Вова не слышал про ограбление на Некрасова, шесть, если о нем протрубили все телеканалы и сообщили все городские газеты. В полседьмого вечера в комнату к бухгалтерше торговой сети «Унион», когда она собиралась запереть в сейф только что принесенную ей дневную выручку, вошел грабитель в маске, поставил пистолет, приказал переложить деньги в его сумку, умыкнул шестьдесят тысяч рублей и был таков. Сумма по теперешним временам не только не фантастическая, а для грабежа даже и скромная, но журналистов возбудила поразительная ловкость преступника, вошедшего в охраняемое здание неизвестно как и исчезнувшего бесследно.

— Ну, так вот. Ограбил кто-то из глухонемых. А навел его, считают, мой племянник. Но не мог он этого сделать! Вся его жизнь у меня на глазах. Честный парень. Простой, работающий. Единственно — ну, не слишком умен. Учеба давалась трудно. После восьмого класса из школы ушел. Сказал: руки прокормят. Тем более отец его, мой старший брат — инвалид труда, на грошовой пенсии. Мать — санитарка. Пашка устроился на фабричку, штамповщиком. Пуговицы, что ли. Ума не надо, знай дави на рычаг. Потом — армия. С армии пришел — ни дня не бездельничал. Устроился грузчиком. Неплохие деньги. Но порвал спину. Он уже усердный: где двое тащат, он один норовит. Врачи сказали: около года тяжести не поднимать. Устроился охранником. В этот самый «Унион». Там со временем хозяин видит: честный, спокойный парень. Сделал его, как сказать... инкассатором. Сбирать и доставлять выручку. Хозяин «Униона» — мужик скупой. Ему бы по всем правилам нанять инкассаторскую машину — суммы же немалые, пара магазинчиков и киоски вдоль проспекта. Но, конечно, и стоит такая услуга порядочно. Вот он и придумал: свой сборщик. Ходит парень, одет неприметно. В руках хозяйственная сумка. Собирает выручку, относит бухгалтерше. Понятно, желателен крепкий парень. Пашка как раз такой. Под два метра ростом, борьбой занимался, еще до армии первый разряд выполнил... В общем, если, не дай бог, нападут — не сробеет. Да и не было ничего. Целых полгода. Собственно, и тут — не на него напали. Он, как всегда, принес, выложил. Она пересчитала. Расписалась

ему, сколько приняла. Он расписался, сколько сдал. И вышел. Ее дело — положить деньги в сейф. Минут через десять—пятнадцать приходит хозяин, объявляет ей, кому за что заплатить. Допустим, наутро сколько-то отнести в банк — это опять Пашка понесет. Что-то берет себе — хозяин, имеет право. Ну, вот, Пашка ушел, а буквально через минуту этот глухонемой. И черт его знает, где до этого был...

— Дядя Андрей, а почему глухонемой?

— А кто же еще? Вошел, молча пистолет направил на женщину, на стол свою сумку поставил и жестом показал: клади сюда. Потом свободной рукой поперек горла провел: не рыпайся, мол, если жить хочешь. Ну, жить все хотят. Между прочим, о чем в газетах не написали — она не все деньги положила. Хозяин вдруг пришел раньше времени. Не был бы растяпой — тут и делу конец. Грабитель-то — маленький, щупленький. А хозяин — здоровенный боров. Только уж больно неповоротливый. Представляешь — открывает дверь, видит картину: спиной к нему шибздик с пистолетом, а бухгалтерша деньги в сумку кладет. Ну, вдарь ему кулаком по башке! Но пока он соображал, что это все значит, грабитель, не дожидаясь, пока ему всю добычу складут, схватил сумку и как рванет мимо хозяина в дверь! Только его и видели. Главное, там на входе охранник стоит. Клянется: не проходил похожий парень ни с улицы, ни обратно. Загадка!

— А в чем же вашего племянника обвиняют?

— Как в чем? Во-первых, грабитель должен был знать, что деньги приносит именно Пашка. Во-вторых — когда. Ну, допустим, мог выследить. Но дальше: должен был знать, что Пашка вскоре уходит, а хозяин приходит вскоре, но не сразу. Да еще: что в это время, кроме бухгалтерши, в комнате никого нет. Получается: либо там надо побывать, да не один раз. Или чтобы кто-то рассказал. Вот следователь и считает: кроме Пашки и бухгалтерши, рассказать некому. Но бухгалтерша — родственница хозяина, он ей доверяет беспредельно. Остается Пашка. Да если бы только это...

Участковый снова в сердцах грохнул кулаком по скамейке:

— Это же надо, чтоб так сошлось! Родственница у нас, оказывается, есть — глухонемая. Мне — седьмая вода на киселе, я о ней и не знал. Пашке — троюродная сестра со стороны матери. И вот, представь, докопались, что есть такая. Более того, имеется у нее приятель близкий, тоже глухонемой. Она-то дома живет, а он — здесь, в общаге. И она к нему ходит. И он, надо же, маленький и щуплый. Короче, Пашка под арестом, и глухонемой тоже. Сестру на допросы таскают. Алиби у них есть, но подозрительное. Будто бы в этот вечер она к своему дружку в общагу пришла и они допоздна были там вместе. Другие глухонемые подтверждают, но веры им мало. У них круговая порука, своего не выдадут никогда. Такие дела, сыщик.

— Дядя Андрей, этот дом по Некрасова, шесть — там вообще-то что?

— Да чего только нет. Бывший заводской дом культуры. Теперь там конторы всякие, офисы. Даже зрительный зал перегородили на кабинеты. Спортзал, правда, остался, разные платные секции. Вот, между прочим: как

раз в это время уходили женщины после занятия. Оздоровительная группа. Как это... шейпинг называется... Всех потом допросили. Ни одна этого глухонемого не видела, ни в маске, ни без маски. Да ведь там четыре этажа. Кто знает, куда убежал. Там на третьем этаже подходящее место обнаружили: незапертое окно в коридоре, а снаружи на стене — пожарная лестница. Правда, и тут выяснили: в это время у окна курильщики из ближайшего офиса собрались — опять-таки никого не видели. Ну, может, они минутой позже собрались: теперь не вычислить.

— А кабинет этой бухгалтерши — он на каком этаже? Не на первом?

— Понял тебя. Да, на первом. Последний по коридору, по фасаду вдоль улицы. То есть не мог ли грабитель просто в окно подглядеть, что там и как? Не мог. Дом, как их называют — «сталинский». Первый этаж — высоченный. Да еще бухгалтерша, чуть стемнеет, занавески задергивает. Чтобы в ее окно заглянуть, лестницу приставлять надо. Можешь себе представить на такой улице, где по вечерам народ валом валит, кто-то поставит лестницу и станет в окно глядеть? Исключено.

Ладно, считай, по теории твоего академика, я выговорился, душу облегчил. Да не облегчил! Перед братом стыдно. Что же, говорит, ты сотрудник милиции и не можешь племянника вызволить. Иди, Шерлок Холмс. Будет что попроще, позову. А тут, сам видишь — тупик...

Улица Некрасова, одна из центральных в городе, по вечерам с приходом сумерек начинала светиться разнообразными огнями. Виднее становились светофоры, лучились фары автомобилей, мягко светились витрины магазинов. На крыше высотки ядовитым малиновым цветом наливалась реклама банка. Зажигались фонари, источая голубоватый свет, делающий лица прохожих таинственными, как у каких-нибудь инопланетян. Над входом в шестизэтажный филиал ЦУМа зигзагом прочерчивалось огненное: «Добро пожаловать!» Филиал располагался как раз напротив здания номер шесть. Петушков прошелся вдоль фасада. Почти все окна были зашторены. Последнее по счету окно тоже на две трети закрывали уютные пестрые занавеси. Подоконник возвышался над головой метра на полтора. Да, не было ни малейшей возможности заглянуть в это окно с улицы. Ни с ближнего тротуара, ни с дальнего.

Вова вошел в бывший дом культуры. Вход в коридор охранял парень в камуфляже.

— Дяденька, у меня мама занимается в спортзале, мне надо ключи от квартиры взять.

Камуфляж изучил его настороженным взглядом.

— Иди. Только не болтайся по зданию. Пять минут — и обратно.

Вова проследовал в конец коридора, приоткрыл последнюю дверь. Женщина за столом что-то писала. Вскинула на него глаза.

— Извините, ошибся. — Он прикрыл дверь. Повернул в поперечный коридор. В торце обнаружился вход в спортзал. Оттуда доносилась ритмичная музыка. Вова вернулся к выходу.

— Спасибо, все в порядке, — сообщил он камуфляжу. Ответа не было.

В ЦУМе покупатели бродили или что-нибудь оценивающе изучали, стоя перед витринами. Или уже что-то покупали. На каждом этаже он подходил к широким окнам. Вернее, к сплошному остеклению. «Сталинский» дом был как на ладони. Но занавеси не позволяли заглянуть в комнату бухгалтерши «Униона» ни со второго этажа, ни со всех последующих, вплоть до шестого. На этом, последнем, торговыми отделами была занята только часть зала, в остальной размещался кафетерий. В этот час здесь был полно посетителей. Почти сплошь это были молодые девушки, явно знакомые между собой. Они уплетали булочки и бутерброды, пили кофе, болтали, переговаривались. Тот, кто оформлял кафетерий, очевидно, очень любил зеркала. Все стены были оклеены овальными зеркалами с написанными на них рекламными фразами. А за спинами раздатчиц поверху стены тянулось сплошное, косо наклоненное зеркало. Здесь Вова тоже подошел к остеклению, выводящему взгляд на улицу и противоположный дом. Отсюда в комнате бухгалтерши можно было вверх занавесей разглядеть полосу пола у противоположной стены. Но не больше.

Откуда же можно было увидеть всю комнату? С крыши? В его доме на крышу можно было попасть в одном из подъездов. Там на пятом этаже к стене был приварен металлический трап, над ним в потолке — люк с замком. А как здесь? Вова прошел через весь зал и очутился на лестничной площадке. Вход на чердак, чтобы выбраться на крышу, мог быть только здесь. Скорее всего, за единственной обнаруженной здесь дверью. Он оглянулся. Люди спускались и поднимались по широкой лестнице, никто не смотрел в его сторону. Он решительно взялся за ручку. Дверь была заперта. Значит, чтобы попасть на чердак, а через него — на крышу, надо иметь какое-то отношение к магазину? Работать здесь или быть близко знакомым с кем-то из работающих?

Он побрел обратно, вспомнил, как участковый сказал: «Тупик». И вынужден был согласиться. Когда снова очутился в кафетерии, оказалось, ему ужасно хочется пить. Вова выгреб из кармана мелочь: было на полстакана сока. Со стаканом, в котором приятно светился апельсиновый сок, он огляделся, куда бы встать. Почти все столики были заняты. Лишь один оставался свободным, да и понятно, почему: его задвинули в угол между прилавком и стеной. Компанией, как стояли девушки за другими столиками, здесь не разместиться. Вова встал за этот свободный столик. Потихоньку отпивал сок и пытался думать. Но ничего не получалось. Рассеянно глядя перед собой, он снова и снова повторял сказанное дядей Андреем: «Тупик».

Внезапно он увидел... Что за чудеса?!

Прямо перед ним, в круто наклоненном зеркале, украшающем заднюю стену кафетерия, далеко-далеко, но вполне четко отражалась — через промежуток между занавесями и рамой окна — почти вся комната. Бухгалтерша сидела за столом. Она была видна со спины. Руки ее пересчитывали пачки купюр. Возле дверей

стояли трое: два крепких парня в спортивных костюмах и толстый дядька. Видимо, вместо арестованного Пашки выручку на всякий случай начали собирать двое. Толстый дядька, несомненно, был хозяином «Униона» — решил приходить непосредственно к появлению сборщиков.

Вова сделал шаг в сторону — картинка исчезла. Зеркало отразило стену «сталинского» дома. Да, с этого места и больше ниоткуда можно было ежевечерне наблюдать передачу выручки. Сначала увидеть случайно. Потом заинтересоваться. Потом начать следить постоянно. И убедиться, что перед приходом хозяина после ухода сборщика есть, по крайней мере, десять минут...

Что-то шваркнуло его по ногам, и раздался окрик:

— Ну-ка, подвинься!

Оказывается, в зале возникла уборщица, протиравшая пол тяжелой мокрой тряпкой.

Вова послушно отошел, дождался, пока она протрет под столом квадратики пластикового покрытия.

— Тетя, вы давно тут работаете?

Уборщица с покрасневшим от напряжения лицом отжала тряпку в ведро:

— А тебе что? Ну, с год уже.

— А вы каждый день убираетесь?

— А вы мало грязи носите? Каждый день, с утра и до вечера. Чем спрашивать, ноги бы вытирали с улицы, мне бы меньше работы было.

— Тетенька, раз вы тут каждый день, может, запомнили. Я сестру ищу. Ушла из дому, папа с мамой переживают. А недавно нам сказали, будто ее здесь видели. Будто по вечерам, вот в это время, приходит тут перекусить.

— Тут их, сам видишь, сколько. Это все из швейного училища девчонки. Как кончили занятия, идут сюда. Тут подешевле. Это у них ужин такой, у дурех. Все равно ведь дорого. Нет чтоб у себя в общежитии наварить картошки, да с хлебцем, да с капусткой, да с луком. Нет, кофий им с булками подавай. Только родительские деньги транжирят. Как я могу твою сестру запомнить? Может, бывает тут, может, не бывает.

— Она вот за этим столиком, где я, всегда стояла.

— Откуда ты знаешь, что за этим?

— Один папин знакомый сказал. Узнал ее. Раз видел, другой. Он не знал, что мы ее дома потеряли. А когда узнал, и говорит: вот тут не раз ее видел вечером, и всегда за этим столиком.

Уборщица застыла с тряпкой наперевес — заинтересовалась:

— А какая из себя?

— Ну... Невысокая, худенькая. Стрижка короткая, как у пацана.

Уборщица задумалась...

— Знаешь, да. Я ее как запомнила? Стоит, устывает перед собой, ничего не видит и не слышит. Я ей уж тряпкой по ногам вожу: «Девушка, отойди!» Отойдет, но не сразу. А будто проснется. Да, худенькая, стрижена под мальчишку. Нос у нее... Извини, сосулькой. Вы, видимо, с ней не похожи?

— Не похожи, — подтвердил Вова.

— Да, не красавица. Что же она сбежала? Обижали, небось?

— Нет, что вы. Пальцем ее никто не трогал.

— Да, они теперь по своеволию убегают, своей жизнью жить хотят. Знаешь, что-то я ее уж неделю как не вижу. Да ты девушек поспрашивай, они же всегда вместе приходили. Она, скорее всего, в этом швейном и учится.

— Спасибо вам большое, — поблагодарил Вова. — Как здорово, что вы ее вспомнили. Мы ведь думали, она из города уехала. И вообще, жива ли. А она, оказывается, здесь. В швейное поступила. Да, шить она любит. Я, чем тут спрашивать, пойду завтра в училище и там ее найду.

— Лучше не ты. Пусть отец ходит. Она, может, и сама уж не рада, что сбежала. Да боится: вернется — отец жару задаст. А может, все-таки обижали ее? Вид у нее был больно несчастный. Остальные, видишь — хотушки, бойкие, стайками стоят. А она всегда одна за этим столиком. И одета очень уж бедно. На ногах кеды раздолбанные. Джинсы заношенные, понизу в бахроме. Ее с соседних столиков, бывает, окликнут: «Ленка, иди к нам!» Не ошибаюсь — Леной ее зовут?

— Леной, — подтвердил Вова.

— Вот. Она только головой мотнет: отстаньте. Видать, сильно переживала, что из дому убегла...

К швейному училищу Вова пришел к шести вечера. У входа, в чашке скверике, украшенном облупившейся гипсовой скульптурой то ли оленя, то ли козы, он присел на скамью, замерев, как охотник, подстерегающий дичь.

Вскоре из недр училищного здания донесся глухой продолжительный звонок: конец занятий. А еще через пару минут натруженные подпружиненные двери начали непрестанно хлопать, выпуская на улицу группки девушек. Пожалуй, правильнее было назвать их девчонками: на вид лет пятнадцати-шестнадцати, не старше. Вова внимательно разглядывал каждую, но различить ту, ради которой пришел, не получалось. Девчонки шли мимо него, перебрасываясь шуточками и грубоватыми словечками. В длинных юбках и в коротких, в пестрых кофточках и в куртках. В брюках. В модных туфельках и в ботинках на толстой подошве. В кедах. Симпатичные и не очень. Курносые, и горбоносые, и со всякими другими носами, для обозначения которых в словарном запасе Владимира Петушкова слов не находилось. С разными прическами. Но: худенькая, с короткой стрижкой, нос сосулькой и ношенные кеды — ни у одной не совпадало. Он и упустил бы ее, если бы не услышал, как крупная, высокая, густо нарумяненная девушка крикнула:

— Ленка? Ты куда опять? Чо перестала с нами ходить? Денег нет? А как же комнату сняла? У, хитрюга! Ладно, идем, я угощаю. — Ее уральское «чо» было сочным, можно сказать, вкусно причмокивающим. — Ну, ты чо?!

И только теперь Вова углядел эту Ленку. Трудно было представить себе более невзрачное существо.

Некрасивая, худенькая, коротко стриженная. Обтерханная курточка, темные брючки, раздолбанные, как метко вспомнила уборщица в ЦУМе, кеды. Ни дать ни взять, пацан, старше Вовы года на два. Окликнутая нарумяненной подружкой, она остановилась. Вроде бы собралась что-то сказать. Но только махнула: мол, пока. И зашагала, отделившись от девчоночьей стайки.

Выждав, Вова устремился следом. Они пересекли улицу Некрасова, свернули на Первомайскую, прошли три квартала, миновали переулочек и оказались на Главном проспекте, перед «Центральным» гастрономом. Лена вошла в магазин. Вова, пропустив перед собой несколько человек, проследовал за ней дальше. Она прошла в кафетерий. К раздатчице скопилась небольшая очередь. Вова выждал снова — пока за Леной не заняли пятеро. В кафетерии играла музыка, не очень громкая. Все же, что Лена заказывала, слышно не было. Но, разумеется, было видно. Ого! Ей выложили на кратонках-подложках две горячие сосиски, политые кетчупом, большой кусок торта и бутерброд с красной икрой. Затем появилась чашка кофе. Все? Не все! Раздатчица наклонилась к бутылке и налила в граненый стакан до половины темно-золотистую жидкость.

Лена перенесла заказ к отдаленному столику. Жадно глотнула из стакана и с наслаждением закусила бутербродом. Вова вышел из очереди, подошел посмотреть на лист меню. Две сосиски — двадцать рублей, кусок торта — двенадцать, бутерброд с икрой — двадцать один, сто граммов коньяка — восемьдесят. Итого — сто тридцать три рубля. Довольно странный ужин для девчонки в обшарпанной курточке и раздолбанных кедах.

Ела Лена торопливо и жадно. Иногда поднимала глаза и зыркала по сторонам. На сыщика Петушкова внимания не обратила. Закончила, утерла рот, вышла. Неподалеку от гастронома тянулся длинный сквер. Улица была ярко освещена, а в сквере фонари почему-то не горели. Он был пустынен. Только в дальнем конце сидели на спинке скамьи, пили пиво из горлышек и громко переговаривались несколько парней. Лена присела на ближнюю от входа скамью, достала сигарету и закурила. Курила она, сразу было видно, давно: глубоко затянулась и с силой выдохнула длинную струю дыма.

Вова медлил. «Прежде чем подойти к незнакомому человеку для важного разговора, решил с чего начнешь», — вспомнил он совет из брошюры «Тайны человеческого общения», которую однажды нашел на книжных полках. Его застенчивый папа явно приобрел ее в расчете на то, что постигнет, наконец, эти тайны, которые трудно давались ему всю жизнь.

Вова подошел к скамейке. Девчонка посмотрела вполне недружелюбно:

— Тебе чего, пацан?

Смешно, она сама воспринималась пацаном — ну, разве на пару лет старше.

— На сто с лишним рублей ужинаешь, — сказал Вова, — а новые кеды купить боишься.

Девчонка замерла, не донесла до рта сигареты.

— А могла бы и вся прибарахлиться, — храбро продолжил Вова. — Шестьдесят тысяч. Ни фиги себе!

— Ты... Ты кто такой? — Она встала, выронила сигарету. — Большой, что ли? Ты о чем? Какие шестьдесят тысяч?

— Видишь, Лена, какое дело. Из-за тебя хороший парень арестован. Считают, он взял. А это — ты. Ведь ты?

Она резко повернулась и зашагала прочь из сквера. Но не успел Вова решить, что ему делать, как она вернулась, села на прежнее место, достала сигарету, закурила. Руки у нее дрожали, и она только с третьего раза высекла огонь из зажигалки.

— Ненавижу! — произнесла она. — Ненавижу их!

— Кого?

— Всех! Кто эту жизнь устроил! Всех сволочей! Их не грабить, их убивать надо! Убивать! — Она швырнула и эту сигарету и вдруг крепко ухватила Вову за ворот курточки. — Ты как узнал? Как узнал, говори?!

— Отпусти хоть, — прохрипел полузадушенный Вова Петушков. — Я тебя, между прочим, выдавать не собираюсь. Мне главное, чтобы парня отпустили. Пойми: из-за тебя честный человек в тюрьму пойдет. Лет двадцать дадут, не меньше.

Полностью она его не отпустила, но руку ослабила. Лицо ее было близко-близко. Глаза злые. Напрасно он снисходительно определил ее похожей на мальчишку чуть старше себя. Злые взрослые глаза. Когда она говорила, от нее исходил слабый, но внятный запах спиртного.

— С ума сойти. Какой-то пацан. И все знает. Или ты не пацан? Карлик?

— Лена... Да отпусти же...

Она освободила его окончательно.

— Давай, сядем, — миролюбиво предложил Вова.

Они присели на скамью. Рядышком. Вова скосил глаза: ему увиделось, что все ее худенькое тело подрагивало. И даже услышалось биение ее сердца.

— Тебе шестнадцать лет есть?

— Нет. Зимой исполнится. Если исполнится.

— То есть?

— Если до зимы не содохну.

И снова этим резким словом она показала себя куда более взрослой, чем он оценил поначалу.

— С чего бы ты... — немного растеряно произнес Петушков. — Ты уж... С чего бы тебе помереть? Вот слушай. Если добровольно придешь, тебе, может, вообще ничего не будет. А деньги... Все равно ведь — тратить по-крупному боишься. Ведь боишься? Что девчонки скажут? Я услышал, ты из общежития ушла. Комнату, наверное, сняла?

— Ну, ты и пацан премудрый. Обо всем догадываешься. И откуда такой взялся? Сняла. Деньги держу там. Не в общежитии же, где любая из любопытства обшмонает.

— А сколько уже потратила.

— Две тыщи. Или три.

— А можно спросить: ты откуда в город приехала?

— Ниоткуда. Здешняя. Я детдомовская. Мне к шестнадцати жилью обязаны дать. Только хрен дадут. Вот скажи: почему одним все, другим — ничего? Недавно

иду через улицу, нормально, как культурная — на зеленый. Хорошо, оглянулась. Иномарка прет внаглую, на красный, чуть не по пяткам не. А за рулем — девчонка, ненамного меня старше. Откуда у нее иномарка? Или отец вор, или уже любовник есть, ворюга.

— Ну, может, бизнесмен.

— А кто они, бизнесмены? Жулье они все, воры! Они воруют, а мне нельзя? А ты их защищаешь? У тебя кто папа-мама? Тоже, небось, торгаши?

— Нет. В институтах преподают.

— А! В институтах. Тоже бедные. Хотя, я слышала, в институтах взятки вовсю берут. А у нас в училище Семен Григорьевич, старик уже, ему, наверное, уже лет пятьдесят. Лучший наш препод. И что он себе заработал на старости лет? Костюмчик перелицованный, рубаха-ковбойка, из ботинка палец торчит. Девчонки ему сшили красивую модную рубашку, а он отказался взять: нельзя, из учебного материала. Такой благородный. Ну и нищий, раз благородный. Хотя умнее этих богатеньких в сто раз. Это справедливо?

Ничего не ответил Вова на эту страстную речь. Подождет, пока она успокоится.

— Лена... Говоришь: тысячи три потратила. Значит, пятьдесят семь у тебя еще осталось.

Она ухмыльнулась:

— Вот тут ты не в курсе. Это в газетах написали: шестьдесят. А их всего сорок восемь. Двенадцать, видать, эта бухгалтерша заныкала. Говорю же тебе: они все жулье. Подонки... Тебя как зовут?

— Вова.

— Вова-корова. Ну, ты прямо... Как этот сыщик знаменитый, как его, кино еще по телеку показывают...

— Шерлок Холмс.

— Ага. Ну, расскажи, как меня раскрыл. Не бойся, не убью. Нечем. Пистолет игрушечный был. Да и не умею. Грabanуть — да, смогла. Захотела и смогла.

Вова рассказал. Помолчали.

— Какой ты умный, — без иронии, с уважением сказала Лена. — Если ты такой умный, скажи: что мне теперь делать?

— Делать я тебе предлагаю вот что...

Лена выслушала Вовкино предложение. Закурила.

— Говоришь, какой-то парень арестован. А с чего?

Вова объяснил — с чего. Рассказал про участкового и его племянника.

— Что ж, — сказала Лена. — Ты прав. Сегодня уже поздно. Завтра пойду. Но ты пока своему участковому ничего не рассказывай. Даешь слово?

— Даю.

Они встали.

— Шерлок Холмс... — Она вдруг потрепала Вовку по волосам. — Хорошо вам, домашним. У папы с мамочкой на всем готовом. Развлекаетесь, кто как. В сыщиков играете. Ладно, Вова. Завтра отнесу. Но сегодня еще потрачу. Еще пойду, рюмашку-другую приму. Пока!

Она, не оборачиваясь, зашагала к выходу из сквера. А по пути с размаху пнула валявшуюся банку из-под пива. Банка, звякнув, улетела в кусты.

Следующим вечером Вова пришел к Чувилину.

— Андрей Степаныч... В общем, я ее нашел. Сегодня утром она должна была прийти в городскую милицию. Как это у вас называется... Явка с повинной, да? Если не обманула. Но не должна бы. А племянника вашего должны выпустить.

— Не понял. Кого ты нашел? Ты тут вообще при чем?

— Как при чем? — обиделся Вова. — Говорю же: я ее нашел и уговорил, чтобы деньги вернула.

— погоди. Ты имеешь в виду девчонку, которая деньги передала? Так она ведь не сказала, от кого. Кто грабил, все равно неизвестно.

— Она и грабила. Кто же еще?

— Что-то мы с тобой, брат, друг друга не понимаем. Пашка, к сожалению, все еще под арестом. А утром — да, сообщил мне знакомый из горотдела. Подошла ко входу какая-то замухрышка, протянула постовому сумку: «Вам просили передать». И — деру. В сумке — сорок пять тысяч и записка: «Возвращаю взятое на Некрасова. Три тысячи потрачены. Возможности вернуть не имею».

— Значит, вернула, но убежала... Эх, дурочка! — вырвалось у Вовы. — А я ей сказал: если вернет, ничего ей не будет. Ей еще шестнадцати нет. Не поверила.

— Так... — Чувилин закурил сигарету. Вова с привычным раздражением подумал: «Зачем Андрей Степаныч, или эта девчонка Лена, и многие другие — зачем они, когда надо над чем-то задуматься, зажигают вонючую палочку и сосут из нее дым?»

— Так... Ну, маленький наш сыщик, рассказывай.

— Дядя Андрей, грабил не глухонемой, а она. Она детдомовская. Учится в швейном училище. Живет... жила на стипендию. А у девушек там обычай: вечером после занятий идти пить кофе на шестой этаже ЦУМа. Филиала, который как раз напротив Некрасова, шесть. В других местах еще дороже. Но и там недешево. Но у других девчонок деньги от родителей. А у нее только стипендия. Ей, видимо, стыдно было показывать свою бедность. Брала самое дешевое: кофе, булочку, отходила от остальных. Там в углу столик. Помещается только один человек. Туда она и вставала. А напротив, по верху стены — зеркало косо поставлено. И вот она каждый вечер там стоит. Может, сначала и не смотрит в это зеркало. Но однажды совпало: взглянула — и что же видит? Далеко, но четко: какая-то комната. Женщина за столом. Входит парень, вываливает из сумки кучу денег. Женщина пересчитывает. Что-то они там подписывают. Парень уходит. Минут через десять приходит какой-то дядька. Часть денег берет, остальное женщина укладывает в сейф. Я думаю, у нее не сразу родилась эта мысль — грабануть. Но она — детдомовская, нищая. Считает, все вокруг — воры. Особенно предприниматели, торговцы...

— Мысль понятная, — вставил участковый. — Довольно естественная мысль.

— Ну, вот. Она мне так и сказала: они воруют, тогда и я имею право. У них. Ну, а дальше она, конечно, смелая девчонка. Взяла да и пошла. И взяла.

— Стоп! Он же глухонемой был — знаками с бухгалтершей объяснялся. Как ты допер, что девчонка?

— Дядя Андрей, вы же сказали: вошел хозяин, грабитель тут же схватил сумку и рванул из комнаты. Разве глухонемой услышал бы, что у него за спиной дверь открылась? А она, между прочим, скрипит, и довольно громко, я проверил. Значит, грабитель был — с нормальным слухом. Тогда спрашивается, почему молчал? А чтобы голосом не открыться, что он — девчонка. Тем более, вы тоже сказали: маленький, щупленький. Значит, не страшный. Был бы парень, он, наоборот, обязательно пригрозил бы: «Клади деньги в сумку, если жить хочешь! Считаю до трех — стреляю!»

— Начитался детективов, — с сомнением прокомментировал Чувилин.

— А что, думаете, промолчал бы?

— Да нет, пожалуй, рассуждаешь правильно. Но другая загадка: куда же она делась?

— Опять же — вы рассказали: в это время из спортзала выходили женщины. А как они выглядят? Почти все, как она, в брюках. В руках сумки со сменной одеждой и обувью. Она, конечно, не ожидала, что хозяин раньше времени заявится. Выскочила, полетела по коридору куда глаза глядят. А тут эти женщины навстречу. Ну, она, понятно, шапку-маску до этого сдернула. Пристроилась среди женщин: тоже в брюках, тоже с сумкой — и спокойно вышла.

— А как пришла?

— Да так же. Если охранник и спросил — куда, сказала: в спортзал, опоздала на занятие. Уверен, если его спросить — он ее вспомнит.

— Ладно, а пистолет? Откуда у такой пигалицы?

— Купила игрушечный. Теперь такие выпускают — от настоящего не отличишь.

— Да. Я бы запретил. Ну, и последнее. Как ты ее нашел?

— Как нашел? — Вова с нескрываемой гордостью рассказал о разговоре с уборщицей. — А назавтра встретил ее возле училища, проследил и в подходящий момент заговорил.

— Силен, сыщик, силен, — уважительно произнес Чувилин и надолго замолчал.

— Что деньги вернула — это, конечно... Спасибо ей, — наконец заговорил он. — И тебе, что нашел и уговорил. Но сбежала... Сейчас Пашке начнут шить, что он не с глухонемым через сестру был знаком, а с этой Леной. Где ее теперь искать? Ищи-свищи — велика Россия.

— Дядя Андрей, а ее правда не посадили бы?

И опять довольно долго не отвечал участковый.

— Что Пашку, если бы она сдалась, выпустили — наверняка. А простили бы ее? Смотря какой судья попался бы. Смотря какой судья...

Тут надолго замолк Вова. Потом спросил:

— Я ведь ей сказал: я тебя не выдам. Иди, сдавайся, ничего тебе не будет. Значит, она правильно сбежала? Могли бы и посадить? Разве это было бы справедливо?

— Не все у нас справедливо, — отозвался участковый и засмолил еще одну вонючую сигарету. — Не все, Вова. Не все...

Налобные фонари специального назначения

Сама идея налобного фонаря сегодня кажется такой очевидной.

Однако в 1972 году, когда Петцль придумал первый налобный фонарь, мысль прикрепить лампу и батарейный отсек к голове на головной ремень была очень новой: при освобожденных руках можно было выполнить любые действия благодаря тому, что луч света оставался направленным туда, куда смотрел владелец фонаря. С тех пор налобные фонари стали важным фактором обеспечения безопасности и эффективности работы.

Сегодня такие фонари удовлетворяют требованиям разнообразных ситуаций: от экстремальных (это спелеология, альпинизм и прочее) и до повседневных нужд.

На иллюстрации вы можете видеть каску для спелеологии: каска ELIOS с налобным фонарем DUO LED 14.

Спелеокаска, оборудованная налобным электрическим фонарем гибридного типа (галогеновая лампа и 14 светодиодов с 3 регулируемыми уровнями освещения).

- Электроосвещение: простота использования.
- Каска удобна для ношения: имеет малый вес (505 г), и вентиляцию.
- Прочность: внутренняя оболочка из вспененного пропилена (для поглощения ударов). Изготовленная методом литья в форму поликарбонатная оболочка противостоит царапанию и ударам.
- Простая и эффективная регулировка: одна-единственная точка регулировки головного ремня (на затылке), подбородочным ремнем регулируется переднезаднее положение.
- Работает на 4 батарейках.

Налобный фонарь осветит любой путь, по которому вы идете.

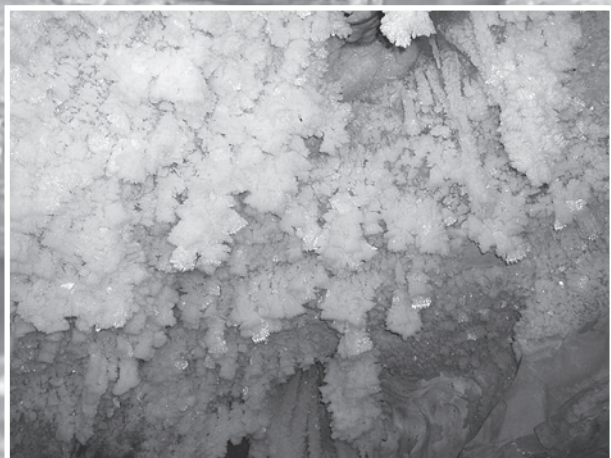
ПЕЩЕРА «ДРУЖБА»

фото Яны ВОРОНИНОЙ

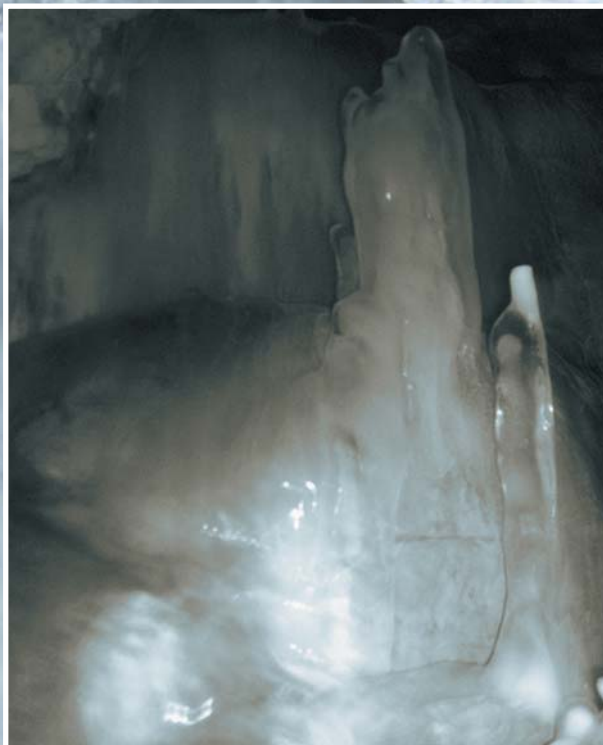
Пещеры – тоже памятники природы. Их создатели – вода и движение земной коры. На Урале масса пещер и больших и малых, от неглубоких выветренных и вымытых ручьями пустот в скалистом массиве до огромных, тянущихся на десятки километров подземных ходов, залов и галерей, зачастую необследованных, опасных и обвалившихся.

Одна из самых интересных пещер в окрестностях п. Бажуково в Нижнесергинском районе – большая сталактитовая пещера «Дружба».

Тоннели и проходы, колодцы и провалы соединяют и связывают этот лабиринт гротов. В лучах фонарей блестят ледяные узоры, вспыхивают кристаллы. И в каждом гроте свои чудеса. Сталактиты и сталагмиты образуют то зубчатый забор, то занавесь, тонкую, колышущуюся и словно бы звенящую хрустальным звоном. Иногда кажется, вот-вот рухнет тяжелый свод, так низко и грозно висят стонные плиты. Однако пещеры издавна служили людям надежным укрытием от зимнего холода, хищных зверей, дождей и ветров.

О.ЩЕТИНИН, Ю.ПЕТРОВ

На Парнук за «стрелами Амура»

Уральская кладовая

РЕКА ВРЕМЕНИ

В кристаллах кварца часто встречаются включения самых различных минералов. Нередко они имеют игольчатую форму и незначительные размеры. Эти тонкие нитевидные кристаллы своим видом напоминают волосы. Волосатиком называют прозрачный кварц или кристалл хрусталя с включениями тончайших игольчатых золотистого или красного рутила, турмалина, зеленого эпидота и других минералов. А еще «Волосами Венеры», «Стрелами Амура»...

Уральские горщики-крестьяне называли кристаллы горного хрусталя с хорошо видимыми включениями «глотышами», полагая, что наиболее крупный кристалл заглотил, подобно рыбе, своего меньшего собрата. Проще всего происхождение волосатиков объясняли древние римляне: богиня любви Венера во время купания потеряла прядь своих волос. Вода вместе с волосами застыла, превратившись в чистый, прозрачный лед, который, в свою очередь, окаменел. Желтоватые кристаллы кварца, пронизанные пучками золотистых волос рутила, — мечта любого ценителя камня. Цены на волосатики на зарубежных рынках достигают до 100 долларов за карат.

В геологическом музее Уральского государственного горного университета (УГГУ) хранится прекрасное собрание волосатиков — лучшее из всех, когда-либо собранных на Урале. Оно насчитывает около 500 образцов. Украшением коллекции служит огромная друза кварца-волосатика размером 83х45 сантиметров, в которой около 100 кристаллов дымчатого хрусталя, и почти все они пронизаны тонкими золотистыми кристаллами рутила. Найдена эта замечательная друза членами клуба любителей камня при УГГУ В.А.Сердюком и А.Б.Гринкевичем на Приполярном Урале на плато Парнук в 1985 году.

Высокогорное плато Парнук расположено на Приполярном Урале, на границе Европы и Азии, на водоразделе европейской реки Косью, впадающей в Печору, и азиатской реки Маньи, относящейся к бассейну Оби. Высота плато почти 1500 метров над уровнем моря. Оно покрыто крупными глыбами камней, между которыми встречаются участки мха. В 40–70-х гг. прошлого столетия на Парнуке велись геологоразведоч-

ные работы на кварцевое сырье. Оказалось, что в этом кварце много включений рутила. Такое сырье — великолепный материал для коллекционеров и ювелиров, но для промышленности эта примесь нежелательна.

Кто хоть раз побывал на плато Парнук, тот навсегда запомнит тот удивительный пейзаж, который открывается с него. Кругом возвышаются скалистые вершины с пятнами снежников. На север и на юг уходят крутые гребни водораздельного хребта. На северо-западе видна во всей своей красе зазубренная вершина Манараги. Плато покрыто сетью старых геологоразведочных канав, оставшихся от прошлых десятилетий. В их отвалах находят великолепные кристаллы и друзы волосатиков.

Сложно попасть на Парнук. Обычно туда добились так: летели самолетом до поселка Саранпуль, там нанимали моторную лодку и поднимались на ней по реке Манье — как можно выше по течению. Затем 3–4 дня шли пешком через тайгу и болота, часто без тропы, переходя вброд горные речушки, которые в непогоду вздувались и могли стать непреодолимым препятствием. Днем и ночью донимали комары и мошка. В последний день пути следовал затяжной подъем на плато среди снежников и осыпей камней. Вес рюкзака составлял около 35 килограммов — в нем продукты на 10–15 дней, палатка, спальник и еще много того, что нужно в походе. В день проходили 15–20 километров. Бывало и так, что, поднявшись на плато, обнаруживали: снег с зимы не растаял или выпал новый, земля мерзлая. Приходилось поворачивать назад и довольствоваться панорамой, что открывается с Парнука.

Летом 1985 года группа туристов из Клуба любителей камня при УГГУ в составе 8 человек отправилась на

Парнук в поисках волосатиков. Группой руководил А.Б. Гринкевич. С самого начала туристам повезло — на плато их забросил попутный вертолет. На следующий день после прибытия на Парнук занялись поиском волосатиков. Сначала это был свободный поиск — просматривали обмытые дождем отвалы старых разведочных канав. Затем сориентировались, где надо копать, и стали работать группой. Когда убрали большие плиты камня, то поняли, что вышли на занорыш — стали попадаться отдельные кристаллы чистого кварца и волосатика, но мерзлота сильно мешала.

По всему плато начали собирать дрова, оставленные геологами в прежние годы, развели костер, чтобы отогревать землю. На глубине 1,5 м вышли на плиту и стали копать под ней. Когда немного углубились, то увидели, что нижняя сторона плиты вся в кристаллах. С большой осторожностью откололи кусок плиты с кристаллами, повернули кристаллами вверх и... увидели красивую друзу волосатиков. Вчетвером отнесли друзу в сторону и спрятали ее. Из-за резко ухудшившейся погоды тогда не удалось спустить друзу вниз к тропе.

Через два года в конце июля А.Г. Гринкевич снова отправился на Парнук в составе группы любителей камня. Конечно, основной целью были поиски волосатиков, но в случае хорошей погоды планировали спустить друзу с плато на вертолетную площадку возле тропы. С погодой повезло, да еще на Парнуке оказалась группа любителей камня из Перми, которые согласились помочь. Из старых досок сколотили носилки, положили на них друзу, привязали ее и начали спуск. Несли носилки по четыре человека, менялись каждые 15 минут. Сначала шли по плато, тропы там не было, и дорогу пришлось выбирать между огромных глыб. Потом вышли на тропу, которая серпантином в 18 петель спускалась вниз. Здесь особенно тяжело приходилось передним, так как почти весь груз приходился на них, мешали также осыпи скользкого сланца, что в некоторых местах пересекали тропу.

К концу дня друза была на вертолетной площадке. На следующий день ждали вертолет, но за ночь погода испортилась — в горах выпал снег, повис плотной пеленой туман, только на севере была видна ярко освещенная солнцем безымянная снежная вершина. Днем услышали из-за облаков гул вертолета. Он сделал несколько кругов, но садиться в этих условиях, конечно, не стал. Тогда друзу спрятали в камнях и стали готовиться к выходу на базу Вангыр. На следующий день в сплошном тумане перевалили к реке Вангыр и вышли к геологам. Очередной этап этим и закончился.

Третий этап начался в сентябре следующего — 1988 года, когда В.А. Сердюк и Г.А. Корендясев — тогда главный инженер производственного объединения

«Уралкварцсамоцветы» — снова отправились на Парнук. В Березово им удалось уговорить вертолетчиков, и, не залетая в Саранпауль, они полетели на Парнук. Погода стояла изумительная — небо было безоблачное, и вертолет без труда сел на площадку, где ждала друза волосатиков. Ее быстро нашли, погрузили на вертолет, — и в обратный путь. В Березово на аэродроме их уже ждала подвода, на которой друзу подвезли до реки и погрузили на катер. По реке водным путем она доехала до Нягани, а оттуда по железной дороге — до Екатеринбурга.

Доставленная в Екатеринбург друза некоторое время лежала на складе объединения «Уралкварцсамоцветы». Профессор УГГУ Э.Ф. Емлин случайно увидел ее, понял уникальность образца и предложил передать друзу Уральскому геологическому музею УГГУ. Так находка после долгого путешествия наконец попала в музей, где находится и поныне. Реставрацию уникального экспоната и подготовку для экспозиции провел нынешний директор Уральского геологического музея Ф.М. Нурмухаметов. Назовем фамилии еще двух людей, которые на разных этапах оказали неоценимую помощь — это В.И. Радько и Г.Г. Шибельбайн.

Есть коллекционеры, которые собирают камни с историей, т.е. те, путь которых так или иначе зафиксирован. Герой нашего очерка сравнительно молод, но сколько имен и событий оказались связанными с ним! Возникает вопрос: пройдя через столько рук, как он уцелел? Ведь это были бурные 90-е годы. На наш взгляд, причина в том, что от начала и до конца его судьба была связана с горняками, геологами, которые привыкли работать в суровых условиях командой, людьми, прямыми надежными и честными. И ни у кого из них не появилась мысль взять и отбить пару кристаллов волосатика от друзы, хотя возможностей для этого было предостаточно. Это стало бы равносильно тому, что бросить товарища одного в тайге. Помните слова из студенческой песни «Глобус»? «Тот, кто был в экспедиции, тот поет этот гимн, и его по традиции мы считаем своим». А своих не предают.

Андрей РАСТОРГУЕВ

* * *

Тонка в моих ладонях, словно свечка,
огнем неуловимым горяча,
ты, как звезда, гореть не можешь вечно,
хоть и звезда не вечна, как свеча.

Но даже на ином краю планеты
сиянию безоблачного дня
не перебить мерцающего света,
что издали доходит до меня.

И вдалеке, тебя не осязая,
желаю, чтоб веки не рвалась
меж нами неземная, световая –
воистину космическая связь.

* * *

У всего изъян да червоточина:
у дороги – пыльная обочина,
да изнанка у любой истории,
да обманка у любой теории.

Черевата скупость переплатую,
а находка легкая – утратую,
встреча долгожданная – разлукою
да вагонной тягостною скукою.

Полное единство – обезличкою,
долгое супружество – привычкою,
радость – беспричинною кручиною,
жизнь – неотвратимую кончиною.

Но, дорожной пылью припорошено,
светит уходящее из прошлого,
и, ей-богу, для такого отсвета
стоит жизни нахлебаться досыта.

Посадка в Шереметьево

Самолет, точно белый матерый медведь,
к полынье приникает, дыханье тая.
Но под небом ничто достоверно и впредь,
и тотчас полынья замыкает края.

И – как будто домой по озерному льду
баснословного тащит рыбак судака.
И волочатся перья, и хвост на ходу
снеговые выглаживает облака.

А вдали – берега. А вблизи – острова.
Но тяжелую рыбину клонит ко сну:
облака обволакивают слова,
и тягучие капли скользят по окну.

Протекли. Проступили. Спокойна вода,
и недвижим волнистыми гребнями ил.
А под ним – времена, имена, города,
человеческий прах, человеческий пыл...

Приземляется борт. Приближается трап.
Оглушенная рыбина мечет икру.
И автобус, как изголодавшийся краб,
дожидается нас на холодном ветру.

* * *

Не склонен к пустому веселью,
интеллектуальный такой,
весь Питер читает Коэлью –
он знает, кто это такой.

Глазами скользнув по рекламе,
разгладив заранее лоб,
в метро достает Мураками
и тоже читает взахлеб...

АВТОР

Андрей Расторгуев – поэт, член Союза писателей России, лауреат Государственной премии Республики Коми. Родился в 1964 г. в Магнитогорске, окончил Уральский университет и Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. С 1986 г. по 2005 г. жил в Сыктывкаре, сегодня – в Екатеринбурге. Первая публикация в «Уральском следопыте» вышла в 1980 г. Публиковался в журналах «Наш современник», «Север», «Урал», «Южная звезда», «Простор». Переводчик стихов финно-угорских поэтов. В октябре 2006 г. вышла в свет пятая книга его стихов – «Дом из неба и воды».

И все-таки русское слово
в народной живет глубине –
в троллейбусах Дарья Донцова
с Коэльей идет наравне.

* * *

На ступенях пушкинского дома
я сию. Июльская истома
разлита над Соротью. Вода,
льющемуся времени согласна,
движется вседенно и всечасно,
размыкая наши невода.
Тишина в Михайловской селитьбе –
уловить ее да утолить бы
жажду постоянства навсегда.
Но вода течет неумолимо,
тишина опять неуловима.
Истая душа неуголима,
сущая на долгие года
на ступенях пушкинского дома...

* * *

Над Катеринбургом – птичий клин.
Мало ли на свете Катерин,
а под коромыслами рябин
город с этим именем один.

Но десятилетия пока
Маши здесь не сходят с языка –
то не от Марий или Марин,
а от металлических машин.

Но железо мне по бороде –
я живу в Мельковской слободе.
Баяли намедни мужики:
то не от муки, а от реки.

Ничего, что мелкая была –
говорят, по золоту текла.
И поныне тянется к пруду –
жалко только, спрятана в трубу.

А то я бы золота намыл,
теще Катерине подарил –
при народе да средь бела дня.
Теща золотая у меня!

В Михайловском мы пили молоко...

Оставь друзей, тропкою выйди в поле,
где бродит конь по вымокшей траве,
и улови предощущенье воли,
разлитое в небесной синеве.
Минуй дома – крестьянские, живые,
заборы, огороды, тополя...
И следом – валуны сторожевые,
святая, заповедная земля.

Там лес и дол полны свободной речи,
прозрачные озера глубоки,
и на полянах расправляют плечи
тугие лукоморские дубки
и впитывают грудью без опаски
на многие столетия вперед
стихи и удивительные сказки –
все, чем народ отчаянный живет.

II

«И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит...»

В Михайловском мы пили молоко
и никого не хаяли при этом –
кто хоть с одним якшается поэтом,
уверует в такое нелегко...

Доили мы и бешеных коров.
Но и опять – неповторимый случай –
на дюжину собратии писучей
хватило поллитровки будь здоров...
А вот июньской ночи было мало.
Густой туман клубился варенцом,
над Савкиной горой и Маленцом
луна осоловелая вставала
и плялилась на наше торжество,
как будто вопрошаючи: с чего?
И ничего мы ей не объясняли,
лишь за кормильца стопки подымали
с хранителями памяти его...

И что бы ни творили со страной,
жива его поэзия в народе,
пока еще поэты под луной
в Михайловском ночами колобродят!

III

Над Соротью высокая трава
и свежий ветер клонит дерева,
и кажется: степные табуны
несутся на литые валуны.
И новая несчетная волна
рождается, упруга и вольна,
и, подхватив стремительный набег,
его бросает с берега на брег.
Мгновение, биение плотвы –
и вновь перетекание травы,
а мерное движение воды
переправляет новые ряды...

Недолго до ивановской зари.
Рукою размахнутся косари,
и этот нескончаемый полет
отточенное лезвие прервет.
И станет одинокою вода,
и скакунов погонит в никуда –
теперь они до будущей весны
волнами пребывать обречены...

Но кровное теченье трав и рек
собою продолжает человек,
когда, неясной жаждою влеком,
ее он утоляет молоком
и плещется на белизну листка
летучая живучая строка.

IV

Лазурь небес – оптический обман,
чем выше – тем Вселенная черней...
А в нашем, русском космосе – туман,
причудливые выверты корней,
часовня на горе, обетный крест,
до берега тропинка через луг...
И все, что открывается окрест,
окинешь враз, а вымолвишь – не вдруг.

Поэзия, свобода – не мура ль,
когда сердца и дни все холодней?
Но стынешь, как японский самурай
в саду перед безмолвием камней.
Чего бумагу попусту марать,
душевный жар пуская на распыл?
Но по России каждый – космонавт,
покуда благодати не пропил...

И хочется открыться и вобрать,
чтоб видеть после, будто наяву,
озерную распаханную гладь,
упругий ветер, гибкую траву,
омытую рассеянным дождем
дорогу, и запущенный погост,
и этот несказанный окоем,
и небо – высоченное, до звезд...

V

«Нет, весь я не умру...»

В Михайловском тебя я не застал,
Тригорское подавно опустело...
Четырехгранный гладкий пьедестал
прижал твое простреленное тело.

Твоя душа, свободна и легка,
покинула затисканное слово,
и только бронза смотрит свысока
в людское мельтешение Страстного...

Но связь времен распалась не совсем
и комом перегородила глотку:
помилуй Бог – мне скоро тридцать семь!
Еще могу писать как одногодку.

Уже могу, зарыв отца и мать,
за долгими тяжелыми снегами
черствеющей душою понимать,
что пело в богохульном Вальсингаме.

Уже я видел, скольких обожгла
бессмыслица бунтарского размаха

и как невыносимо тяжела
узорчатая шапка Мономаха.

И, глядя в эти спелые поля,
я ведаю теперь, какая сила,
какая вдохновенная земля
Француза русским духом напоила!

VI

А места в сельце Михайловском – не сорные!
Но восторженность людская недолга:
ко всему привыкнуть можно – даже к Сороти,
что петляет, завивает берега.
Поживи, останься – трудником, не баловнем,
и обыденными станут навсегда
колыханье древних елей Ганнибаловых
и молчанье Ганнибалова пруда,
крики цапель над раскрытыми калитками,
над осокой жавороночь молва
и облепленная темными улитками
недвижимая подводная листва.
Помаши косою, лопатой или ломиком,
прирасти к мужицким крепостным корням,
и тебе обрыднут шальные паломники,
что мотаются по здешним деревням.
Им под шум ветвей и кваканье лягушкино
на вечерней и на утренней заре
все мерещится тень Александра Пушкина.
И ему покоя нет в монастыре...
Ах, места в сельце Михайловском – бессонные...

VII

Возвращаться обычай плох –
камни медленны, люди скоры.
Но, когда мне позволит Бог,
я вернусь на святые горы,
и от времени отрешусь,
тишиною лесной несомый,
и склонюсь, и перекрещусь
на Михайловскую часовню...
И пойду не спеша, дыша,
и до берегового края
распахнется опять душа,
всю округу в себя вбирая.
И прислушается дочь,
оглушенная городами.
И разгонят крылами дождь
цапли серые над прудами...

*Михайловское – Переделкино – Сыктывкар,
июнь – октябрь 2000 г.*

Дверка

Артем возвращался через лес, он хотел посмотреть, не вернулась ли в нору хозяйка — молодая наглая лисица, с завидным упорством таскавшая через окно кухни продукты. Что-то давно не было видно нахалки. Нора пустовала, и Артем с разочарованием запнул туда шишку.

Сосны сменились березами, и вскоре мелькнула черепичная крыша, сплошь усыпанная прибитой последним дождем пожелтевшей листвой. Артем ускорил шаг: есть хотелось неимоверно. А на кухне ждали замоченные грибы, самые настоящие, собственноручно собранные, а не упакованные в вакуумные мешочки и подкинутые службой доставки. Сейчас он их в печенку положит, и та выставит через пять минут ароматную жареную картошечку, да с грибочками, да с хрустящим лучком. Артем сглотнул слюну.

Ужин откладывался. На деревянном крыльце сидел мальчишка, упершись локтями в колени и уложив подбородок на кулаки. Пухлый, светловолосый, в измазанной травяным соком голубой футболке и джинсах. Кроссовки тоже грязные, и Артем подумал, что мальчик пробирался по оврагу. Гость был Артему не знаком, у него вообще не водилось знакомых десятилетних мальчишек.

— Ты кто? — осторожно спросил Артем.

Мальчик поднял голову, поморгал мокрыми ресницами. Слезы украсили пухлые щеки разводами грязи.

— Я? — чуть хриловато переспросил он. — Мишка-а-а, — последний слог перешел в басовитый рев.

Артем еле сдержался, чтобы не отпрыгнуть от крыльца. Утешать он не умел и потому брякнул:

— Да не реви ты! Грибов хочешь? — и тут же чуть не щелкнул себя по лбу за оплошность. Ну какая еда?

Мишка шмыгнул носом и сердито пробормотал:

— Хочу.

Артем опешил окончательно. Это был не фантом, а самый настоящий ребенок. Можно было запачкаться, устать, порвать одежду, но есть фантомы не ели. Или он из «путешественников»? Передавали как-то про группу энтузиастов, предпочитавших мотаться по шарике в натуральном виде, а не сбрасывать по сетке в конечную точку управляемого я-фантома.

Кухонька не подвела. Грибы получились как надо, и запах точь-в-точь как воображал себе Артем. Устроились на кухне, включив защиту от мошки. Французское окно Артем не закрывал, надеялся, что лисаворишка вернется. Мишка ловко выковыривал грибы из картошки, брезгливо отряхивая их от лука. Артемпил холодное молоко и размышлял, можно ли сейчас приступить к дальнейшим расспросам или непрошенный гость опять заревет.

— А как вас зовут? — поинтересовался мальчик.

— Артем.

— А по отчеству?

Артем отставил стакан. Так-с, и какое еще отчество ему подавай? Смутно вспоминалась дряхлая тетка, умершая, когда племяннику стукнуло пять лет. Тетка была условная, на самом деле бабушкина сестра. Последние лет десять она передвигалась в инвалидной коляске. Это реактивное кресло да странное обращение: «Милена Владимировна» и запомнились Артему. Пока Артем раздумывал на эту тему, Мишка решил сам:

Инна Александровна Живетьева живет в Новосибирске.

Родилась в 1977 году в Казахстане. Закончила Омский гос. университет.

По образованию математик, работает системным аналитиком.

Пишет не так давно, но уже зарекомендовала себя вдумчивым, серьезным автором, для которого важны проблемы становления личности, право и цена выбора, долг и честь.

Первой крупной публикацией стала диалогия «Стальное княжество» (книга 1 «Цена свободы» и книга 2 «Рунный след») в издательстве «Альфа-книга», июль 2006. Рассказы Инны Живетьевой неоднократно публиковались в различных журналах и сборниках.

— А можно называть вас дядя Тема?

Артем кивнул, с облегчением выбросив из головы проблему отчества.

Мишка откинулся на стуле, оставив на тарелке справа горку искромсанной картошки, слева — курганчик жареного лука. Осоловело прикрыл глаза.

— Дядь Тем, можно, я у вас переночую? А то уйти не получается. А утром смогу. Так бывает: вечером легко туда, а утром обратно. Даже мама привыкла. Почти, — добавил он шепотом.

— Ночуй. Сейчас спальню на втором этаже расконсервирую.

Артем поднял пакет за уголок. Так и есть — вернулась негодница, навестила ночью. Выгрызла дыру и уволокла пачку печенья. Что за сумасшедшая лиса со страстью к сладкому! Может, делать в службу доставки двойной заказ?

Мишка выполз, втянул носом запах кипяченого молока и поморщился.

— Фе, с пенками. Вас же не заставляют, зачем вы пьете эту гадость?

— Мне нравится, — растерялся Артем.

Честно говоря, он был уверен, что гость ему пригнулся.

Мальчишка пил чай, крошил печенье и болтал ногами. Чувствовал он себя неплохо и только иногда вздыхал и туманился. Потом признался:

— Опять от мамы влетит. Скажет, умотал и даже записку не оставил. А я же не знал, что застряну.

— А сейчас ты можешь уйти? — спросил Артем, все-таки наливая себе молоко с пенками.

— Ага.

Мишка качнул ногой сильнее и толкнул стол. Чай расплескался, и он виновато засопел.

— Ой, простите!

— Да ладно.

Постояли на крыльце. Мишка смотрел на солнце, Артем разглядывал непричесанную с утра макушку гостя.

— Ну, я пошел, — мальчик деловито поддернул джинсы и шагнул на тропинку.

Артем не помнил, чтобы в той стороне находилась станция. Да и проще было бы вызвать такси, но Мишка решительно отказался. Голубая футболка, отстиранная комбайном, мелькнула между деревьями и пропала.

Артем вернулся в дом. Пора было входить в сеть и отправлять я-фантома в контору. Не забыть бы нацепить на него галстук. Керт, потенциальный заказчик, предпочитает строгий стиль. Хорошо хоть, родное тело может сидеть дома в любимых штанах и водолазке. Хотя какая разница, если все равно Артем будет ощущать эту удавку на шее.

Вечером Артем вернулся в себя и с раздражением потер шею. Может, и есть в словах «путешественников» доля правды: ну какая разница, летать реально или только разумом, если все ощущения сохраняются? Но тут же воображение услужливо подкинуло кар-

тинку: стоит Артем один-одинешенек посреди пустой дороги, транспорта нет и не предвидится, и нельзя щелкнуть возвратом и оказаться дома. Нет уж, лучше он будет привычно оставлять тело на диване.

Лиса проникла через мошкариную защитку и оставила на полу и столе следы грязных лап. Артем специально на день обесточивал уборщика, чтобы тот не спугнул зверька. Сейчас матовая полусфера с недовольным гудением присосалась к ножке стола и неторопливо поползла вверх.

Хотелось есть, на обед Артем заскочить не успел. Вытряхивая в печку котлеты, он понадеялся, что этот ужин пройдет без происшествий.

— Дядь Тем, — донесся жалобный голос со стороны французского окна.

Мишка стоял на поляне и ковырял вычищенной кроссовкой землю. Сегодня он был в джинсовой ветровке, и под ней кто-то шевелился. Мишка придерживал этого кого-то и с надеждой смотрел на Артема.

— Заходи, — обреченно кивнул тот.

После сегодняшнего дня, полного людей — на встрече присутствовали аж трое, — хотелось спокойного тихого вечера. Даже в сетку не вылезать, чтобы потреться. Но недаром же Мишка вспоминался целый день — откуда он только такой взялся!

Мальчишка не стал тратить время, чтобы обогнуть дом, а шагнул через окно и распахнул куртку. На пол упал взъерошенный полосатый кот. Недовольно дернул хвостом, метнулся в сторону и в мгновение ока очутился на шкафу. Сел и уставился на гостя с хозяином злыми желтыми глазами.

— Вот. Это Кузя.

— Да вижу, — Артем с ужасом подумал, что гости в его доме размножаются прямо-таки катастрофически.

— Ну а чего? Мне мама говорит, что ей только кота не хватает при таком сыне. Вот, говорит, неси, откуда взял. А я его на свалке взял! А у вас дом большой, и молоко вы любите. Дядь Тем, возьмите его себе, а?

— На какой еще свалке?

— Ну, у нас там, за пятиэтажками. Раньше деревянные дома стояли, а потом снесли, и получилась свалка.

Артем потряс головой. Свалку он видел — в музее, в голографическом зале. Перед постаментом висела успокаивающая табличка: «Экспонат создан без воспроизведения запаха».

— Так. А теперь давай сядем, и ты мне расскажешь, где это — у вас.

Мишка засопел и снова виновато заскреб кроссовкой.

Ужин снова поделили пополам. И Артему опять не лез кусок в горло. Мишка же болтал и жевал безостановочно. В голове не укладывалось, что этот пацан явился аж из конца двадцатого века. Самого гостя этот факт не смущал, и он засыпал хозяина вопросами, тыкая пальцем в непонятные вещи на кухне. Постепенно Артем расслабился. Да, он редко общается с людьми вживую, а уж с детьми так и вовсе по пальцам посчитать, сколько раз сталкивался. Но с Мишкой было легко и интересно.

Выяснилось, что загадочные способности проваливаться в неизвестные места появились у Мишки еще в детском саду. После того, как испуганная заведующая позвонила в милицию с рассказом, что у нее пропал из группы ребенок, причем исчез в шортиках и маечке посреди зимы, Мишкина мама взяла с сына честное слово, что он не будет исчезать без предупреждения. Мишка старался, да не всегда это получалось. Не будешь же звонить маме, когда компания старшеклассников загнала за гаражи, чтобы проучить мелкого, не пожелавшего делиться деньгами...

Стоило Мишке разок побывать в незнакомом месте, как он запоминал его и мог возвращаться туда, сколько душе угодно. Если, конечно, не происходили сбои, как тогда, у дома Артема. Мальчишке везло: еще ни разу он не попал в негостеприимный мир или успевал вовремя уносить ноги.

Мишка стал появляться регулярно и тянул Артема то в лес, то на реку. Жаль, не было ему хода в сетку, Артем все-таки архитектор, а не программист, а фантом так просто не построишь. Да и ладно, шататься вживую в окрестностях домика Артем любил всегда, а с Мишкой это было намного интереснее.

Полосатый Кузя прижился. Ночами убегал в лес, возвращался под утро мокрый от росы и смотрел на Артема голодными глазами. Утаскивал выделенный кусок под стол и там грыз с урчанием, размазывая грязь по полу. Лиса первое время опасалась нового

жильца, но потом установился своеобразный график краж: Кузя тянул со стола днем, а лиса приходила ночью. Уборщик сходил с ума, подтирая следы за двумя животными.

Если Мишка долго не появлялся, Артем начинал скучать. Это было непривычно: последний раз он тосковал по маме в детстве, когда та принимала участие в проекте со сжатыми сроками и целыми сутками лежала неподвижно на диване, мотаясь по сетке. Торопливо заскакивала домой перекусить и поспать несколько часов и снова исчезала на работе.

И вот на тебе — скучает по Мишке! Первые дни Артем носился с непривычным чувством, как с новой игрушкой, но постепенно приутих и затягивал ужины как можно дольше, ожидая услышать знакомый голос за окном. Ждать Артем не умел. А зачем, ведь любому человеку в мире можно отправить сообщение, а то и шагнуть к нему в гости, если настроена входная точка. Да и боязно за мальчишку, все-таки это не по сетке скакать, мало ли что может случиться!

С этим настроением Артем позвонил маме, чем несказанно удивил ее. Согласно придуманному ею же кодексу правильной матери, раз в три месяца надлежало навещать сына вживую, тратя по четыре часа на дорогу. Антон не понимал, чем эти визиты отличаются от фантомных, но послушно принимал маму в доме, позволял заглядывать во все углы. Подробно отвечал на вопросы о здоровье («как бык!»), о работе («трудимся помаленьку») и о девушке («нет, постоянной нет, так, фантомно в гости ходим»). Визиты были ему в тягость, мешали напряженному ритму жизни матери, но отменить их нельзя. Мама никогда не отказывалась от придуманных ею правил. Звонки же хоть и не нарушал их, но выбивался из привычного уклада.

— Мам, а ты с моим отцом видишься?

Она погрузилась в раздумья, что-то посчитала на пальцах.

— Да, лет шесть назад столкнулись в лаборатории у Гошки. А что?

— И как он?

— Да так же импозантен. Хотя наверняка опять сидел дома небритым.

— А ты хотела бы с ним жить вместе? Ну, пока я был маленький?

Мамины брови взметнулись вверх, почти спрятавшись под каштановой челкой:

— Зачем? Мы и так могли видаться сколько угодно.

— Я не помню, а отец часто к нам приходил?

— Да нет, мы чаще по сетке ездили. А потом вообще стало как-то не нужно встречаться.

Мишка явился только через неделю. Просочился на кухню, погладил довольного Кузю и посмотрел на Артема снизу вверх.

— Мама не пускала. Говорит, связался непонятно с кем.

Артема это неприятно кольнуло. Он уже знал по Мишкиным рассказам, что жизнь мальчишки в кон-

це двадцатого века не так уж и безмятежна. Но было все равно обидно, что его приняли за какого-то проходимца.

— Сбежал? — сухо зато поинтересовался он. Мишка мог запросто, еще тот бродяга.

— Не-а. Уговорил. Я ее с собой звал, а она не может. Не получается у нее. — Мишка нырнул в холодильник, выкопал порцию виноградного мороженого. — А ты можешь, я точно знаю! Это, наверное, потому, что ты на работу по-нормальному не ходишь. Мама говорит, у тебя эта, как ее, психика другая. Я вот чего думаю, дядь Тем, давай ты со мной сходишь, а? Я тебя маме покажу, и все.

Артем испугался. Но Мишка смотрел так бесхитростного, и его так долго не было, что отпустить пацаненка никуда не хотелось.

— Давай, — согласился Артем.

Мишка схватил его за руку и потянул к французскому окну.

— Раз-два-три! — крикнул дурашливо, шагая наружу.

Первый час Мишка таскал Артема по квартире. Гостя удивляло все. Честно говоря, он в принципе не понимал, как тут можно жить. Голоса за стенкой заставляли вздрагивать, рычащие водопроводные трубы пугали, а когда Артем выглянул в окно, так и вовсе закружилась голова. Маленькая однокомнатная квартира Мишки и его мамы Лиды была угловой, на пятом этаже. Через толстые неровные стекла просматривались внизу перекресток и остановка для транспорта. Такого обилия людей Артем не видел никогда. Он застыл соляным столбом, пытаясь представить — каково это, идти в потоке неизвестных шумных граждан, большинство из которых лично он видеть не хотел. Не хотел просто потому, что они были ему незнакомы и неинтересны. А люди шли, разговаривали, толкали друг друга, цеплялись сумками за одежду, штурмовали битком набитый автобус. Нет, Артем это видел в кино неоднократно, но то было на экране, там и драконы летают, и на атомарных мечях бьются. А в реальной жизни это вгоняло в ступор. И звуки. Такого шума в фильмах не было.

Заскрежетало в прихожей, гулко хлопнула дверь. Мишка опасливо покосился туда:

— Мама пришла.

Лиду Артем представлял строгой женщиной с холодноватым голосом, в чем-то похожей на его собственную мать. Но вошедшая в комнату женщина совсем другая.

Светлые, как и у сына, волосы волной падали на загорелые плечи. Тонкое летнее платье под цвет глаз — серо-зеленое, — туго обтягивало грудь и свободными складками ложилось вокруг колен. Лида была чуть полновата, но это ей удивительно шло. Артем засмутился и пригладил волосы.

Чай оказался невкусным, а вот варенье — просто замечательное, душистое, чуть кисловатое, полное круглобоких ягод крыжовника. Шумную улицу отгородили плотной зеленой портьерой, телевизор — непривычная громоздкая махина, — тихо бормотал в углу. Мишка с шумом прихлебывал чай, и Лида косилась на сына укоризненно. Мишка смущенно поводил плечом. Артем чуть улыбнулся: как только солнечная Лида умудряется воспитывать сына.

— Мой мир? — Артем задумался.

Как описать женщине, всю жизнь прожившей в маленькой квартирке с неважной звукоизоляцией, огромный шар, на котором города остались только как музеи? Объяснить, что дома разбросанны так, что до ближайших соседей не меньше часа лету на такси, да расстояние и не важно. Намного проще ткнуть в заданный узел сети и отправить туда я-фантом, причесанный, одетый по последней моде. Не нужно тратить время на транспорт и общаться со случайными попутчиками.

Как рассказать ей про то, как удобно жить одному, встречаясь с приятелями только по сетке. С приятелями и коллегами, и не видеть никого из тех, кто тебе не интересен.

Про тишину, окутавшую планету. Покой, стабильность и безмятежность, которые Артем принимал как должное, пока не познакомился с Мишкой и не вычленил из его болтовни страшную правду о мире прошлом.

Но Лида ждала, и Артем начал говорить, сначала неуверенно, а потом все быстрее и быстрее.

Женщина слушала внимательно, наклонив голову так, что светлая прядка упала на плечо. Задумчиво поболтала в стакане ложечкой, размешивая варенье, и спросила:

– Артем, а сколько вас вообще на Земле?

Тот по привычке дернулся к коммуникатору.

– Ну, где-то миллиарда полтора, чуть больше, – задумчиво поскреб он переносицу, с трудом вспоминая.

– А нас – шесть миллиардов, – Лида отставила чашку. – Шесть! И постоянно рождаются дети.

Артема цифра ошеломила.

– А у вас? Сколько у вас обычно детей в семье?

– Не знаю, у меня женатых приятелей нет. Не все любят постоянно жить с кем-нибудь. Проще встречаться по сетке, но так детей не заведешь, – усмехнулся он. – Да и жить у нас предпочитают поодиночке, мало кто готов все время делить свое жизненное пространство с кем-то еще.

– И тебе не одиноко?

– Да нет. Я же всегда могу выйти по сетке.

Дома Артем первым делом полез в ванну. Лида и Мишка – очень приятное общество, но хотелось поскорее смыть с себя их душный пыльный мир, полежать в тишине. Как только они могут там жить постоянно, ездить на работу каким-то жутким общественным транспортом – Артем видел, как набивались в жестяную коробку толпы потных раздраженных людей, пить такую невкусную воду и постоянно слышать посторонние звуки? Но Лида приглашала заходить, и Артем решил не упускать такую возможность.

Теперь Артем ходил по вечерам в гости. Не каждый день – у Мишки были и свои заботы, да и хотелось мальчишке пошататься по лесу, посидеть с удочкой у реки, заставляя Артема насаживать червяков на крючок. Тот раньше не знал такой способ рыбной ловли, пользовался обычной ультракатушкой. Но с червяками рыбалка шла намного интереснее.

Мир Лиды и Мишки все еще пугал, и дальше нескольких кварталов Артем в своих изысканиях так и не продвинулся. Лида посмеивалась и обещала нанять такси, вот только получит зарплату. Артему было неудобно, но его электронный банковский счет был тут не действителен. Правда, в том мире ценилось золото, и Артем серьезно задумался о возможности занять деньги прошлого.

Лидины волосы щекотали плечо. Артем хотел отвести прядки, но боялся пошевелиться. Он еще ни с кем не спал вместе на узком скрипящем диванчике и не знал, насколько бывает чуток сон женщины. Зачем мучиться, делить одеяло и постоянно утыкаться в чье-то тело, если в любой момент можно вынырнуть в своей квартире и спокойно завалиться на привычное ложе. Плечо занемело, но Артем не согласился бы уйти, даже будь под рукой привычно работающий коммуникатор.

Мишка усвистал к приятелю осваивать новую компьютерную игрушку, выклянчив у матери разрешение задержаться допоздна. Артема сначала испугала перспектива оказаться в этом мире без проводника, но желание остаться с Лидой наедине было сильнее.

Будильник неприятно щелкал под ухом. Артем повернул голову и в полумраке – зеленые портьеры отгораживали маленькую квартирку от спящего света фонаря – разглядел, что часовая стрелка почти подобралась к десяти. Пора.

После того, что Лида рассказала о своем мире, Артем ни за что не хотел отпускать ее одну за сыном. Пусть приятель и живет в соседнем доме, но идти нужно мимо нагромождения железных коробок – так называемых гаражей, – через темный двор, взбираться по узкой неосвещенной лестнице. Нет уж, лучше вдвоем.

– Миша, за тобой мама пришла, – крикнула в лубину квартиры женщина в мятом халатике.

Мишка появился не сразу, видно, не мог отклеиться от компьютера. Женщина успела оглядеть Артема с ног до головы и одобрительно подмигнуть Лиде. Та покраснела: жар затопил лоб, щеки, – и покрепче ухватилась за руку провожатого.

– Mam, я хочу к тебе в гости, – Артем говорил чуть насмешливо, сглаживая волнение в голосе.

Мама удивилась, недоуменно пожала плечами:

– Иди, конечно.

Через полчаса отзвонил коммуникатор:

– Артемка, что случилось? Ты где? – мамин голос дрожал от волнения.

– Мне еще километров двадцать до тебя, – Артем глянул на панель такси.

– Каких... Ты разве не по сетке?

– Да нет, – Артему стало неловко, он словно оправдывался. – Решил съездить так.

Тишина. Потом мама неуверенно спросила:

– У тебя ничего не случилось?

К вкусу чая Артем уже привык. Тем более с таким вареньем. Кажется, он скоро изведет все запасы. Когда он испуганно посмотрел на опустевшую трехлитровую банку, Лида засмеялась:

– Ага, все-таки есть то, что у нас лучше!

– Есть! Ты, Мишка и варенье, – признался Артем, соскребая со дна розетки остатки сладкого сиропа.

Лида снова засмеялась, рассыпав волосы по плечам. Артем засмотрелся, даже ложку до рта не

донес. Кольнуло — да как же она, такая светлая, живет в этом сумрачном, шумном мире? Не выдержал, брякнул:

— Срочно нужна белая лошадь!

Серо-зеленые глаза распахнулись от удивления.

— Ага, я в кино видел, что раньше женщины мечтали о принце на белом коне. Я бы ездил за тобой следом на гордом белоснежном скакуне и охранял.

— Ты бы не угнал за автобусом! — смех был только на губах, а в глазах — такая нежность, что у Артема перехватило дыхание.

Офис чист до стерильности. Под стать начальнику Артем подозревал, что даже на физическом теле Роберта нацеплен галстук, и на самом деле он не валяется на диване, а сидит в громоздком кожаном кресле.

— Отпуск? — Роберт покрутил в пальцах авторучку. — Не могу сказать, что очень вовремя... Ну что же, если тебе так нужно, иди. Но только на неделю!

Вечером клевало плохо. Но Мишка отказывался вставать на зорьке — и упорно просиживал с удочкой на мостках до тех пор, пока еще было видно поплавок. Артему сидеть на сырых досках не хотелось, и он пристроился на берегу.

— Вчера эта чертовка опять утащила печенье.

— Медовое? — заволновался Мишка, удочка в руках дрогнула.

— Его. Да я еще заказал.

Мальчишка развеселился, качнул ногами, чиркая кроссовками по воде. Артем посмотрел сверху на его обросший затылок. В светлых прядках запуталась хвоя.

— Ты чего не подстрижешься? Лида уже сколько раз гоняла в парикмахерскую, четыре?

Мишка дипломатично посопел, но Артем ждал ответа:

— А чего, все равно через три недели в школу. Тогда и обкорнаюсь. Терпеть не могу, когда холодными ножницами по шее, да еще и волосы за шиворот сыплются.

Артем щелчком сбил хвоинки. Ему тоже хотелось посопеть, но нужно было решаться:

— Мишка, а ты не против, если я у вас поживу недельку? Я и отпуск взял.

Удочка снова дернулась, клюнула концом в воду.

— А мама?

— Мама говорит, что будет рада. Мы бы с тобой в парк ходили, помнишь, ты про колесо обозрения рассказывал?

— Ага, — ответ вышел не слишком радостным.

Артем быстро сел рядом:

— Мишка, ну ты что? Если не хочешь, так не надо. Или жалеешь, что рыбалки не будет? Так мы же будем сюда мотаться.

— Я не из-за рыбалки, — повел лопатками под джинсовой ветровкой мальчишка. — Я же помню, тебе у нас, ну, в нашем мире, не нравится. Ты поживешь, поживешь и уйдешь. И больше со мной не пойдешь.

— Не нравится, — честно признался Артем. — Но Лида же сюда не может. Да и у тебя там друзья-приятели, не будешь каждый день сюда гонять.

— А Кузьма как же? И лиса? — Мишка встал и потянул из воды леску.

— Кузю возьмем с собой. А для лисы доставку ежедневную закажем, не пропадет.

— Ага, с котом нас мама на порог не пустит.

— Пробьемся, Мишка! — Артем ухватил мальчишку за бока и потащил вверх по крутому берегу. Тот хотал и дрыгал ногами — боялся щекотки.

Всю неделю Артем чувствовал себя героем компьютерной игрушки: справа опасность по имени «общественный транспорт», прямо — толпы людей, слева — серые махины домов. Жутковато, дух захватывает. Но так было днем, а вечером приходила Лида, задерживала тяжелые портьеры, и Артем перемещался в сказку. А у каждой сказки должен быть конец. Большие ходики на кухне громко тикали, отмеряя оставшееся время. Завтра, уже завтра Артему нужно возвращаться.

Сидели за столом, Мишка вяло ковырял вилок в омлете. Кузя пристроился на подоконнике и сердито смотрел на Артема.

Громко щелкнул выключателем чайник, Лида встрепенулась, потянулась к мойке. Кухонька была маленькой, почти все можно было достать, не вставая с места. Вытащила кружки: желтую с нарисованными глазками и выпуклым носом-картошкой для Мишки, высокую белую с незабудками по краю для себя, большую, с красными горохами, для Артема. Покрутила в руках последнюю. Волосы упали на лицо, и Артем не видел ее глаза.

Мишка неожиданно сорвался из-за стола. Хлопнула дверь комнаты. Лида вздрогнула, но голову так и не подняла.

— Ну что ты, — Артем забрал свою чашку, уверенно поставил ее рядом с остальными. — Я буду приходить.

— Да, конечно, — легко согласилась Лида, откидывая волосы с лица.

Артем прислушался: в комнате ни звука.

— Пойду-ка я гляну, что с Мишкой.

Мальчишка забился в угол дивана, уперся пятками в светлую обивку и задумчиво расковыривал ссадину на колене. Артем хлопнул его по пальцам:

— Брось, у вас тут заразы полно.

Мишка глянул на него, махнул мокрыми ресницами:

— Дядь Тем, а помнишь, я когда в первый раз к тебе попал, то уйти не мог? У меня так бывает. Хожу, хожу, а потом — бац, и все! Как дверка закрылась. Она потом иногда открывается, попозже.

— Ко мне дверка?!

— Ага, — кивнул Мишка.

Скрипнули половицы. Лида встала на пороге, приклонилась к косяку. Задумчиво посмотрела на сына.

Артем схватил мальчишку за плечи, тряхнул:

— Ты что, совсем не можешь туда попасть? А как же я?

Мишка затравлено моргал слипшимися от слез ресницами, и Артем чуть сам не расплакался. Страшный, враждебный мир обхватил его грязными лапами, шумно дышал в ухо, ехидно курил в лицо вонючую трубку и не пускал обратно, в просторный, чистый, привычный дом в лесу на берегу реки.

— Сынок, ты попытайся, хорошо? — ласково попросила от двери Лида.

— Да, Мишка, ты же смог потом уйти! — родилась у Артема надежда.

— Я попробую, — мальчишка вытер ладошкой нос. — Может, с тобой легче будет, дядь Тем, ты же от туда.

— Давай, пробуй! — ухватился за его руку Артем. — Ну давай, Мишка!

— Прямо сейчас? — удивился тот.

— Сейчас.

— Ладно.

Мишка скинул ноги с дивана и зажмурился. Встал, потянул за собой мужчину. Артем послушно сделал

шаг, другой — и вот под ногами уже не синтетический ковер, а мягко пружинит листва. Он с удовольствием погладил ствол ближайшей сосенки: дома!

И тут же обожгло стыдом: Лида! Как она смотрела, когда Артем лихорадочно цеплялся за Мишкину руку, как клянчил — немедленно домой. Он отвернулся, спрятал лицо за пышной еловой лапой.

— Дядь Тем, — Мишка дернул его за рубашку. — Я пойду?

— Подожди, — Артем, скрипнув зубами от не проходящего стыда, повернулся к нему, присел на корточки. — Ты еще при-дешь?

— Я попробую, — бормотнул Мишка, отворачиваясь. — Я пойду, а то мама волнуется.

Артем чуть не застонал: кретин! Как он мог не подумать, каково сейчас Лиде: ушел сын, и не понятно, откроется ли снова для него дверка. Он яростно дернул ни в чем не повинную сосновую лапу. Хрустнула ветка. Когда Артем повернулся — Мишки уже не было. «И Кузя там остался», — почему-то вспомнился кот.

Артем ударился в работу, не вылезал из сетки, пока не начал болеть желудок. Лучше так, чем сидеть по вечерам на кухне, не зажигая света, и смотреть в

окно. Мишка не приходил.

Большая кружка в красных горохах стукнула о столешницу. Он специально заказал такую и теперь жалел — лишнее воспоминание, но отказаться он нее сил не было.

Артем встал и пошел наверх, тяжело наваливаясь на перила. В такие вечера он жалел, что у Мишки получился переход. Был бы сейчас с ними.

Он остановился на площадке, сел на ступеньку. Ну, был бы. Но ведь не просто с ними, но и в том мире. Каждый день жить в смоге, шуме и вспоминать зеленую безлюдную планету. А потом возненавидеть Мишку и презирать себя за это.

Артем поднялся. Все, хватит, пора снова нормально жить. Где-то потрескивал сверчок, на чердаке возился кто-то шумный. Как будто лисы ему мало, так еще гнездо над головой свили! За закрытой дверью гостевой спальни скрипнула кровать. Артем рванул за ручку.

Мишка спал, свесив с кровати ноги в грязных кроссовках. Артем зажмурился и медленно открыл

глаза. Ничего не изменилось, только мальчишка причмокнул губами.

— Эй, хватит дрыхнуть, — тряхнул Артем гостя за плечо.

— А?! — Мишка распахнул заспанные глаза, потер кулаками. — Чего ты так долго в своей сетке торчишь? Я ждал, ждал, а ты лежишь, как мертвец, — обиженно протянул мальчишка.

— Ты как сюда попал?

— А дверка открылась, — Мишка зевнул. — Еще немного поработает.

— Лида знает? — Артем поехал, вспомнив свой побег.

— Нет, — Мишка насупился, завозил грязными кроссовками по покрывалу. Испуганно ойкнул, смешно приоткрыв рот. — Я соскучился, — буркнул, отвернувшись в сторону и упершись подбородком в плечо.

Ну и что с ним делать, с охладомоном? Сказать, что тоже скучал, и каждый раз трястись: а не захлопнется ли дверка, пока Мишка тут, а Лида там? И каково будет Лиде...

Отрубить бы разом, да не получается. Ну как по этому светлому лохматому затылку ударить холодными словами?

На кухне загремела посуда, глухо стукнуло об пол. Лиса дождалась, когда Артем уйдет, и вышла на охоту. Без Кузьмы-то в доме чувствовала себя полной хозяйкой.

Артем зажмурился и представил, что это Лида шумит на кухне. Готовит для них ужин. Сейчас выйдет в холл, поднимет голову и крикнет: «Эй, мужики! Вы где застряли?»

Он вскочил, напугав Мишку.

— Ты подожди пару часов, хорошо? Я только все дела улажу. И собери удочки, нечего тебе сюда потом шляться, а то прищемит любопытный нос.

Мишка глянул непонимающе, и Артем торопливо добавил:

— Только бы мама тебя со мной за дверь, как с котом, не выставила. Кстати, не знаешь, как у вас женятся?

БЫЧКОВА Анна Николаевна (1886 — 1985), публицист, авт. воспоминаний.

Род. в пос. Нязепетровского завода (ныне г. Нязепетровск Челябинской обл.). Окончила Екатеринбург. гимн. Учительница, член РСДРП. Подвергалась аресту, ссылке, была в полит. эмиграции. Работала в профсоюзе, органах народного просвещения, занимала различн. партийные посты. Авт. очерка «Первые большевички Екатеринбург» — в кн. «Женщины Урала в революции и труде» (портр). Св., 1963. С. 37–66.; Авт. кн.: «Быть коммунистом — быть борцом». Св., 1964; «Рядом с товарищем Андреем. (О жизни К.Т.Свердловой)». Св., 1977; Оставила также воспоминания о самом Свердлове — в кн. «Наш товарищ Андрей: Воспоминания уральцев о Я.М.Свердове». Св., 1985. С. 144–146. «Большевички Урала» \ \ Революционерки России: Воспоминания и очерки о рев. деятельности рос. большевичек. М., 1983. С. 49–58. О ней: Селиванов В.И. А.Н.Бычкова. Св., 1985 (портр). Некролог: «Правда». 1985. 8 июля.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 3152; Т.5. Ч. 2. Ук. им.

БЫЧКОВА Анна Юрьевна (урожд. кн. Ромодановская-

Лодыженская; 1842 — 1880), археолог.

Занималась исслед. по класс. археологии. В «Родословной рода князей и дворян Бычковых-Ростовских» (СПб., 1880), написанной ее мужем А.Ф.Бычковым, сказано, что соч. Б. «хранятся в рукописях» (С. 57).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БЫЧКОВА Екатерина Афанасьевна (1856 — ?).

Дочь А.Ф.Бычкова. Авт. кн. «Киевская святыня». СПб., 1882.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БЫЧКОВА Татьяна Петровна.

Сотр. журн. «Рус. школа» (1913).

Венгеров. Источ.

БЭМЕ Маргарита.

Переработала «Дневник падшей женщины» (посм. изд.). Пер. с нем. М., 1906.

БЮСТРЮКОВА А.

Пер. с франц. исп. пов. «Железная маска, или Отец и сын». М., 1870.

Слов. рус. писательниц.

В

В., поэтесса. (?)

Печаталась в екатеринбургском журнале «Общими силами» (стихотв. «В эти дни». 1915. № 4) и пермской газете «Народная свобода» («Юлии». 1917, 8 сент.).

Голдин.

В., В.

Авт. «Русской книжки для первоначального чтения». СПб., 1861 — рец. в кн. Толля «Наша детская литература».

Слов. рус. писательниц.

В **, Н.

Авт. «Письма к издателям» в «Приятном и полезном препровожд. времени» (1794. Ч. 1. С. 296).

Слов. рус. писательниц.

В.С., авт. воспоминаний.

«На пути к Саратову: (Записки сестры милосердия)» \ \ В память первого Кубанского похода: Сб. — Белград, 1926. С. 140-144.

РРЭВД. 2.

В.С., авт. воспоминаний.

Выпускница Московской консерватории. Оставила воспоминания «Памяти Софьи Григорьевны Рубинштейн» \ \ газ. Новое время (Белград). 1929. 8, 10 дек.

РРЭВД. 3.

В., Ф.

Авт. (вместе с Н.Ланге) «Замечаний на ответ профессора Селина» в «Киевском телеграфе» (1859. № 24).

Слов. рус. писательниц.

В — А.

Авт. «Отголоска на жалобу женщины» в «Современнике» (1858. № 2). «Жалоба» напеч. в этом журн. (1857. № 5).

Слов. рус. писательниц.

В — А Л.Е.

Авт. воспоминаний «Первый блин комом: Из записок земской акушерки» \ \ Слово. 1878. Июль, август.

Слов. рус. писательниц.

(Продолжение на стр. 58)

Белый раджа Саравака

(Рассказы филателиста)

Трансвааль, Трансвааль, ты зоришь в огне...

Эта марка попала ко мне случайно. Заинтересовала не столько сама марка — стандартный английский знак почтовой оплаты с портретом короля Георга V, сколько надпечатка, самым непочтительным образом закрывавшая профиль монарха. Она была выполнена каким-то совершенно незнакомым мне шрифтом, представлявшим нечто среднее между латинским и готическим. Как я ни старался, прочесть текст надпечатки не удалось. И только дата — 1922 — в расшифровке не нуждалась.

По опыту знал, что такого рода надпечатки, закрывающие лицо того или иного монарха, обычно свидетельствуют либо о его свержении и вступлении на престол новой династии, либо о замене монархического строя на республиканский. Но так как марки с портретом Георга V выходили до середины тридцатых годов, а Великобритания и до настоящего времени является королевством, то, следовательно, ни та, ни другая версии вроде бы не подходили. Но марка-то — вот она. В чем же дело?

Пришлось идти за помощью к Олегу Павловичу.

— Марка, — сказал он, — действительно выпущена в Англии, однако надпечатка ограничила ее хождение только территорией Ирландии. Сделана она в 1922 году по распоряжению временного ирландского правительства незадолго до официального провозглашения страны доминионом в составе Британской империи. И хотя английский король официально является главой всех британских доминионов, текст ирландской надпечатки, как видите, полностью закрывает его лицо на марке. И не зря! Ведь свою, пусть на первых порах и ограниченную, самостоятельность ирландцы завоевали в длительной и ожесточенной, подчас кровопролитной борьбе с английскими колонизаторами. Так что к английским королям большинство ирландцев во все времена относились, мягко говоря, без особого уважения.

Да, мой друг, — продолжал Олег Павлович, — за надпечатками на марках нередко могут скрываться самые драматические эпизоды мировой истории.

А вообще-то по белу свету ходило и ходит великое множество марок с самыми различными надпечатками. Чаще всего они делались и делаются, чтобы удовлетворить насущные потребности почты в возможно кратчайший срок.

Некоторые авторы утверждают, что самая первая в мире надпечатка была сделана в 1846 году на марках Нью-Йорка — с ее помощью якобы трехцентовые знаки почтовой оплаты стали на цент дешевле. Откуда они почерпнули такие сведения — неизвестно. Ведь марки Нью-Йорка имели номинал только пять центов, и о каких-либо надпечатках, изменявших их цену, в каталогах не сообщается.

В нашей стране надпечатки с изменением цен далеко не редкость. Денежные реформы и инфляции разных лет неоднократно так быстро обесценивали рубль, что новые марки выпускать не успевали и делали надпечатки новой цены на прежних. Впрочем, это общепринятая мировая практика.

Известно, например, о надпечатках в сотни тысяч рублей на марках СССР начала двадцатых годов. В те же годы еще более свирепая инфляция в Германии привела к тому, что почтовые тарифы, случалось, изменялись здесь по нескольку раз в день. В типографиях едва успевали надпечатывать новые номиналы на имеющихся марках.

Например, в течение нескольких месяцев 1923 года номиналы знаков почтовой оплаты выросли от пяти марок до десяти миллиардов марок! Разумеется, все эти миллиарды имели ничтожную стоимость. Ведь за десять миллиардов можно было купить только... почтовую марку! Между прочим, многие почтовые служащие в Германии того времени предпочитали получать часть своего ежедневного жалования — а жалование тогда выплачивали подчас по два раза в день — именно почтовыми марками, прозорливо полагая, что если деньги обесцениваются ежечасно, то

Продолжение. Начало в № 2, 3, 2007 г.

все-таки марки сохраняют хоть какую-то ценность в глазах коллекционеров, которым эти самые марки можно будет когда-нибудь благополучно сбыть.

С помощью надпечаток обычные марки часто превращались в служебные. Даже начинающие филателисты знают, что слова «office» или «service» можно перевести как «служебное». А вот надпечатка «Resmi» на марках Турции или Индонезии или «sobierno» на некоторых латиноамериканских знаках почтовой оплаты приводят в недоумение многих, хотя значат они примерно то же самое. «OS» на марках англоязычных стран тоже значит «служебное», но может встречаться в различных сочетаниях. Например, «OSHM» на марках колониальной Индии следует переводить «на службе его величества», «OSGS» – на суданских марках – «на службе правительства Судана».

Должен добавить, что иногда такого рода надпечатки заменяются перфорацией, то есть проколами в виде тех же самых букв.

Иногда надпечатка означала дополнительный, непочтовый сбор на благотворительные или какие-нибудь другие цели. Стандартные марки царской России с вертикальной надпечаткой «РСФСР Филателия – детям 19-8-22» продавались на Московском почтамте только один день – 19 августа 1922 года из расчета одна копейка номинала равна пятидесяти тысячам рублей. Из них десять тысяч составляли собственно почтовый сбор, а сорок тысяч отчислялись в фонд борьбы с детской беспризорностью. Большинство марок с этой надпечаткой относятся к числу редких.

Часто с помощью надпечаток почтовые ведомства спешат оповестить мир о том или ином значительном событии. Из советских марок в этом отношении больше других «повезло», наверное, марке с изображением хоккеистов, выпущенной в 1962 году и посвященной 1 зимней Спартакиаде народов СССР. На этой миниатюре в разное время были сделаны две надпечатки.

Первая, черного цвета, гласила: «Советские хоккеисты – чемпионы мира и Европы. Стокгольм, 1963 г.»

Вторая, красная, дополняла первую: «Стокгольм 1969 г.» – в этом году наши мастера хоккея вновь стали чемпионами мира и Европы. Вот только к этому времени, то есть к 1969 году, снаряжение хоккеистов образца 1962 года, то самое, которое можно видеть на марке, безнадежно устарело. Да, когда-то наши умели играть в хоккей...

Часто надпечатки представляют большой исторический интерес.

Вот квартблок с портретом Николая II из серии 1913 года с надпечаткой в виде фригийского колпака, двух скрещенных кинжалов под ним и словами «братство равенство свобода» – символика и лозунг времен Великой французской революции, появившиеся на русских марках в 1917 году. Кто автор данной надпечатки – точно неизвестно. Во всяком случае, она – не официальная, а частная. Однако с молчаливого согласия почты марки с такими надпечатками, а также с надпечатками, воспроизводящими текст отречения от престола последних Романовых, имели хождение в период с Февральской до Октябрьской революции.

А вот марки царской России с надпечатками в виде стилизованного трезубца. Впрочем, трезубец – общепринятое название этой фигуры. На самом деле этот знак есть не что иное, как своеобразное изображение ястреба (сокола?) – символа власти великих князей Киевской Руси. Марки с такой надпечаткой пустила в обращение петлюровская почтовая администрация, а трезубец надолго стал эмблемой украинских и литовских националистов. Судя по штемпелям гашения, эти марки использовались и в то время, когда потерпевший поражение Петлюра с остатками своей армии отступил за границу и власть по берегам Днепра оказалась в руках большевиков. В чем дело? Ответ

прост — в почтовых отделениях Советской Украины на первых порах не было других знаков почтовой оплаты, и волей-неволей приходилось пользоваться трофейными.

Стандартная марка РСФСР 1922 года выпуска с изображением рабочего и с надпечаткой красного цвета «Д.В. 5 коп. золотом» напоминает о существовании Дальневосточной республики — буферного государственного образования на Дальнем Востоке, созданного по инициативе Ленина для предотвращения возможных конфликтов с японцами, оккупировавшими часть дальневосточных земель. Помните? «Штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни!» Под Волочаевкой Народно-революционная армия ДВР под командованием Блюхера разгромила земскую рать, то бишь белогвардейские части генерала-воеводы Дитерихса. После того, как в конце 1922 года Красная Армия и партизаны освободили от белых Владивосток и его ближние и дальние окрестности, закончилась Гражданская война, и Дальневосточная республика вошла в состав РСФСР. Но так как на Дальнем Востоке все еще действовала другая денежная система, то и были сделаны данные надпечатки.

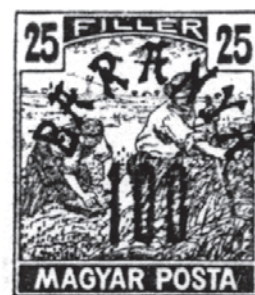
Темно-синяя надпечатка «Праздник Победы 9 мая 1945 года» на марке с изображением ордена Победы свидетельствует о победоносном окончании Великой Отечественной войны.

К сожалению, не всегда справедливые войны оканчивались поражением агрессоров, — продолжал свой рассказ Олег Петрович. — Взгляните на эту пару Трансвааля с надпечатками «VRI» и «ERI. Вы смогли бы, не заглядывая в каталог, сказать, по какому поводу они сделаны? Нет? М-да...

«Виктория — королева и императрица», «Эдуард — король и император» — вот как расшифровываются эти сокращения. На марках Трансвааля монограммы появились в 1900–1901 гг. С 1899 года маленькие бурские республики Южной Африки Трансвааль и Оранжевая вели отчаянную войну за свое существование против крупнейшей колониальной державы того времени — Британской империи.

Английские генералы планировали закончить войну за несколько недель, в крайнем случае — за пару месяцев. Ведь ни в Трансваале, ни в Оранжевой не было ни регулярных армий, ни достаточного количества тяжелого вооружения. Однако английским планам

не суждено было сбыться — легкой прогулки по Южной Африке не получилось. На первых порах британцы несли огромные потери и терпели поражение за поражением от бурского ополчения.

А что нужно было англичанам от южноафриканских республик? Из-за чего лилась кровь британцев и буров — потомков голландских переселенцев?

Люди гибнут за металл... Незадолго до войны здесь, на юге Африки, были открыты богатейшие в мире месторождения золота. Еще раньше здесь же обнаружены — опять-таки богатейшие в мире — месторождения алмазов. Так что бурские республики были обречены...

Захватнические действия Великобритании вызвали решительное осуждение у многих народов мира. Тысячи добровольцев готовы были ехать в Южную Африку, чтобы сражаться на стороне буров. Но дале-

ко не всем из них удалось выполнить свое намерение — ведь к началу войны бургские республики уже находились в кольце британских владений.

Между прочим, в рядах английского воинства пребывали и известный журналист Уинстон Черчилль, и военный врач Артур Конан Дойл. Если автор Шерлока Холмса был к тому времени уже всемирно знаменитым писателем, то никто еще не мог предполагать, какую карьеру сумеет сделать отставной кавалерийский офицер Черчилль.

Попирая самым бесчеловечным образом законы войны, а заодно и соответствующие международные соглашения, расстреливая или прикалывая штыками на месте пленных и раненых, загоняя в концентрационные лагеря стариков, женщин и детей — где они тысячами умирали от голода и болезней, имея к тому же почти десятикратное превосходство в численности вооруженных сил, англичане после трех лет жестокой и позорной для них войны присоединили земли бургских республик к своим южноафриканским колониям. В это время и были сделаны данные надпечатки.

В России, как и во многих других странах, героическое сопротивление буров нашло горячее сочувствие, тем более что отношения между Россией и Великобританией в то время были далеко не безоблачными. Поэтому русское правительство не чинило препятствий добровольцам, желающим повоевать на стороне буров. В числе последних был и отставной гвардейский офицер, будущий военный министр Временного правительства, лидер октябристов Александр Гучков. Возвращавшихся на родину участников бургской войны чествовали как героев.

«Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне», — эти слова Олег Павлович пропел ровным, немного печальным голосом.

В наши дни эта песня уже давно и прочно забыта, но еще до начала тридцатых годов ее в нашей стране знали все или почти все. Незамысловатую, но необыкновенно популярную мелодию «Трансвааля» играли даже шарманки.

Да, настоящие филателисты за невзрачными на первый взгляд буквами и цифрами надпечаток видят иногда счастливые, а иной раз и трагические изменения в судьбах стран и народов.

(Продолжение следует)

В – А, Марья А., писательница.

Авт. пов. «Яша» \ \ Москвитянин (Посв. Пановой) 1854. Т. У, У1. №№ 19 и 24; пов. «Старый друг лучше новых двух» (Посв. П-ву) \ \ Там же. №№ 20, 21, 22.

Слов. рус. писательниц.

–ВА.

Авт. очерка «Няня» в вып. 12 «Наших, списанных с натуры русскими» (СПб., 1842). Версия о принадлежности криптонима М.С. Жуковой (см) оказалась несостоятельной (см. Прилож. к сб., изданным в Москве в 1986 с. 93).

Слов. рус. писательниц.

В – Р Е. А. (урожд. Ушакова) (или наоборот)

«Распространение Евангелия на татарском языке между муллами: Из писем симбирской помещицы» \ \ Странник. 1867. № 3.

Слов. рус. писательниц.

В – Я М. С – ВА.

Авт. ст. «Чувства любящего сердца» \ \ Приятное и полезное препровожд. времени. 1797. Ч. 13. С. 136.

Слов. рус. писательниц.

ВЕРА Н.

Учств. в сб. стихотв. современных русских поэтов. 1880-1886 «Мысли и чувства». Вып. 1. М., 1886.

Розанов.

ВАВИЛОВА Валентина Иосифовна (в замуж. Исакова; 1876 – ?).

Земский врач в Любимовском уезде Ярославской губ.

Венгеров. Источ.

ВАВИЛОВА Е.Н.

Сотр. журн. «Коопер. Жизнь» (1914) – В-ва, Е.

Масанов.

ВАГАНОВА Агриппина Яковлевна (1879 – 1951), авт. воспоминаний.

Балерина, балетмейстер. Проф. Ленингр. хореографич. училища. См.: «Агриппина Яковлевна Ваганова: Статьи. Воспоминания. Материалы. Л.-М., 1958 (ил).

ИДРДВ. Т.4. Ч. 4. № 7677 а, 7678. Личн. арх. фонды. 3.

ВАГАНОВА Е.

«Из хроники семейства Львовых». – «Рус. Старина», 1898, № 12, с. 539-549 (О Елиз. Ник. Львовой (см), истории ее женьитьбы и жизни).

ВАГНЕР М.П. (урожд. Балабина; псевд. Moncalme).

Авт. кн. «L'origine de la pense et de la parole». Paris, 1900.

ВАДБОЛЬСКАЯ Варвара Алексеевна (урожд. княжна Оболенская; псевд. Криницкий, М.; 1817 – 1868), беллетристка, переводчица.

Обществ. взгляды развились под влиянием статей М.Н. Каткова. Писать стала уже в зрелом возрасте. Первое произв. – роман «Узкий путь» под псевд. Криницкий М. – имя героя романа (1858). В «Биб-ке для чтения» в 1861 напечатала ром. «Записки холостяка», представив московского барина, решившего накануне отмены крепостного права сменить праздную лень на служение народу. Выступала также в жанре этнографического очерка: «Деревенские предания» – о Полтавщине. Как перев. с нем. совм. с С.Т. Славутинским выпустила «Очерки из истории и народных сказаний» А.В. Грубе, выдержавшие более 10 изданий. Перевела также «Всеобщую историю литературы» И. Шерра, «Учебник всеобщей истории Эзера, обработанный для женских уч. заведений Георгом Вебером». М., 1864 и др. Осуждая польское восстание, выступила с резкой ст. «Польские женщины в нынешнем восстании» (1864). Мезьер приписала В. нек. произв. прозаика Марка Криницкого.

Русские писатели; Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров. Сл.

ВАДЗИНСКАЯ А., дет. писательница.

Авт. кн. «Бабушкина семья: Рассказ из жизни домашних животных» М., 1914; 2-е изд. 1915.

Венгеров, Источ.

ВАДИНСКАЯ.

(См. Ширяева Г.К.).

ВАЙНШТЕЙН Софья, литератор.

Д-р Брюссельск. ун-та. Сотр. в журн. «Вестн. Евр.» (1900, № 10) – В-штейн, Софья. Авт. кн. «Г-жа Сталь, мыслитель переходной эпохи» (СПб., 1902).

Масанов; Венгеров. Источ.

ВАЙСБЕЙН Мария А. (псевд. Ван, Мария), журналистка 1910-х гг.

Сотр. в «Нов. Журн. для всех» (1913); в журн. «Искусство и жизнь» (1915); в «Вестн. знания» (1916) – В-н, М.; Ван, Мария; Ван, М.; М.В. М.б. вместе с М.К. Вайсбейн писали для детей. Масанов; Венгеров. Источ.

(Продолжение на стр. 65)

Как сварить обед в одном полене

В походных условиях нередко возникает проблема обустройства костра в сыром месте. Не всегда условия позволяют разжигать прямо на земле. Мы представляем вариант, с помощью которого можно приготовить пищу и на снегу, и на плоту, и в других условиях, когда костер не должен гореть прямо на земле.

1 Берем сухое смоляное полено (около 50 см длиной и не менее 30 см в диаметре) и делаем три прошила до середины (или чуть глубже)

2 Поджигаем бересту и опускаем в центр прошилов.

3 Когда от бересты внутри занимается пламя, воздух поступает через прошилы

4 Набираем котелок воды и ставим его на огонь. Можно готовить пищу!

Александр ГРАФФ,
фото Евгения САВЕНКО

Записки очевидца

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

ЧЕРТОВО ГОРОДИЩЕ

«Чертово Городище» — зовут эти причудливые скалы. Вместе с Каменными Палатками, которые теперь уже оказались внутри растущего Екатеринбурга, Чертово Городище – самый доступный каменный памятник. Добраться к нему можно со станции Исеть или со станции Гать.

С Гати хорошо утопанными тропами, а потом по просеке надо идти на запад, пока не откроется на вершине лесистой горы стена башен и плит с торчащими над ней высокими «останцами».

В районе Чертова Городища есть и другие высокие каменные гряды, но в тот выходной день мы решили пойти именно на Чертово Городище.

Командой из восьми человек (пятеро парней и три девушки) мы прошли через лес, миновали три холма, и неожиданно среди деревьев перед нами предстала темная громадина камней. Мне она почему-то напомнила некий старинный корабль. Кто бывает здесь впервые, тот будет, по меньшей мере, удивлен формами и строением этих скал. И непонятно – по какой причине они стоят тут, возносясь над близстоящими деревьями и кустарником.

Высоко, на двадцать метров, как сторожевые башни, как вымершие чудовища-динозавры, стоят выветренные серые и бурые скалы. Взобраться на них не сложно, но на некоторые трудно или вовсе невозможно без специального альпинистского снаряжения и тренировки.

Никакого специального снаряжения мы не взяли, но стали свидетелями скалолазания группы молодых людей. Они штурмовали главенствующую скалу, которую называют «Чертов палец» или «Хозяин Чертова Городища». Когда-то на эту скалу вела лестница, а на вершине располагалась смотровая площадка. Но теперь она уже не выполняет своих функций.

Однако наши ребята тоже не остались в стороне. Парни ловко залезли на близлежащие каменные блины и помогли сделать это девушкам. Надо было лишь быть внимательным, чтоб не поскользнуться и не рухнуть вниз. Но наш путь наверх окупил себя. Даже и с небольших доступных скал нам открылся прекрасный вид на окрестные леса. И такой простор вокруг, что чувствуешь себя птицей, забравшейся в поднебесную высоту. Все мы смогли насладиться этим приятным зрелищем. Здесь начинаешь понимать, как велика сила природы, как терпелива работа солнца, ветра и воды.

Этот выходной мы с друзьями провели на природе у Чертового Городища, а вечером отправились домой в город. Путь обратно на электричку не занимает большого времени, главное – не сбиться с дороги.

Чертово Городище посещает много екатеринбуржцев. Приезжайте. Здесь будет интересно и детям, и взрослым.

Пицца богов

До сего дня Вадим оставался обыкновенным человеком. Нет, вы не подумайте, что он чудил или по принципам каким-то — просто боялся. Когда стимуляторы появились, Вадим даже успокоительное пил. Потом, когда люди «пигментами» начали становиться, бросил — помогать перестало. Тяжело ему психологически было переносить зеленых и красных соседей. Казалось это нездоровым разноцветьем. Когда же голубых или фиолетовых встречал, вообще в ступор впадал. Благо в его районем центре таких мало было: били их красные — они же сильные, но туповатые. А ведь после того как все стимуляторы стали принимать, окрасились все очень быстро. Побочный эффект такой обнаружился. Нервничал Вадим, переживал... Но еще больше расстроился, когда обнаружилось, что во всем околотке он единственный обыкновенный человек остался. Соседи на него кисло так смотрели, подозрительно. Даже зеленые, которым вроде умным быть полагается, носом крутили, вопросы задавали и оправданиям не верили. Подозревали страшное и намекали на мерзкое. Участковый вон даже заходил, на учет поставил. На всякий случай, говорит, а вдруг завтра убьешь кого?

Но и тогда Вадим по своей природной трусливости не пошел никуда. Просто заперся в доме, благо работа позволяла — Вадим из дерева фигурки делал да сдавал в магазин сувениров. Красивые у него получались, по полметра каждая, расписные. Вот и жил теперь: за едой и сразу домой, сдать фигурки и тихонько дворами — и в лес иногда за интересными деревяшками. Так бы, наверное, и жил. Да в ящик повестку бросили. Официальную. Так-то и так-то, явиться в районную аптеку для получения стимуляторов, со скидкой предусмотренной, согласно постановлению, при себе иметь, приятного существования. Повздыхал Вадим, собрался и пошел. Шел, и неуютно ему было. По сторонам поглядывал. Вот представил он такую картину. Будет применять стимулятор, и станет он через некоторое время... «Интересно, а каким я стану?» — вдруг подумалось ему. И действительно? Как-то не представлялось, что будет он ходить, например, зеленый и умничать. Красным он быть не хотел. Вон сосед его Пашка: красный — образина страшная. А вот. Что дает голубой цвет? Или фиолетовый? А может, еще другие цвета есть? «Как бы проведать?» — спросил сам себя.

— Ага, собрался-таки! — услышал Вадим участкового.

Тот, видимо, караулил его, у коптилки коопкомовской. Стоит, как коршун зеленый, об заборчик опирается, фуражку серую мнет — гадкое зрелище.

— Здравствуй, Олег! — поздоровался Вадим вежливо.

— Это ты правильно. Это давно пора. Интеллектуальные возможности в нашей стране лишними не бывают. Так что выполни долг гражданина.

Вадим немного растерялся.

— Да я еще не знаю...

— Что не знаешь?

— Ну, может, другой какой цвет...

— Красный? — спросил участковый грозно.

— Нет-нет, Олег! Зачем же красный...

— Ты смотри у меня — красный! — аж притопнул участковый от досады. — Я же добра тебе хочу. Ты что, на заводе пашешь или поле потом удобряешь? Нет. Ты человек образованный. Тебе надо оттачивать данные тебе от природы способности! Прирастать знаниями. Вот посмотри на меня. Я не бог вещь какой интеллектуал-то был. Так, школа милиции. А теперь? Я свободно читаю на пяти языках. Читаю Шекспира на английском. Впитываю в себя сейчас книги Кастанеды, Спинозы, Фомы Аквинского. А от красных стимуляторов тупеют. Так что смотри!

— Но поговаривали, что физически слабеешь, — неуверенно произнес Вадим.

— Слабеешь. Ну и что? Интеллект как раз позволяет избегать ситуаций, которые могут привести к применению физической силы. Я вот уже не дрался черт его знает сколько времени. А преступников я уговариваю! — участковый с гордостью ткнул себя в грудь, на которой поблескивали какие-то железки с отличием.

Вадиму стало себя жаль.

— Но я же фигурки из дерева вырезаю... — Вадиму, если честно, стало грустно.

— Блажь, Вадим. Блажь! Бесплезное занятие. А у нас библиотекаря нет, красным, паскуда, стал. Учителей не хватает. Управленцев всех уровней. Так что в районную аптеку, покупаешь зеленые стимуляторы и сразу ко мне. Я тебя со всеми нашими познакомлю.

Распрощались они. А у Вадима мыслей в голове полно. Как-то привык он свои фигурки по ночам делать: и на сердце легко у него от этого, и руки делом заняты. Да и не бедствует. Худо-бедно, но ведь покупают его фигурки, а значит, нужны они кому-то! Вот так шел он по своей кривой, плохо асфальтированной улице и размышлял о том, что работа библиотекарем или не

дай бог учителем, это не мечта. Да и вообще — не любил он Шекспира... А навстречу ему человек десять красных. Вадим к стене дома прижимается, прижимается. «Пронесло бы только», — думает. Но красные тупые-тупые, а ловко его в клещи взяли. Самый бледный из них Вадима аккуратно так приобнял и почти шепотом спросил:

— Ты его видел?

— Кого?

Красный сжал его в объятиях чуть сильнее. «Блин, как же его зовут?» — пронеслось в голове у Вадима.

— Не дури. Тут голубой пробегал.

— Я ...

Красный обнял крепче

— ...не видел, — вытолкнул из себя Вадим.

— Точно?

Вадим попытался что-то сказать, потом втолкнуть воздух. Ни то, ни другое не получилось. Только закивал.

— Смотри у меня! — строго сказал Андрей (точно, как же он мог забыть!) и отпустил его. Красные потеряли к нему интерес и сгрудились, что-то обсуждая.

Вадим перевел дыхание и решился спросить:

— Андрюша, а как оно, быть красным?

Тот посмотрел грозно, взял с землю булыжник где-то под двадцать кило и запустил его метров на пятьдесят в забор той самой коптильни, мимо которой Вадим только что прошел. Камень сделал в заборе дырку и где-то ухнул за ним. «Ой!» — слышался голос участкового и его же быстро удаляющиеся шаги. Красные хором выкрикнули «Хей» и побежали вслед этим звукам. Вадим уже было хотел крикнуть, что это никакой не голубой, а зеленый участковый, но решил, что умный Олег и сам в состоянии выпутаться.

– Какую глупость?
– Маленькую. Незначительную. Глупенькую. Нельзя пить стимуляторы всех цветов сразу. Да и трех, и двух нельзя. Теперь за тобой придет скорая и отвезет в одно заведение.

– Меня будут лечить? – спросил Вадим и попытался встать, но не смог.

– Тебя там будут содержать. Ты лежи, лежи. Ходить ты сможешь уже завтра. Побочный эффект. Сейчас я тебе дам попить и поесть, – Маша встала.

– Побочный эффект – это как с кожей?

– С кожей это не побочный эффект. Это основной.

– Основной?

– Ну да. Это такой эксперимент. Всех убедили, что стимулятор стимулирует какие-то особенности человека, – говорила Маша где-то вне поля видимости Вадима. Голос её казался музыкой и успокаивал. – Людям же много не надо. Им веру подавай. Вот все и верят. Вся страна верит. Принимает, становится умнее, сильнее, талантливее, харизматичнее. А на самом деле все, что делает стимулятор – это через несколько месяцев после начала приема окрашивает кожу в соответствующий цвет. Да еще легкий паралич, если принимать разные цвета одновременно.

– Зачем?

Она подошла с чашкой. Приподняв ему голову, она стала поить его теплым бульоном.

– Ну, ты спросил! Я, что ли, это придумала? Сама недавно узнала. Наверное, надо так было.

Вадим выпил бульон. Маша встала.

– А туда, куда меня увезут, я смогу фигурки вырезать? – спросил Вадим.

– Сможешь, конечно. Это же не тюрьма. Обыкновенная резервация где-то у моря. Будешь жить как жил, среди таких же, как сам, – сказала Маша, погладила его и ушла.

Вадим закрыл глаза и заснул. Во-первых, он уже не боялся. Во-вторых, он был счастлив.

ВАКСЕЛЬ Лидия

Слов. рус. писательниц.

ВАКУЛОВИЧ Ольга Петровна (1896 – 1973), авт. воспоминаний.

Живописец. Воспоминания (1913-17) о живописце и педагоге Н.И.Фешине в кн. «Николай Иванович Фешин» Л., 1975. С.97-98. ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 6955.

ВАКУЛОВСКАЯ Надежда (псевд. Лас, Надежда), популяризатор, романистка.

Авт. кн.: «Любовь и вера рыбаки. (Для народа). Из жизни рыбаков». СПб., 1895. «Из жизни женщины или Волны жизни», ром в 2-х ч. «Любовь и вера рыбаки»: (Для народа). Из жизни рыбаков.

Масанов; Указ. заглавий.

ВАЛЕК Раиса Исааковна (1889 – ?), авт. воспоминаний.

Член РСДРП с 1905 г.; жена революционера А.Я.Валека. Работала вместе с ним в Екатеринбург. подпольной большевистской группе и была приговорена к каторге. Долгие годы вела поиск материалов об уральских революционерах. Авт. кн. «Жизнь в борьбе: Воспоминания о большевистском подполье» Св., 1963; 2-е испр. и доп. изд. книги под назв. «А.Я.Валека» в серии «Наши земляки» Св., 1983. Ее воспоминания «Антон Валека в Надеждинске» – в подборке: «Жизнь и борьба уральских рабочих до революции» \ \ Устные рассказы уральских рабочих. Св., 1953. С. 35-36. Воспоминания «Из мрака к свету» напеч. в кн. «Женщины Урала в революции и труде». Св., 1963. С. 180-190 (портр).

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 2568, 3667; Т.5. Ч. 2 № 339.

ВАЛЕНТИНОВА В.

Сотр. «Земли и Воли» (1917) – В.В.

Масанов.

ВАЛЕНТИНОВА Е.

(См. Пирожникова В.И.)

ВАЛЕРСКАЯ Елена Константиновна (псевд. Мельницкая, Е.), член Союза драматич. писателей, 1913.

Масанов; Венгеров. Источ.

ВАЛИАХМЕТОВА М., авт. воспоминаний.

Одна из авторов кн. «Это было в Бездне. (Устные народ. рассказы)». Казань, 1962. (Воспоминания очевидцев и рассказы, бытующие в семьях крестьян о крестьянском волнении в селе Бездна и о роли в нем крестьянина А.Петрова).

ИДРДВ. Т.3. Ч.2. № 2422.

ВАЛИНИ Э.

(См. Шершевская).

ВАЛИЦКАЯ Анна Герасимовна (урожд. Сухотина), переводчица.

Участв. в переводе Гейне для изд. П.И.Вейнберга. Венгеров. Сл., т.У1.

ВАЛИЦКАЯ Л.

«Памятная книжка московской женской гимназии». М., 1904.

ВАЛИЦКАЯ Мария Константиновна (1858 – ?), женщина-врач.

Венгеров. Источ.

ВАЛОВА О., авт. воспоминаний.

«О Ленских событиях: (Воспоминания очевидца)». – «Крестьянка», 1924. № 7. С.6-7; Не она ли напис. «Странички жизни. Рассказы и миниатюры». Одесса, 1913 ?

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 3938.

ВАЛУЕВА-МУНТ Анна Петровна (1856 – 1902), детская писательница, переводчица.

Хорошее образование, навыки труда, языковую и лит. подготовку получила в немец. училище св. Петра в Петербурге. Ее работа о Т.Тассо и пер. ст. Ф.Шиллера привлекли внимание В.П.Острогорского и он посоветовал ей не оставлять лит. занятий. Выйдя замуж за инж. путей сообщения П.М.Валуева, жила сначала в Поволжье, затем в Пскове, где заслужила добрую память благотворительностью. Ее основной лит. жанр – беллетризованные биографии знаменитых людей (в основном западноевропейцев и американцев) для детского и юношеского чтения (Оливер Голдсмит, Теодор Кернер, В.Франклин, А.Линкольн, А.С.Пушкин, Елизавета Кульман, Х.Колумб... Герои интересны ей как люди, вышедшие из народа или посвятившие себя его благу. Она авт. кн. «Две матери. (Екатерина Гете и Катерина Байрон)» (1894). Ей принадлежит ряд историч. и этнограф. рассказов. Хорошо была принята кн. «По великой русской реке. Очерки и картины Поволжья» (1895). Переводила Ч.Диккенса, а также кн. Г.Ф.Ричардсона «Как читать книги, чтобы они приносили нам пользу».

Русские писатели (Мунт-Валуева); Масанов; Венгеров. Сл.

ВАЛУЕВА Т.П., переводчица 1900-х гг.

Венгеров. Источ.

ВАЛЬБЕРХОВА Мария Ивановна (1788 – 1867), переводчица.

Актриса. Пер. с нем. драму. Венгеров, Источ.

ВАЛЬДЕК София Петровна (урожд. Авербух), переводчица драматич. произведений.

Родилась в Умани Киевской губ. Венгеров. Источ.

(Продолжение на стр. 67)

Финальные строчки

Всем графоманам и «графоманам» посвящается...

«Наступила беспросветная чёрная ночь, полный абсолютный мрак за исключением одной только узкой, светлой полоски, окаймлявшей край горизонта с восточной стороны...»

Виктор откинулся в кресле, положил руки за голову и с наслаждением, чувствуя как похрустывают суставы, потянулся. Закрыв глаза и, не глядя, шлепнул рукой по столу — нащупывая пачку с сигаретами. Прикурил — выпустив струйку сизого дыма в экран. Рассеянно оглядел только что написанный абзац. Добавил еще одну запятую, перечитал и, отшвырнув тлеющую сигарету, вышел на балкон.

Где-то за спиной тихо, но укоризненно пискнул уборщик, подбирая с пола окурки и подчищая остатки пепла. Виктор лишь раздраженно повел плечами и поднял лицо к яркому полуденному солнцу. Все-таки насколько мудро он поступил три года назад, купив квартиру не в центре душной, пропитанной вонючим смогом Столицы, а в пригороде. Пусть это и стоило в три раза дороже, все равно эти затраты окупались сторицей: свежий воздух и здоровье стоят дорого...

Впрочем, сейчас ему действительно все равно. Абсолютно и с большой буквы.

Он вернулся в комнату, плюхнулся в кресло, прикурил очередную сигарету и мрачно уставился в экран, стараясь не смотреть на листок Извещения, сиротливо лежащий на краю стола.

По большому счету выбор у него не слишком богатый. Вариант номер раз — бросить писать. Совсем. Отдать пару команд компьютеру, поглядеть на то, как операционная система деловито перемелет несколько десятков файлов в чреве компьютера, и завтра начать искать себе новую работу. Вариант номер два — другая пара команд, и текст через пару минут будет у Редактора. Еще пара минут, и он узнает результат.

Виктор нервно сглотнул, почувствовав, как горло внезапно стало сухим, а язык вполне успешно прикинулся листом наждачки. Пара минут и результат. Итог. Решение. Черта. Финита.

Чтобы избавиться от сухости, пришлось идти на кухню к холодильнику. Древний, купленный за бешеные деньги агрегат молча смешал водку с тоником, опять

забыв добавить лед. Потребовалось самому лезть в морозилку и выкопывать из гнезд скользкие в пальцах кубики.

С бокалом в руках он опять вернулся к креслу. Отпил пару глотков, поглядывая на текст. Пролистал несколько страниц, взвешивая «за» и «против». Прочел финальную фразу и, скривившись, заменил пару слов. В конце концов, что он потеряет, перестав писать? Деньги? На первое время хватит. Работа? Тоже не проблема — рабочие руки нужны всегда. Так чего? Почему он все еще сидит и размышляет над тем, что выбрать, если результат выбора практически известен? В конце концов, что для него литература?

Гротеск и юмор. Драма и сатира. Толика мистики, сдобренная приправой из рифм. Игра словами. Это похоже на искусство жонглера, хладнокровно подкидывающего бритвенной остроты кинжалы. И от того, насколько опытен и талантлив жонглер, зависит, останутся ли целыми руки и тело.

Виктор горько усмехнулся. Год назад ему еще казалось, что он знает, как жонглировать сло-

Виктор

Алексей Анатольевич Федотов родился 21 сентября 1973 г. в г. Саратове. Закончил Саратовский государственный университет по специальности химическая физика.

Имеет ряд публикаций в российских и зарубежных изданиях. Участник фестиваля фантастики «Аэлита» с 2004 г., а с 2006 г. — член оргкомитета фестиваля.

вами. Тогда Редактор ещё выдавал ему зеленые отметки, и через пару дней по почте приходили свежееотпечатанные авторские экземпляры, а счет пополнялся на кругленькую сумму. Полгода назад первый сбой в этой, казалось бы, отлаженной системе — и оранжевая отметка, тускло мерцающая в углу экрана. Месяц назад вторая, и маленький, бумажный — как дань традиции, листок Извещения.

Редактор честен по отношению к своим авторам, и у автора есть право выбора. Пока еще есть.

Второй бокал он ополовинил еще по пути от холодильника. Меланхолично посмотрел на то, как огненной радугой вспыхивают и умирают на ледяных гранях разноцветные искры. Поставил опустевший бокал на стол. Лизнул большой палец правой руки и прижал его к тонкому пластику экрана. Подождал, пока компьютер проведет идентификацию личности и отправит текст Редактору.

Третью порцию коктейля он поставил на стол рядом с листом бумаги. С минуту постоял на балконе, глядя на то, как где-то далеко внизу торопливой пестрой лентой движется людской поток, едва различимый со стометровой высоты. Затем вернулся в комнату и достал очередную сигарету. *Не было ничего удивительного, что он так разволновался*, а табак давал хоть слабую, но все же иллюзию спокойствия. Прикурил и в приступе злого шутовства поджег листок, с удовлетворением глядя на то, как тонкая, но жадная полоска огня пожирает по-канцелярски скупые слова Редактора. Два удара сердца — секунда. Две секунды — слово. Четыре — строка.

Сначала рассыпалось в прах «Извещение». Затем «... тюремное заключение на срок до...». Последним, словно в издевку, истаяло дымом «В соответствии с законом о графоманстве...».

ВАЛЬДЕН де Мария Дмитриевна, драматич. писательница 1870–х гг.
Венгеров. Источ.

ВАЛЬДЕНБЕРГ Надежда
Авт. кн. «Державин. 1816–1916. Опыт характеристики его мировоззрения». Пг., 1916.

ВАЛЬДЕНШТЕЙН О.А., переводчица 1900–х гг.
Венгеров. Источ.

ВАЛЬДМАН Вера Семеновна (1884 – 1962), писательница., переводчица.

Вместе с М.Е.Лембергом пер. ром. Т.Манна «Буденброок» М.-Л., 1927. О ней: Лит. газ. 1962. № 87. Писатели Ленинграда. Л., 1964. Мацуев.

ВАЛЬМИ Полина
Авт. кн. «В погоне за любовью». Изд. «Польза», 1914.

ВАЛЬТЕР Софья Александровна (псевд. Александрова-Волчанская, С.; ? – 1913), дет. писательница.

Сотр. в «Задуш. слове» 1900 гг. Масанов; Венгеров. Источ.

ВАЛЮС Анна Витальевна (псевд. Вальцева, А.), прозаик.
Масанов.

ВАМПИЛОВА Варвара Владимировна (ок. 1887 – 1914), авт. популярных статей .

Первая фельдшерка в Бурятии. Окончила мед. школу в Иркутске (1907); работала среди бурят, пользовалась огромной популярностью. С 1911 до 1913 – слушательница курсов П.Ф.Лесгафта в СПб. Сотрудничала в местных изданиях. Погибла, заразившись тифом на эпидемии. О ней: Светлой памяти редкой культурной работницы. \\ Далекая окраина. 1915. № 2540.

Петряев. Краеведы...

ВАН Мария, переводчица с англ. (1900).
Венгеров, Источ.

ВАНЕЕВА (Лосева) Екатерина Николаевна (1876 – 1962), авт. воспоминаний.

Слушательница историко-филологич. факультета. «Жизненный путь бестужевки-революционерки». — В кн. «Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы». Л., 1965. С. 280–284.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 6265.

ВАНТОРИНА Наталья Алексеевна (урожд. Стогова; 1899 – ?), авт. воспоминаний.

Член РСДРП с 1917 г. «Мой путь в революцию» \\ Московские большевики в огне революционных боев: (Воспоминания) М., 1976. С. 379–384.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 2536.

ВАРВАРКИНА Зинаида Федоровна (1895 – ?), поэтесса.

Род. в г. Осташкове Тверской губ. Авт. кн. «Лепестки». Стихи. Тверь, 1924. О ней: Писатели современной эпохи. М., 1928.

Розанов; Мацуев.

ВАРЕНЦОВА К.

Авт. ст. «Одна из слабых сторон нашей благотворительности» («Женское дело», 1900, № 3).

ВАРЕНЦОВА Ольга Афанасьевна (1862 – 1950), мемуаристка.

Историк; партийный и госуд. деятель. Авт. ряда работ по ист. ВКП(б) и воспоминаний: «Расстрел иваново-вознесенских рабочих 10 августа 1915 года. — В кн. «Грозные годы: Воспоминания старых коммунистов». Иваново, 1961, с.93–95; «За ним шли, ему верили»; «Два смертных приговора». — В кн. «Воспоминания о Фрунзе». Иваново, 1959, с.35–44; «Михаил Васильевич Фрунзе в Иваново-Вознесенском районе. — «Пролетарская революция», 1925, № 12, с. 204–212.; «Северный рабочий союз». — «Пролет. рев.» 1922, № 9, с.3–39. Редактировала (вместе с др.) сб. «1905 год в Иваново-Вознесенском крае». Иваново-Вознесенск, 1925. О ней: Большевик П., Горбунов Г. Ольга Афанасьевна Варенцова. М., 1964.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 2549, 2551, 2755–2756, 2758, 2981; Т.5. Ч. 2.

ВАРЖЕНЕВСКАЯ Е.А., поэтесса.

Сотр. в «Русском вестнике» (1890). В этом же журн. напечатаны ее стихотв. «Как часто мы приметам суеверным...» (1900. № 10. С. 484) и «Давно тебя я жду нетерпеливо» (1896. № 11. С. 129). Авт. стихотв. в журн. «Рус. Обозрение»: 1894. № 6. С.242; № 9. С.376; 1895. № 2. С.803

ВАРИН Лариса.

Авт. «Муза Барковская», ром. Пг., 1915. 3-е изд. М.И.Семенова.

ВАРКОВИЦКАЯ Лидия Моисеевна (1892 – ?), писательница.

Род. в Одессе в семье служащего. Ее мать писала стихи и дет. пьесы. Оконч. гимназию и два курса юридич. фак-та Высших женских курсов. Начала печататься в 1923 в свердловском журнале «Товарищ Терентий». Переводила с франц. и нем. Написала несколько пьес для радио, сценарий детского фильма «Чудесный корабль», рассказы и Розе Люксембург, пов. о детях колхозной деревни.

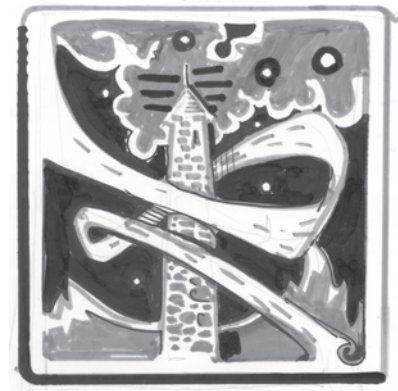
Дет. писатели; Мацуев.

ВАРЛАМОВА Инна

(См. Ландау К.Г.)

(Продолжение в следующем номере)

Звездные корабли

Давно замечено — если устроиться поудобнее, запрокинуть голову и долго глядеть в ночное небо, начинает казаться, что смотришь не вверх, а вниз. В бездонную и бескрайнюю пропасть, где разбросаны мириады разноцветных огоньков, больших и маленьких, ярких и еле заметных, белых, желтых, красных. Звезды висят неподвижно, перемигиваясь друг с другом, далекие и холодные. Иногда одна из них вдруг оживает и начинает медленно ползти по черному бархату, и тогда думаешь, что любая из них может рано или поздно также сойти с места и пуститься в плавание. А потом либо медленно потухнуть, либо исчезнуть за горизонтом. Вот как сейчас.

Они сидели у поворота, на прогретой за день траве, и молча смотрели, как проплывшая через небосклон Большая Белая Звезда медленно исчезала в красноватом городском свечении.

— Крейсер, — прошептал Дан. — Класа А. Дальняя разведка. Только что вернулся из Глубокого Поиска. Наверное, его здорово потрепали.

Лекс хмыкнул.

— Ага. Кучи монстров накинудись на него прямо в открытом космосе, прогрызли обшивку и сожрали полэкипажа... Дан, ты скоро совсем

с ума сойдешь из-за своей фантастики. Это спутник. Пиндосы утром запустили, я в инете читал. Простой спутник, маленькая куча железа с антеннами и окулярами. Через которые нас сейчас фотографируют натовские военные.

Дан повертел в пальцах сорванный стебель былинника.

— Умеешь ты спустить с небес на землю. Пиндосы... Тут такая красота, медитировать можно, а ты со своими политическими проблемами.

— Проблемы не мои, они общие, — добродушно протянул Лекс. — Пиво будешь? Одна бутылка осталась.

— Проблемы, может, и общие, — рассудительно сказал Дан. — Но и от них отдыхать необходимо.

— Ага, что мы сейчас и делаем. Пиво. Ночь. Красота. Натовские спутники. Что еще надо для счастья? — Лекс откупорил бутылку. — Ну, раз пиво ты не будешь, значит, пиво буду я.

Спутник мигнул напоследок и растворился в мерцании далекого городского центра.

— Вот так, — пробубльнул Лекс. — Загорится и уснет звезда. Нет, я, конечно, тоже уважаю фантастику. «Звездные войны» там всякие. Круто. Инопланетяне. Но жить-то надо

здесь и сейчас. А ты, Дан, мне иногда кажется, живешь там. А здесь только время от времени существуешь. Это чревато.

Было уже часа два ночи. Микрорайон безмятежно спал, в соседних многоэтажках светилось от силы два-три окна. По трассе изредка проползали одинокие автомобили. Начинаящийся сразу за дорогой пустырь казался таким же мрачным и таинственным, как и небо над ним.

Дан встал.

— Знаешь, наверное, ты прав. Я иногда по ночам напрочь забываю об этом мире. Представляю, что я далеко. Сейчас — это не сейчас, здесь — это не здесь. Внизу — огромный мегаполис на полмира, а в небе — звездные корабли.

— Я и говорю, сбрендил на фантастике, — буркнул Лекс. — Звездные корабли, туманность Андромеды. Старая советская, да? Я бы еще понял любовь к современной, она интереснее, а весь тот наивняк, что ты постоянно перечитываешь... не, не понимаю. Роботы на лампочках, черно-белые телевизоры во всю стену, радио, коммунисты. Читал-читал. Не осилил. Скука смертная и

АВТОР Сергей Туманов родился в 1973 году в Нижнем Новгороде. Историк по образованию и по увлечению. Был: журналистом, рекламистом, полиграфистом, дизайнером, редактором рекламных журналов, директором типографии и еще кое-кем по мелочи. Писателем-фантастом захотел стать сравнительно недавно, а именно в 2003 году. С тех пор публиковался в различных журналах и сборниках фантастики. Предпочтений по фантастическим жанрам не испытывает, интересуется как традиционной НФ, так и фэнтези, городской фэнтези, космической оперой, киберпанком, альтернативной историей и много чем еще.

пафосная. И вообще — любое чтиво по определению не интересно. Интерактивности не хватает.

Дан молчал, глядя на массивные двери ближайшего дома. Пятнадцатизэтажная высотка с единственным подъездом и вычурными балконами была совершенно темной. Сдали ее недавно, даже строительное ограждение еще не успели убрать. Широкие неосвещенные окна сливались с серым кирпичом стен, и казалось, что в небо врезаются мрачная крепостная башня.

— Нам, кажется, пора, — сказал Дан.

— Как ты определил?

— Не знаю. Почувствовал, что уже можно.

— А до этого было нельзя? — саркастически усмехнулся Лекс.

— Нет, — Дан внимательно посмотрел на приятеля. — Ты думаешь, я псих?

— Я думаю, у тебя была галлюцинация. Такое бывает. От недоедания и излишнего увлечения сказками.

— Может, ты и прав, — пробормотал Дан. — Вот мы и проверим.

Он шагнул к подъезду.

— Там даже охраны нет? — спросил Лекс, поднимаясь и отряхиваясь.

— Сейчас нет. И вчера не было. Даже замка не было. А сегодня поставили электронный. Думают, что этого достаточно. Хотя их можно понять. Кому придет в голову забираться в пустую многоэтажку?

Лекс хохотнул.

— Разве что бомжам и сумасшедшим. Но у бомжей нет того, что есть у нас.

Тяжелая бетонная плита нависала над ступенями, превращая вход в некое подобие мрачной пещеры. Лекс прицепил к запястью фонарик, и узкий луч запрыгал по кирпичам.

— Радуйся. Я ради твоих галлюцинаций такую машинку у Медведя выпросил — закачаешься. — Лекс вытащил из кармана серебристую панель, напоминающую удлиненный наладонник. — Вскрывает любой электронный замок с полпинка, сигарету не успеешь выкурить.

Приборчик раскрылся, мигая небольшим экраном.

— Ты пока глянь, не идет ли кто. Дело почти криминальное.

Дан отвернулся, разглядывая стройплощадку и заросли кустов за ней. Было тихо. По далекой трассе медленно ползла припозднившаяся фура.

Может, и галлюцинации, подумал он. Тогда я сейчас ничего не увижу. На двоих галлюцинации не распространяются.

Сзади раздался негромкий щелчок. Пахнуло сильным запахом свежей краски.

— Готово, — почему-то шепотом сказал Лекс. — Двинули.

Темная парадная действительно напоминала пещеру. Взметнувшаяся от шагов пыль весело плясала в узком луче желтого света от фонарика.

Они осторожно поднялись по широким ступеням вверх, мимо неубранных куч строительного мусора, и остановились у гладкой зеркальной поверхности пассажирского лифта.

— Ты уверен, что он работает?

Дан кивнул и нажал кнопку вызова. Панель озарилась призрачным, синим огнем. Сверху донесся тихий гул приближающейся кабины.

— Предчувствия его не обманули, — пробормотал Лекс, оглядываясь.

Двери разошлись с тихим шелестом, заливая площадку ярким светом.

Лифт был совершенно обыкновенный, какой обычно ставят в новостройках. Серые, отполированные до блеска стены, ребристый пластик под ногами, люминесцентная панель на потолке.

— На каком этаже тебе это прикидилось? — спросил Лекс, заходя внутрь.

— На многих. Я же рассказывал. — Дан стоял, глядя на длинный ряд круглых кнопок с номерами этажей. — Сперва на пятом. Потом на седьмом. В прошлый раз вышло случайно. Сейчас будет труднее. Мне надо сосредоточиться.

Лекс хмыкнул.

— Ну, тогда давай. Сосредоточивайся.

Дан закрыл глаза, прислушиваясь к чему-то неуловимому, что, ка-

залось, было разлито в затхлом воздухе. Потом, не глядя, ткнул пальцем в первую попавшуюся кнопку.

— Четвертый, — констатировал Лекс. — Посмотрим.

Двери сомкнулись. Лифт двинулся вверх.

— Закрой глаза, — сказал Дан.

— Это еще зачем?

— Не знаю. Но так надо. Иначе может не получиться.

Лекс посмотрел на него настороженно. Потом покачал головой.

— Нет, ты все-таки псих. Когда выйдем отсюда, дам телефончик знакомого доктора. Тебе пригодится, — но глаза все-таки закрыл, даже прикрыв рукой для надежности. — Может, еще что надо? Присесть, читать мантры?

— Нет. Просто молчи.

Сквозь веки свет казался красным. Лифт глухо тянул свою песню, иногда громыхая на неотрегулированных стыках. Потом резко остановился. Послышался шелест раскрывающихся дверей. Дан шагнул наружу, держась обеими руками за стены и вдыхая незнакомые запахи. Он еще не открыл глаза, но уже знал, что все получилось.

— А я-то думал, ты врешь, — тихо протянул сзади Лекс. — Блин, никогда бы не подумал, что такое возможно.

К яркому слепящему свету глаза привыкали долго. Вокруг плавали разноцветные радужные пятна.

Лекс хлопнул его по плечу.

— Слушай, а здесь такой бизнес можно открыть нешуточный, в этом доме! Ты подумай только, экскурсии водить, большие бабки зарабатывать.

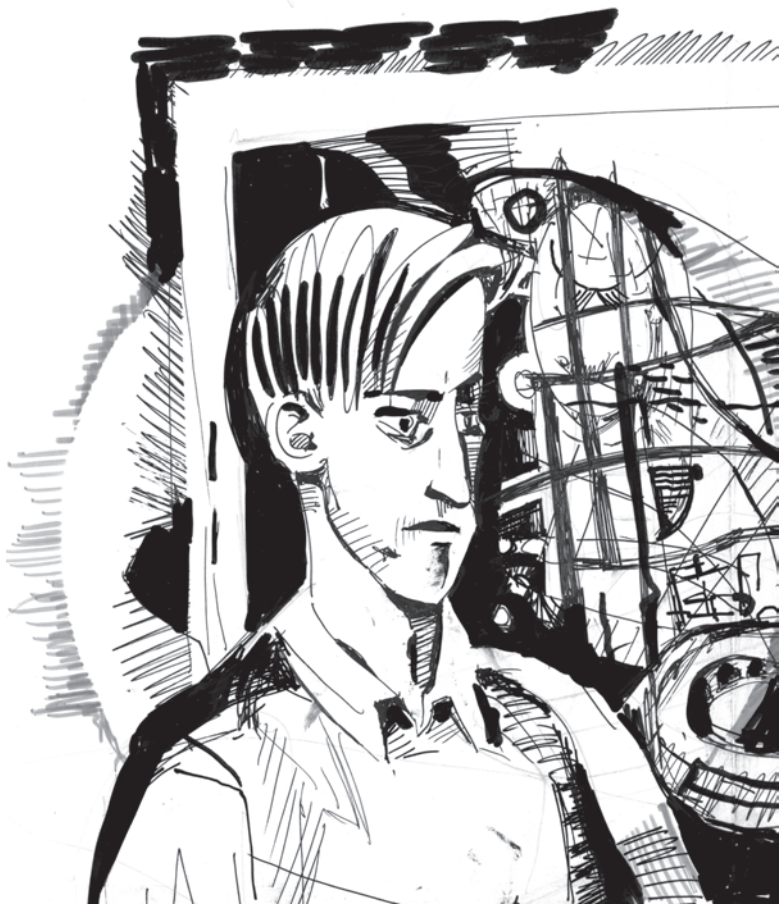
Дан мотнул головой.

— Нет, это не для всех. Не каждый увидит. Я боялся, что и ты не увидишь.

Они стояли на площадке четвертого этажа, залитой светом из огромного панорамного окна справа. Архитекторы любили в последнее время ставить в подъездах такие окна. Теперь рядом с этим окном стоял Лекс и ошалело глядел на улицу. Вернее, на то, что было вместо улицы.

— Где это мы?

Дан подошел ближе.

— Не знаю.

Там, за толстым тройным стеклопакетом, был день. Солнце висело в безоблачном желтом небе, а внизу, вместо пустыря, трассы и дальних городских кварталов, расстилалось каменистое поле, покрытое кривыми засохшими деревцами вперемешку с россыпями серых булыжников. Дальше к горизонту поле терялось в тумане, а над туманом синели отроги далеких гор.

— Похоже на Монголию, — сказал Лекс. — У меня там отец служил. На фотографиях пейзаж в точности такой же.

— Это не Монголия. Я не знаю, что это. Поехали дальше. Здесь мало интересного.

Но Лекс еще долго стоял, прижимаясь лбом к стеклу и вглядываясь куда-то вниз. Потом нехотя оторвался от зрелища и на негнущихся ногах поплелся к лифту.

Двери закрылись. Дан, не долго думая, нажал седьмую кнопку.

— Там были двойные тени, — тихо сказал Лекс, глядя в пустоту перед собой. — От скал. Двойные

тени. Словно за домом всходило еще одно солнце.

Дан пожал плечами.

— Я же сказал. Это не Монголия.

— А что же это?!

— Не знаю. Наверное, это можно считать галлюцинацией. Может, дом стоит в некоем странном месте, которое показывает нам разные интересные картинки. Может, еще что.

Лифт остановился.

На седьмом этаже не было слепящего света. Свет здесь был мягким, почти сумрачным. И зеленым.

— Это уже более интересно, — сказал Дан, подходя к окну. — Здесь хотя бы жизнь есть.

Жизнь за окном действительно была. Дом стоял на широкой поляне, окруженной со всех сторон дремучим лесом. Верхушки вековых деревьев были почти вровень с окном, и нельзя было увидеть, где заканчиваются дебри. Только вдалеке, над зелеными волнами, виднелись странные развалины. То ли обрушенная башня, то ли просто изуродованная ветром за тысячелетия скала.

Лекс вздрогнул.

— Смотри, люди!

На опушке появился всадник. В тени зарослей его было плохо видно. Только силуэт, закутанный с ног до головы в черную материю. Массивный конь переступал с ноги на ногу, трясая гривой и явно стремясь убраться с поляны поскорее.

— Да, — пробормотал Дан. — Люди. Но тоже мало интересного. Поехали на двенадцатый. В прошлый раз там было забавно. Может, и сейчас...

Всадник тронул поводья и скрылся обратно в чаще.

Лекс отвернулся.

— Пятнадцать этажей, и на каждом чужой мир!

— Нет. Миров здесь больше, чем пятнадцать. Если мы сейчас вернемся на четвертый, вполне возможно, обнаружим совсем не Монголию с двумя солнцами. Я уже пробовал вчера. Плохо одно — я не знаю, по какому принципу эти миры тасуются. Это словно рулетка. От нас тут мало что зависит. Поехали дальше.

— А если не на лифте?

Лекс стоял у лестницы и смотрел вверх, туда, где зеленый свет от окна постепенно сменялся черной тенью.

— Попробуй, — усмехнулся Дан.

Лекс шагнул на ступеньку.

— Только осторожно. Когда окажешься в полной темноте, лучше возвращайся назад.

— Здесь довольно светло, — Лекс поднялся еще на пару ступеней.

— Это пока. Потом даже фонарик не поможет.

Лекс повернулся и быстро сбегал с лестницы.

— Ладно, не буду спорить. Поехали.

— Если бы ты пошел дальше, оказался бы на первом этаже. Перед выходом.

— А там?

— Ничего. Стройплощадка. Пустырь. Наш мир. Туда, — Дан кивнул на окно, — нельзя попасть. Можно только смотреть.

На двенадцатый этаж лифт взлетел намного быстрее, чем на четвертый и седьмой.

— Вчера здесь был очень странный мир, — сказал Дан. — Дом словно висел в небе, высоко, чуть ли не за облаками. А вокруг лета-

ли птицы. Разные. Большие, маленькие, белые, разноцветные, с большими полупрозрачными крыльями. Я долго стоял, наблюдая за ними. Кажется, они со мной разговаривали...

— И что говорили? — насмешливо спросил Лекс.

— Не знаю. Я не понял.

На этот раз двенадцатый этаж был темным. Черная бездна глядела на них через окно, сверкая мириадами далеких звезд.

— Куда это нас занесло?

— Видимо, тоже в небо, — усмехнулся Дан. — Но немного подальше.

Ночь за стеклом двенадцатого этажа не имела края. Звездные скопления, далекие галактики, причудливо освещенные туманности были раскиданы по черному пространству. Кроме них, снаружи ничего не было.

— Да, далеко забрались, — сказал Лекс. — Даже близких планет не видно. — Потом добавил: — Это похоже на компьютерный квест. Бегаешь по этажам, смотришь в окна. Только в квестах надо решать какие-то задачи, искать ответы на вопросы. А здесь задач нет. И ответов тоже. Одни картинки.

— Здесь есть задачи, — ответил Дан. — По крайней мере, для меня.

Лекс посмотрел на него непонимающе.

Наверное, дом медленно поворачивался вокруг своей оси, потому как звездное небо постепенно менялось. Одни скопления скрывались, другие показывались из-за края окна. Стоять долго перед такой картиной было неинтересно. Потом Дан вздохнул, пробормотал: «Хватит», и вернулся к лифту.

Они еще долго блуждали по этажам, забыв о времени. Сперва по порядку — тринадцатый, четырнадцатый, пятнадцатый. Постояли у закрытой двери, ведущей на крышу, гадая, что бы увидели там. Потом так же по порядку стали спускаться — четырнадцатый, тринадцатый, двенадцатый. На двенадцатом уже не было далекого космоса, там были какие-то пещеры, искрящиеся сталактиты и подземное озеро с черной, блестящей, как масло, водой. На одиннадцатом было светло

и тепло, был пляж, лазурное море и странный город на горизонте с розовыми стенами и белыми башнями. На десятом тоже было море, но свинцово-черное, тяжелые волны разбивались о голые скалы, на вершине которых угадывались низкие постройки с узкими, тускло освещенными окнами. Девятый, восьмой, седьмой...

На шестом Дан долго стоял у окна, напряженно вглядываясь в городской пейзаж за стеклом. Город был похож на современный, только почище и поуютнее, с маленькими коттеджами среди ухоженных парков. С прямыми лентами дорог, по которым пронеслись причудливые автомобили. Потом Дан сказал: «Не то» — и отвернулся.

А Лекс наконец понял и произнес: «Я знаю, что ты ищешь. Роботы на лампочках, черно-белые телевизоры во всю стену, радио, коммунисты. Да? Не найдешь. Здесь не придуманные миры. Настоящие. По крайней мере, я так думаю». Дан не ответил. Просто нажал очередную кнопку.

Он нашел этот мир только с третьего захода. На девятом этаже. Огромный мегаполис с зеркальными иглами стоечных зданий, монорельсовыми дорогами и многочисленными летательными аппаратами странного вида. Дом висел высоко над городом, время от времени скрываясь в густых белых облаках. Отсюда было видно даже далекое поле космодрома с серебристыми дисками космических кораблей.

— А ты уверен, что у них тут коммунисты и черно-белые телевизоры? — насмешливо спросил Лекс.

Дан был уверен. Неизвестно почему, но что-то говорило ему — это тот самый мир. Справедливый, добрый, с веселыми, уверенными людьми, первопроходчиками, учеными и исследователями.

И тогда Лекс рассмеялся.

— Я понял! Это не настоящие миры. Это всего-навсего виртуальность! — он бесцеремонно оттолкнул приятеля. — Это — экран, а там — компьютерная игрушка. Смотри — здесь даже клавиша есть. И джойстик! — Он протянул руки к

подоконнику, словно сжимая нечто невидимое. — Как мы их раньше не заметили?

Его пальцы запорхали по шершавой бетонной поверхности, будто там и в самом деле были клавиши.

— Смотри, мы сейчас приблизим этот городок, — он двинул ладонью. — Ба, людишки какие прикольные, вот мы их пообедем, будут слушаться, — он обернулся, глянул на Дана безумными глазами. — Это как стратегия. Графика — высший класс. Скоро мы проверим, какие там коммунисты.

Он снова погрузился в свое виртуальное пространство, бешено щелкая пальцами по бетону. Дом продолжал плыть в облаках, но Лексу окно показывало совсем другую картинку. Это индивидуально, подумал Дан. Каждый рано или поздно начинает видеть там что-то свое. Если бы я проводил ночи напролет, убивая монстров по закоулкам, я бы, наверное, тоже видел не то, что вижу сейчас. И, наверное, также был уверен, что вижу нечто несуществующее. Чего не было, нет и никогда не будет.

Он не смог долго смотреть, как мир его мечты превращается в простую забаву для свихнувшегося геймера. Нагнулся, нашаривая в сваленной на полу куче мусора что-нибудь тяжелое. Пробиться наружу, доказать себе, что это может быть, что это не сказка, не игра. Что это может быть реальным.

Толстый стеклопакет выдержал. Кирпич раскололся в мелкие куски, рассыпавшись на подоконнике. На стекле не осталось даже трещины.

Лекс отскочил в сторону.

— Эй, ты чего! Дорогой же монитор наверняка! Псих!

Но Дан его уже не слышал, перекакивая через ступени. Вниз, вниз. Темнота нахлынула внезапно, скрыв стены и вопли Лекса за спиной.

Входная дверь подъезда вылетела навстречу из мрака, он толкнул ее всем телом, не задерживаясь ни на секунду, и успел только почувствовать, как земля уходит из-под ног. А потом зажмурился, встречая ударивший в лицо ветер с легкими перьями облаков.

Ночной роман по телефону

«Крутится испанская пластинка...»

Давно стемнело. Близится полночь, и пора на покой, но в голове ещё сумбур прошедшего дня, ещё одного из многих, когда ты взвалила на свои плечи новый интересный, но сумасшедший по трудности телевизионный проект на тему нашей засекреченной, порою забытой и непредсказуемой истории. И все дни стали похожи на бег с предельно допустимой скоростью. Сегодня пронёсся ещё один. Надо и его осмыслить, «подытожить»... Господи, надо же, наконец, уснуть...Стараюсь не смотреть на часы. Они у нас электронные, цифры крупные, светятся и видны издали. А на исходе суток они, как дьявольский хитрый глаз: чего бы ты за день ни достигла, ровно в полночь итог на циферблате всегда мерзопакостный — только нули. А завтра всё опять сначала...

«Чтобы быстрее уснуть, надо сосчитать до трёх, или... до половины четвёртого!» — рецепт одной великой актрисы. Только всё равно не поможет. Но я знаю, что в этот поздний час в городе не спит ещё один человек, это женщина уже в годах, мы совсем недавно познакомились. В миллионном городе так бывает: ходим по одним и тем же улицам десятилетиями, но так и не знаем детскую отгадку, как в одно слово соединить: «Совы летели. Совы упали?» Это «сов падение» почему-то не случилось раньше, о чём приходится теперь сожалеть. А когда произошло, начинаешь понимать, что ты недополучил в этой жизни частицу очень важной доброй энергии. Знаю, несмотря на поздний час, она рада будет моему звонку, и поднимаю телефонную трубку.

Всяких острых проблем мы не касаемся, их всё равно не решить. Но как их снять? Хотя бы до утра? Лекарство — только музыка. Сегодня — музыка стиха. И я прошу: почитайте мне что-нибудь из ваших любимых поэтов.

— Я могу и прозу, например «Нунчу» — из «Сказок об Италии» Горького. Выучила ещё в детстве, читала даже когда-то раненым в госпитале. Но этот рассказ длинный. Если захотите, прочту как-нибудь в следующий раз, а

сейчас — Константина Симонова. Вообще-то я знаю наизусть половину его стихов. И самое моё любимое:

*...Крутится испанская пластинка.
Изогнувшись в тонкую дугу,
Женщина под чёрною косынкой
Пляшет на вертящемся кругу.
Одержима яростною верой
В то, что он когда-нибудь придёт,
Вечные слова «Vo te quiero»
Пляшущая женщина поёт.
В дымной, промерзающей землянке,
Под накатом брёвен и земли,
Человек в тулупе и ушанке
Говорит, чтоб снова завели.
У огня, где жарятся консервы,
Греет свои раны он сейчас,
Под Мадридом продырявлен в первый
И под Сталинградом — в пятый раз.
Он глаза устало закрывает,
Он да песня — больше никого...*

Голос в трубке звучит дальше и так захватывающе, что ты уже не здесь, ты где-то там, где ещё земля гудит канонадой войны и глаза уставшего от боев командира греет отсвет далёкой любви.

— А хотите, прочту что-нибудь из Волошина?

*Кто ты, Россия? Мираж? Вождельенье?
Была ты или нет?
Омут. Стихия. Головокруженье.
Бездна! Безумие! Бред!*

Это 1919-й переломный год. Только четыре строки, а в них вся эпоха. Тогда он принимал и обогревал у себя и белых, и красных — всех, кому в это время было плохо. Вспоминаю, как в шестидесятых годах наша группа, не раз бывавшая в служебных командировках в Феодосии, как-то выбрала свободный день и отправилась

Гладкова Инна Марковна, тележурналист, автор публицистических рассказов и эссе об истории Урала. Лауреат премии губернатора Свердловской области 2001 года за телесериал «Екатеринбургские тайны». Ныне живет в Германии.

**Нина Альбертовна Огородникова–Вурцбахер–
Андреоли**

в Коктебель — в «край синих вершин», официальное название — Планерское. Идём, прежде всего, в Дом-усадьбу Максимилиана Волошина — поэта, художника, археолога. Жена — Мария была ещё жива, но к старости ослепла. И когда мы позвонили, нас не пустила. Мол, люди недобросовестные приходят, и что-нибудь после этого пропадает.

Стоим в растерянности у калитки, мне мои спутники командуют: «Читай!» И я начинаю его сказку о Таиах, древнеегипетской красавице. Никто не знает, кем она была: то ли — родственницей фараона Тутанхамона, то ли одной из его жён. А может — это богиня Солнца, вдохновившая поэта? Давно знаю эту поэтическую легенду. Читаю. И мы видим, как женщина у полуоткрытой двери начинает плакать.

— Вы знаете стихи Волошина? А мне казалось, что его давно забыли! — С этими словами нас милостиво пустили даже на второй этаж, в его мастерскую, где стоит бюст красавицы с огромными, в пол-лица, глазами. Бюст когда-то нашли при раскопках, в которых участвовал и Волошин. Для него сделали хорошую копию из глины. Он её привёз домой и тщательно оберегал. Это был его талисман, его «аку-аку». А в годы войны, когда Крым оккупировали немцы, жена художника спасла важную реликвию, закопав её в саду. Она спасла также обломок корабля, якобы гомеровского времени, тоже важный археологический трофей Волошина, привезённый из раскопок. Не знаю, как теперь, но в советское время он тоже был в экспозиции Дома-музея.

Я поделилась с моей ночной собеседницей собственными воспоминаниями о восхождении к могиле Максимилиана Волошина — ведь она расположена на довольно высоком холме, с которого открывается замечательный вид и на Коктебельскую бухту, и на размещившийся под Карадагом уютный городок.

— Раз вы там бывали, то, наверное, знаете, что в своём завещании он просил памятника ему не ставить. Но так уж сложилось, что каждый, кто туда поднимался, нес к этому захоронению морскую цветную гальку с подножья Карадага и укладывал в могильный квадрат. Однажды мы притащили достаточно большой камень. Захватили с собой красную краску, какой мазали «морды» наших ракет, и, несколько переиначив стихи поэта, написали:

*В бесплодных поисках за ней
Ты исходил земные тропы:
От Гималайских пустырей
До знойных пристаней Европы.
Теперь же, превратясь во прах,
Оставил людям в назиданье
Легенду-сказку о Таиах —
Любви немеркнувшей признание.*

Камень этот установили в изголовье, но потом он от ветра и солнца, к сожалению, раскололся.

Трубка замолчала. А я вспомнила две чудные акварели в Доме-музее Волошина и под ними замечательные подписи автора:

*Всё замерло: дома, деревья, тучи
В лиловом омуте осенних вялых вод.*

И вторую:

*От берегов пустынных вод
Вдоль по ступеням плоскогорий...*

С воспоминаниями в мою комнату будто дохнул тёплый, с солёным вкусом, зюйд-вест, со стороны давно уснувшего вулкана Карадаг эхом отдалась сладкая музыка прибой, а над одинокой гордой могилой на горе зашелестела ветла.

— Вы когда-нибудь стремились на профессиональную сцену?

— Никогда. Я стихи читаю исключительно для друзей. Люблю классику, но в голове у меня больше поэты моего века, особенно лирика военных лет. Конечно, Симонов, Твардовский, Светлов, погибший и сегодня почти забытый Иосиф Уткин, поэт моей юности. Много в моей голове стихов. Все спрашивают, как я всё это помню, несмотря на сильный возраст? Да. Мне уже за 80. Просто вот такая память. Есть у учёных такое мнение, что наш мозг не запоминает, а имеет возможность каждый раз, может, из Космоса, брать искомый материал. Может быть, это так? Меня часто спрашивают: как я выучила столько стихов и текстов? А я их не учила никогда. Просто читала. А потом, что нравилось, могла воспроизвести.

Вот недавно посмотрела фильм «Есенин». Фильм и сам Есенин в нём мне не понравились. Я хорошо знаю его «Письмо к женщине», но не учила его никогда. А после фильма прочла его себе от начала и до конца. Видимо, так мои «извилины» устроены.

— Вы упомянули о ракетах. Это оговорка?

— Нет. В то время наш машиностроительный завод имени Калинина начал выпуск ракеты морского базирования. Мы их испытывали на военных полигонах Черноморского флота. Но об этом, если интересно, завтра или в другой день — в полночь, тоже на сон грядущий. А сейчас действительно пора отдыхать.

Под прицелом НКВД

Сыскная служба на Руси всегда была надёжна и крепка: и при царях, и при генсеках. Секретные бумаги из века в век хранились пуще сокровищ. Вспомним, как в 1914 году, когда два царственных родственника поссорились и обрушили войну на обе свои страны, в России переписали всех граждан немецкой национальности, если даже их предки давно обрусели. Сыску указание шло свыше, и его исполняли.

Всю большую семью немца Людвиг Вурцбахера, в которой было четверо взрослых детей, после октября 1917 года «сосчитали» особо и сослали из Петрограда в Пермь. За что? Зря из «колыбели революции» не сошлют. Неблагонадёжны! Потом, уже в Гражданскую войну, семья пыталась уйти с Белой армией Колчака на восток. Осела в Забайкалье, в Чите. Один из сыновей — Альберт — вскоре женился на Елене Андриолли, которая была моложе его на 16 лет. Так в секретном деле семьи Вурцбахеров появилась ещё одна неславянская фамилия — Андриолли. В октябре 1923 года у Альберта и Елены родилась дочь, которую назвали — Нина. Вскоре Альберт их бросил, а «незвучная» его фамилия — Вурцбахер — осталась. Девочка с ней росла, ходила в школу. Страшный 37-й семью не задел, зато в 1938-м... Но об этом чуть позже. А пока проследим судьбу Нины с 22 июня 1941 года.

Школу она окончила отличницей, что открывало ей дорогу в любой вуз, и она уже «видела» себя студенткой Московского авиационного института. Мечта у неё была не женская — стать инженером-испытателем в авиации. О начале войны, как и весь её класс, веселившийся на пикнике за городом, узнала только вечером. А наутро девятнадцать сверстников вместе с другими призывниками ушли в военкомат, оставив девчонок на пыльных улицах Читы. Семнадцать — только из этого класса — с войны не вернулись.

Нина работала на стройке, пока ждала ответ из МАИ. Документы «ходили» долго и вернулись, когда Москва оказалась в осадном положении, с ответом: «Иногородних не принимаем». Как быть? В другое место не уедешь — Читу объявили пограничным городом. Где учиться? Остался только местный педагогический институт. «А вы знаете, какой сегодня месяц? Через неделю уже начало зимней сессии!» Но ректора убедил её пятёрочный аттестат, и её приняли.

А в вузе учили не столько физике и математике, сколько пожарному и военному делу. Прошла курс сандружинницы. Студенты помогали детской больнице. Собирали одежду для сирот, привезённых с прифронтовых областей.

Вскоре институтский корпус отдали под госпиталь, и студентов переселили за город. «В учебной программе»

появились новые предметы: заготовка дров для вуза и для госпиталя, разгрузка эшелонов с ранеными (а мороз сибирский в ту зиму был за сорок), постоянное дежурство в госпитале: перевязки, стирка бинтов, подать-унести судно, написать обнадеживающие письма родным.

Во время дежурств Нина старалась устраивать «литературные минутки». Но это тут же «отметилось» в её секретном досье. За её мыслями и поступками, как, впрочем, и за всеми людьми в советское время, а уж за немцами — особенно, внимательно бдил НКВД. Службистам было подозрительно, что это она раненым рассказывает? Какого Горького? Ах, писателя?! Проверить, только ли это!

А в госпитале стихали стоны, когда она, присев ненадолго на чьей-то кровати, произносила, например, строки облетевшего все фронты гимна любви:

Жди меня. И я вернусь.

Только очень жди...

Или читала главы из «Василия Тёркина».

Однажды в палате тяжёлых она читала «Нунчу». И вдруг вздрогнула. В неё из-под бинтов впились горящие глаза. Мальчишеские. Глубокие. Синие. Боец пришел в сознание, он был ранен в голову. Обмороженные ноги — уже без ступней. Дыхание перехватило. Слова стали жесткими. Весь рассказ она читала только ему, глядя на его запёкшиеся и, может, не знавшие ещё женского поцелуя губы. Это ему ответила «Нунча, гордость квартала, торговка овощами — самый весёлый человек в мире и первая красавица маленького городка, когда её спросили: «...что значит «Свои»? Свои?! Это «люди, среди которых выросла моя душа и которые понимают её».

Это ему, тяжело раненному, рассказывала Нина, как Нунче пришлось бороться за любовь со смертью. В палате стояла тишина. Раненые слушали:

«Грянул, загудел, зажужжал бубен, и вспыхнула эта пламенная пляска (тарантелла), опьяняющая, точно старое, крепкое вино; завертелась Нунча, извиваясь, как змея. Глубоко понимала она этот танец страсти, и велико было наслаждение видеть, как живёт, играет её прекрасное непобедимое тело. Плясала она долго, со многими. Мужчины уставали, а она всё не могла насытиться, и уже было за полночь, когда она, крикнув: — Ну, ещё раз, Энри, последний! — снова медленно начала танец с ним — глаза её расширились и, ласково светясь, обещали многого, — но вдруг, коротко вскрикнув, она всплеснула руками и упала, как подрубленная под колени. Доктор сказал, что она умерла от разрыва сердца».

— Спасибо, нянечка, можно что-нибудь ещё?...

Кто тогда не стремился на фронт? И Нина три раза ходила в военкомат, просилась на курсы переводчиц немецкого языка. Призналась, что в детстве хорошо говорила по-немецки, что у неё была гувернантка немка. Надо было немного подучиться. Потренироваться языку.

Службисты опять достали из сейфа «Дело Вурцбахеров». Ещё внимательнее изучили. И... без объяснений,

которые и так были понятны, отказали. Военком её даже не принял. «Так стремится на фронт! Да она же сразу «сиганёт» к фрицам!»

Но на курсе она была «своим парнем», её даже забрали секретарём комитета комсомола.

Год 1943-й неожиданно и кардинально изменил её жизнь. В разгар войны вышел очень важный правительственный указ об улучшении работы политехнических институтов. Желающих учиться в этих вузах стали отпускать и с работы, и из других институтов. И Нина Вурцбахер, получив таким образом «вольную», с нехитрыми пожитками отправилась в Свердловск — поступать в Уральский индустриальный институт (позже — УПИ, УГТУ). Причём по окончании, несмотря на «немецкость», её берут на секретный завод имени Сталина, в Особое конструкторское бюро Федора Фёдоровича Петрова. Своих сотрудников главный конструктор выбирал сам. Молодые специалисты были нужны. Однако он сразу заявил: «Девушку, хоть какую способную, ни одну не возьму, только если жену с мужем». И всё-таки взял, взял её: Нину Альбертовну Вурцбахер, которая потом, после замужества, стала Огородниковой.

Адская машина времени

Рабочий день, как всегда, затянулся. Устало иду домой, и едва не с порога мой взгляд опять падает на часы. И чего бы мне их рассматривать? Не производство искусства всё-таки, какими украшали в старину интерьеры. Перед тобой тёмная коробочка — тривиальный прямоугольник, начинённый современной электроникой. Без стрелок, только светящийся циферблат. Но тут понимаю, что дизайнеры (ручаюсь, того не ведая) заложили туда «адскую машину времени». Эта маленькая коробочка каждую минуту «раскладывает» хитрый пасьянс в одну строку из четырёх огромных, зеленовато светящихся цифр. И каждая комбинация, если подумать, загадать или поковыряться в памяти — это почти магическое число.

Табло может тебе напомнить арабскую сказку из «1001-й ночи», подсказать чей-то день рождения или историческое событие. К примеру, решил выпить кофе с булочкой в 12.42, убери точку, и перед тобой важная веха — 1242 год, историческое Ледовое побоище с немецкими рыцарями, обезопасившее западные границы Руси. А какая великая веха — Полночь! На циферблате, как обычно — нули. По часам и минутам — время Ведьм, по годам — начало Новой Эры Человечества. От неё начинается отсчёт. На земле в эту первую минуту, по Библии, родился Господь. И получается, что это не только Божеские, но и твои там, в глубине веков, генетически отсчитанные твоими предками годы.

Быстро пролистаем историю до сегодняшнего 2006 года. Это 20.06, ранний вечер. До полуночи, до 23.59, времени ещё не меряно, но что великого, вечного можно свершить за четыре часа? Всё, что успеваешь, и слов не стоит: вечерние хлопоты по дому, позднее — включить ТВ (что там и как в нашем беспокойном мире?), собрать мысли, если они разбежались, оценить погоду

на завтра. А мои странные часы, прихватив меня, уже «стартанули» (ух!)... ещё на три с половиной века вперёд. То есть в 2359 год. Страшно подумать: какой тебе дан запас жизни. А что делать-то столько лет?.. Но тут часы вновь выкинули нули...

— Сложные считалки на ночь глядя, — хохоча откликнулась на мои сетования телефонная собеседница. — Правда, в них всегда есть место важным воспоминаниям: историческим и личным.

— Ловлю вас на слове, Нина Альбертовна. Помните, в прошлую ночь вы обещали, не раскрывая государственных секретов, рассказать о ваших «ракетах морского базирования». Женщинам вроде чужды подобные игры.

— Исключения, как видите, бывают. Но вначале о другом. Пусть ваши часы покажут зиму 1954 (19:54) года. Испытательный полигон под Свердловском, на Красном. Мощный грузовой автомобиль тянет на прицепе пушку. Я, молодой испытатель артиллерийских систем, важно говорю водителю: прибавь газку, сейчас будет «генеральский язык». Проверим ещё раз торсионный вал.

Чаще и выше стало подбрасывать на ухабах. Шоферская кабина не кузов, но если позади две сотни километров, то и пружинное сиденье, что камень. С нами офицер-артиллерист, его обязанность следить за точным выполнением условий испытаний. При малейшей возможности ужесточает нагрузку. Он отвечает за этот этап, всегда на «боевом посту», чтобы конструкторы не всучили какую-нибудь хреновину вместо обещанной новинки, которая должна повысить мощь советской артиллерии. Я сразу назвала его «солдафоном». Из него не вытянешь живого житейского слова о солнечном мартовском дне, синем небе и прекрасном пейзаже, струящемся за стеклом кабины вдоль длинной дороги старого полигона.

О происхождении названия «генеральский язык». Даже старожилы этих мест не могут сказать, царский или советский генерал откусил язык на большой рытвине, которую так и не залатали. Я не могла представить, чтобы такое могло быть на капиталистическом западе, в той же Германии.

Кстати, интерес к этой стране, конечно, был у меня особый: к её истории, культуре, науке. Но когда Германия, совсем в недалёкие годы, стала приглашать «русских немцев», я однозначно решила: «В посольство не пойду, в страну своих предков жить не поеду. Пришли на нашу землю (и не впервой), уничтожили 90 процентов моих сверстников — моего Колю, наших Володю, Юрка, Лёничка... а теперь замаливают грехи? Такое не замаливается! А в России — мой Енисей, мой Байкал, моя Серга, другие реки Урала, по которым не раз хаживала на байдарках...

Но я отвлеклась. В это время на «генеральском языке» изрядно бултыхнуло, я ударилась о потолок кабины. Остановились, вышли, обошли грузовик. С пристрастием осмотрели ходовую часть прицепленной к нему пушки. Всё было цело. Десантники, для которых она предназначалась, будут довольны. Выдержит парашют-

ный спуск. Однако расчёты конструкторов и практическое использование изделия могут не совпасть. Поэтому и существуют полевые испытания. И длются они иногда долго.

В другой раз по плану пушка-«самодвижка» (не путать с самоходкой, что на танковом ходу) должна пойти своим ходом. Её смонтировали на «мотоциклетном ходу» (повторю — готовилась она для десантных подразделений). Две недели по дорогам полигона, теперь уже перед грузовиком (он следовал за нами на «всякий» случай), своим ходом катила пушка. Этот этап испытаний подходил к концу, как вдруг вижу, из мотора полыхнуло пламя. Конструктор-испытатель отвечает за сохранность пушки. Решение только одно — спасать пушку. Быстро сбрасываем полушубки, закрываем кожух мотора. Прижимаем своими телами, но пламя не унимается. Обжигаем пальцы, стаскивая раскалённый кожух, забрасываем двигатель снегом. С трудом, но огонь побеждён. Мы на обочине — усталые, грязные, в саже, с обожжёнными руками. Страшно подумать, что могло бы произойти. В полых несущих конструкциях орудия более сотни литров бензина, поступающего в двигатель по шлангу. Его толщина и прочность решили нашу судьбу. Ещё минута-другая, и мог произойти взрыв — со всеми печальными для опытного образца пушки и для нас с водителем последствиями...

— Всё-таки не женскую вы выбрали себе стезю. Слышала я, что вскоре вы научились сами управлять «самодвижкой».

— Езда долго не давалась. Но освоила. При испытаниях делать всё самой удобнее. Первые испытания новых изделий проходили на полигоне в любую погоду, по строгому графику. Зимой, чтобы не терять времени, ночевала в конторке. Поднималась в шесть, короткий осмотр техники и обкатка: два круга по пятнадцать километров. Погода скверная, мороз под тридцать с ветром. На самодвижущейся пушке нет лобового стекла. На лицо, чтобы не обморозиться, натягивала маску из шерстяного чулка.

Приехал как-то на полигон главный конструктор соседнего завода, увидел, как с пушки сползла бесформенная фигура в тулупе. Лицо и мех в белом куржаке. Когда понял, что перед ним женщина, спросил: «Вы что здесь делаете?» — «Как что? Пушку испытываю». — «За какие грехи Фёдор Фёдорович послал вас в такой мороз?»

А я и не возражала, — отвечаю. Наоборот, я была счастлива: это было первое в моей жизни изделие, которое вела с нуля. Ездил с заданием на мотоциклетный завод, потом выбивала детали в цехах, следила за сборкой, с первого дня участвовала в испытаниях, с волнением, когда подошла моя очередь, подписала акт передачи «самодвижки» другой бригаде. Пушке предстояли другие дороги и новые испытания, по результатам которых СД-44 была принята и какое-то время была на вооружении.

С этой «самодвижкой» — тактических пушек малого калибра на своём ходу тогда ещё не было — много вос-

поминаний: и трудных, и курьёзных. Однажды водитель не справился с управлением и искорёжил ворота воинской части. Караульный вызвал офицера, но пушка уже ушла на площадку для стрельб. Офицер: «Какая машина везла пушку, её номер?» Солдат: «Не было машины, она сама шла!» Офицер решил, что у солдата не всё ладно с головой, и отправил его в санчасть.

Позже на различных полигонах я, рядовой специалист завода, участвовала в испытаниях ракеты для исследования верхних слоёв атмосферы (у меня даже есть удостоверение «Участник выставки ВДНХ»), испытывала новый тип оружия под названием «Вьюга». Комплекс был принят на вооружение Военно-Морского Флота страны в августе 1969 года.

— Нина Альбертовна, из старой заводской многотиражки я выписала стихи, не очень профессиональные, но очень тёплые:

*По опушкам ты гоняла пушки,
Сидя, как ямщик на облучке.
Где те самоходные подружки?
Канули во времени-реке.
Ты была в отделе испытаний
Правою рукой у Пуховца.
И с твоим умением и стараньем
«Вьюгу» довели мы до конца.*

— Это написал мой руководитель отдела испытаний. Меня судьба хотя и бичевала сурово, но в одном мне повезло: 46 лет работала у двух легендарных главных конструкторов — у Фёдора Петрова и Льва Люльева, в двух прекрасных конструкторских бюро — КБ-9 и «Новатор».

— Как произошло, что с одного секретного производства — «пушечного», что на территории Уралмашзавода, вы перебрались на другое, может быть, более секретное, под крышей завода имени Калинина?

— Две государственные тайны на одну ночь, да про серьёзное оружие — это убийственно. Шекспировский Отелло именно в такую бы минуту изрёк: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» Но чтобы расстаться на весёлой ноте, прочту остроумную пародию нашего заводского театра миниатюр. Наш Отелло — не мавр венецианский, он — наш современник, и вообще — эта наша история со счастливым концом.

Трубка читает, я хохочу. Мы прощаемся, и с добрыми воспоминаниями о нашей «полуночной» беседе я быстро засыпаю.

«Баба на корабле»

На несколько недель наши ночные свидания по телефону прервались. Причины всегда найдутся: торопимся жить, потому не всегда успеваем делать добро. Допоздна стала задерживаться в телевизионной монтажной, мне давали только вечерние смены. А моих звонков ждали. Люди в возрасте, отошедшие от больших дел, как правило, одиноки. А одиночество — не самая лучшая компания.

Нина Альбертовна Огородникова — в прошлом инженер-испытатель артиллерийских систем и термоядерных противолодочных ракетоторпед — всегда считала, что у неё прочные тылы, что потом ждёт её счастливая старость: муж, двое сыновей, ещё с нею мать. Но вот упали на неё подряд три страшных года, оставив ей четыре дорогие могилы. Внуки, правнуки живут в новом временном измерении. Мудрость преклонного возраста им пока недоступна.

Собрать бы всех неординарных людей нашего города, наш золотой фонд XX века. Будь моя власть, я бы открыла в Екатеринбурге «Клуб мудрецов». В него бы вошли: старейшая поэтесса Елена Евгеньевна Хоринская, замечательный историк, автор необычной книги «Весёлая энциклопедия уральских следопытов» Галина Александровна Кулагина, создатель уникального музея аэропорта Кольцово Игорь Павлович Катенёв, замечательный художник Виталий Михайлович Волович... Ныне здравствующих ещё мудрецов нашего города всех и не назовёшь. Нам есть о чем у них спросить. Им есть что нам ответить. На основе этого можно издавать и журнал «Клуб мудрецов». Конечно же, я пригласила бы сюда и ту, с которой у меня начался по телефону этот весёлый, как она считает, «ночной роман».

...Набираю знакомый номер. Звонок, второй, третий. Ответила!

— Не спите ещё?

— Нет, вместо считалки вспомнила стихи Симонова:

*Над чёрным носом нашей субмарины
Взошла Венера — странная звезда...*

— Опять в воздухе аромат моря. Это моя стихия — я по гороскопу Рыба.

— Тогда представьте Феодосию и «самое синее в мире — Чёрное море моё». Привезли на предварительные испытания ракеты. Их, прежде чем запускать в серию, надо было многократно проверить.

Например, с вышки сбросить на бетон. Посмотреть при этом, что будет, если при погрузке она «нечаянно» сорвётся и упадёт (что на практике бывает) с высоты 5–8 метров. Бросили — ни одна не взорвалась. Шутим: «Советская — значит отличная!»

Далее — прострел по заряженной ракете. Подсчитываем, куда, как и далеко ли полетели осколки (какого они размера и веса?) при разрыве ракеты от прямого попадания в неё?

Обязательная проверка на пожарную безопасность. Устраиваем для ракеты ванну: заливаем в огромную ёмкость солянку и поджигаем. В результате высчитали, что при пожаре в отсеке у команды корабля, если что случится, в запасе резерв всего пять минут.

Лев Вениаминович Люльев, главный конструктор КБ «Новатор», куда меня автоматически перевели из пушечного КБ-9, был человеком остроумным, умел и жестко требовать, но знал, когда надо дать «слабинку». Читая очередной мой отчёт, он заметил: «Сначала она

её кидает, потом она её взрывает, потом она её ещё и сжигает. И это называется женщина?!»

— В Феодосии в командировках была 45 или 46 раз. Для рассказа нужна не одна, а 1001 ночь. Рассказу самый страшный случай, когда в первый раз испытывали ракету с надводного корабля. Ракету привезли, а необходимых стоек для неё не оказалось. Пришла «наука», оценила исход испытаний, на своём языке сказала — «Не выйдет!» За ней вторая «наука»: «Выйдет, но завалится! К тому же плохая примета: баба на корабле». Командиру моё присутствие тоже не нравилось, но я — член экспедиции. Меня сослуживцы отговаривают: «Шторм четыре балла! Кораблик маленький! Нинка, не ходи, там качает! Не ходи, там гальюна нет!»

Про себя думаю: «Ну и не надо». Через какое-то время принохалась: как это нет? Зашла, а он наглухо захлопнулся. Хочу открыть — никак. У меня рука повреждена, был перелом. Туда-сюда, сил нет, одна боль. А минуты тикают. Начинает бить дрожь. Понимаю, что достать меня можно, но только в порту, и то с помощью автогена.

Стою, страшно. Холодный пот. Ищу варианты. Кое-как сняла майку, сложила на плече, уже на отчаянии собрала последние силы. И открыла. От слабости стоять уже не могла, прислонилась, сделав вид, будто любуюсь красотами моря. Что там было с этой дверью, уж и не вспомню. Но какая-то техническая хитрость (без подвоха) всё же была (может, повышенное разрежение?).

Ракету испытали в стрельбе, всё прошло удачно. В порт пришли в тот раз за полночь. Вот если бы я там осталась, представляете весь ужас: мне на морские испытания дорога была б заказана навсегда. Так бы и приклеилось: «Эт-та та, которую из гальюна вырезали!» «Слава» на весь Черноморский флот!

На этой трагикомической истории мы распрощались, пожелав друг другу спокойной ночи.

Наследство Андриолли

1938 год. Почтальон вручил Анне Михайловне «Ценное уведомление», составленное в стиле документов карательных органов: «Гражданке Андриолли явиться к 9 часам в кабинет к тов. Смирнову». Всю ночь бабушка, дочь и внучка плакали. И прощались. Вышло, и до них беда дошла. А утром старая женщина, приготовившись к самому худшему, с узелком сменного белья отправилась к следователю. Тот заставил её написать подробную, ничего не утаивая, автобиографию, с упоминанием всех, кого помнит, даже умерших, родственников, потом сверял всё это с какими-то бумагами и только после этого объявил, что она может выехать в Польшу, где умер последний из рода Эльвиры Андриолли — за получением наследства.

Необходимая выписка из архива Императорской Санкт-Петербургской академии художеств за 1764–1914 гг.

«Андриолли (Эльвира) Михаил Францевич учился в Московском училище живописи и ваяния, в 1857 г.

Э. Андриолли. 1875 г.

удостоен Академией художеств звания свободного художника за картину «Портрет художника».

И.Е. Репин в своей книге «Далёкое и близкое» в разделе «Письма об искусстве» (1893–1894 гг.) пишет: «...Выставка Андриолли очень типична: этот полу поляк, полуитальянец очень выразителен. Он храбр и благороден, как польский рыцарь, страстен и кипуч, как итальянец. Его энергичные фигуры постоянно переплетаются то польскими, то итальянскими типами. Рядом с душой широкого славянина работает итальянец-затейник, с кипучим воображением, с несокрушимой страстью и неутомимой производительностью. То он вычурен, как позднее «барокко» Микеланджело, то трагичен своей чернотой, как Матейко. И чего недоставало этому яркому романтику, чтобы вписать своё имя в список замечательных художников? Увы, хорошей школы!»

Сведения из «Библиографического словаря» (М., 1970 г.) и «Словаря польских и иностранных художников», изд. Института Польского Искусствознания Польской Академии Наук, 1971 г.:

«Андриолли Эльвио (Михаил), живописец и рисовальщик, родился 2 ноября 1837 г. в Вильнюсе, сын Франчишека и Петронели. Умер 23 августа 1893 г. в Наленчуве (Люблинская губерния тогда Российской империи). После московского периода обучения ездил в Италию совершенствоваться в живописи. В 1861 году на Римской выставке получил серебряную медаль. Много путешествовал по Европе. Участвовал в польском восстании 1863 г., был арестован, совершил побег из тюрьмы, скрывался в Англии, затем во Франции. При

попытке вернуться в Польшу снова арестован и сослан в Вятку».

Эти «поднадзорные» годы связаны с материальными трудностями. Чтобы прожить, ему приходится давать частные уроки, в частности, он занимается живописью и рисунком с младшим братом известного художника Виктора Васнецова — Аполлинарием. Вместе с ним потом расписывает Вятский кафедральный собор. В Вятке помог своему воспитаннику устроить выставку, на вырученные от продажи его картин 60 рублей (тогда большие деньги) Аполлинарий уехал в Петербург, чтобы учиться в Академии художеств.

В 1871 году Андриолли смог вернуться в Польшу, поселился в Варшаве. Начались интенсивные годы творческой работы. К этому периоду относятся многочисленные иллюстрации к сочинениям польских писателей: Мальчевского, Крашевского, Ожешко. Издавалась и переиздавалась, с его иллюстрациями, эпическая поэма Адама Мицкевича «Пан Тадеуш». Теперь он известный польский художник. Книжная графика стала главным его делом. Тогда он задумывает создать по мотивам произведений великих русских писателей — Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Гончарова и Тургенева свои «шесть граций». Так в альбом вошли шесть известных литературных женских портретов.

Но оставим на время эту давнюю историю и продолжим наш роман по телефону.

Итак, ночные романы, как и положено, случаются ночью. И сегодня Земля повернулась к Светилу спиной, уронив свою тень на наш город. На свои скучные часы не смотрю. Но почему-то вспомнились старинные куранты на ратуше какой-то европейской столицы. Роскошные по дизайну цифры и стрелки, красивая мелодия каждые четверть часа наполняет площадь. Меняются поколения за поколениями, а они всё «при исполнении». Но удивительно не это, подобных часов не счесть. Вокруг циферблата фигуры-символы. Это как бы тайные страсти человеческой души. Одна изображает франта, тратящего жизнь на пиры, карты, развлечения. Другая — рыцарь, мечтающий о славе и покорении мира. Третья — чахнувший над золотом скупец. Четвёртая — человек, жаждущий безмерной власти. А последняя фигура — костлявый человеческий скелет со скрипучим молоточком — напоминание о том, что красота, деньги, власть, слава — ничто в подлунном мире не вечно!

— Не знаешь, сколько тебе отведено, — размышляет Нина Альбертовна. — Но хочется сознавать, что небо коптил не зря. Добрые дела от прожитых лет не зависят. Жаль, что век Эльвио Андриолли был недолог, всего 56 лет. Какие были у него наследники, мы не знаем, но когда последний из них умер, стали искать возможных родственников в Советском Союзе. Так в Чите по сыскным делам обнаружили нас. Эльвио (Михаил) был родным братом моего деда.

— Вас наследство обогатило?

— Как же! От него бабушка тут же отказалась! Подписала бумагу «в пользу государства». Ехать за границу, вступить в наследство — тогда, в 1938 году — это значи-

Четыре из «шести граций» Э. Андриолли

ло добровольно отправиться в Магадан (или далее), не заезжая в Польшу. Бабушка не отважилась попросить на память хоть какую-нибудь из картин художника. Так что всё кануло в Лету.

— А мы нырнём в эту Лету и что-нибудь выловим!

— Не очень верю. Моя работа в военно-промышленном комплексе сделала меня «невъездной». Всякие зарубежные турпоездки, поиски, наведение справок — не приветствовалось, всё фиксировал специальный отдел. Рисковать не хотелось. Да и некогда было. А сейчас вы-

езжать сложно. Смотрят в паспорт: «Сколько, сколько? Уже за 80? А вдруг заболеете или ещё хуже?» Словом, выходит (какой позор!) — с творчеством своего предка я не знакома вообще.

Слышу, как трубка вздохнула. Но тут же весёлым голосом:

— А сейчас на сон грядущий — улыбнитесь, — остроумная пародия Архангельского на моего любимого Михаила Светлова, вот несколько строк:

*...Отчаянный малый, немецкий поэт,
Вошёл и сказал он: «Светлову привет!»
Я спрыгнул с кровати и шаркнул ногой:
— Садитесь, пожалуйста, мой дорогой!
Садитесь, прошу вас, сюда на тахту,
Стихи и поэмы свои вам прочту! —
Гляжу я, вдруг Гейне стал бел, как стена,
И в ужасе молвил: — Спасибо. Не нн-а...*

Возвращение из Леты

Начиная поиск, чувствуешь себя витязем на распутье. С чего начать? По логике, картины Эльвиры Андриолли могли сохраниться в тех городах, где он долго жил. Например, в Вильнюсском и Вятском художественных музеях. Вильнюс — теперь за граница, и на диалог со мной никто не вышел. Из Вятки (Кирова), из «Музея Васнецовых», научный сотрудник Г.А. Исупова очень доброжелательно ответила, что в их коллекции только 13 рисунков Андриолли, даже скорее — набросков, но они имеют сугубо краеведческое значение. Есть ещё 13 произведений религиозной живописи, спасённых из разрушенного храма. Из них 12 вызывают сомнение в авторстве Андриолли. Иконы художником не подписаны. Сейчас идёт всестороннее исследование этой небольшой коллекции.

В конце письма Галина Алексеевна посоветовала всё-таки искать в музеях Польши.

Быстро, говорят, сказка сказывается, да хорошо бы при этом... знать польский язык. Поэтому всей семьёй на российских порталах Интернета ищем серьёзное общество русско-польской дружбы. Но «откликаются» в основном туристические фирмы: мол, заказывайте у нас тур в Польшу, а там запросто найдёте, что ищете. И вот, наконец, удача: при Красноярском государственном университете активно работает такое сообщество, которое к тому же при участии управления культуры Красноярского края регулярно устраивает выставки польской культуры и искусства. Преподаватель Дариуш Клевовски любезно дал точный адрес в Варшаве, конечно, запрашивать надо музей имени Адама Мицкевича, писать можно и по-русски, и по-немецки — там переведут!

Отправляем письмо, но проходит месяц, другой, третий (вот они — трудности перевода!). В общем, ждём. Тут понимаем, что в поисках не учли ещё один вариант, и беспроигрышный. Поскольку Андриолли был известным книжным графиком, значит, книги с его иллюстрациями живут и могут быть даже в Екатеринбургe — в редком фонде нашей областной библиотеки

имени Белинского. Так оно и оказалось. Ведущий научный сотрудник библиотеки Валентина Ильинична Рябухина действительно нашла и «Пана Тадеуша» в русском переводе с иллюстрациями Эльвиры Андриолли, и его художественный альбом с шестью портретами героинь русской литературы.

Так Нина Альбертовна Вурцбахер — Огородникова — Андриолли впервые встретилась со своим наследством, с его частичкой, с тем, что оставил миру более ста лет назад её талантливый предок: в частности, с его пушкинской Татьяной, Наташей из «Войны и мира», Верой из «Обрыва» и тремя героинями из произведений Тургенева и Лермонтова.

В очередной раз, когда моя адская машина времени выбросила нулевой пасьянс, я набираю знакомый номер и говорю:

— Продолжим наш ночной роман по телефону. Вопрос: вы всё равно не верите, что из Леты возвращаются?

— Но я никогда не увижу портрета нашего Эльвиры.
— А я — обещаю!
— ???

Буквально вскоре после этого ночного бдения произошло вот что (как в том анекдоте: — Не верите? — Вот бумага из Москвы!). Из Варшавы пришло, наконец, письмо, которого я ждала более полугодом. Заместитель директора Музея литературы имени Адама Мицкевича Эльжбета Банко-Ситек прислала целый пакет информации об Эльвиры Андриолли — на русском и на польском языках. Приведу только несколько важных моментов из варшавского периода жизни художника.

К 1877 году — это очень известный график, прежде всего, автор иллюстраций к большинству выходивших тогда в Польше книг и журналов. В этом году он женится на Наталии Тарновской, она — способный скульптор, но в конце того же 1877 года брак распался. В 1886 году Андриолли приобретает поместье Бжеги над рекой Свицер. Много пишет пейзажей. Но после длительного путешествия по побережью Адриатического моря в возрасте 56 лет умирает от рака желудка.

И главная сенсация поиска: в конверт было вложено то, что так хотелось увидеть. Польский музей любезно прислал даже три фотографии Эльвиры (Михаила) Андриолли. Открытое красивое лицо. Снимки разных лет. Человека давно нет, а образ живёт...

— Что сказать? Не знаю, как и благодарить. Вы упорный человек и доставили мне много радости. Спасибо! Теперь, перед сном, улыбнитесь: есть новая интересная история. Был ещё один человек с этой же фамилией, тоже участник Польского восстания, сосланный в город моей юности — в Читту, вернее, на один из Забайкальских рудников. Имя его — Эмиль, только в фамилии вместо «и» — «е» и одно «л» в окончании: А н д р е о л и. Разница в возрасте — четыре года. Родился в Италии. Также художник. И, возможно, они братья. Интересно, что имена всех Андриолли начинались с буквы «Э». Мой дед был Эрменьевич. Будем искать?